

ISSN 2073-6606

TERRA ECONOMICUS

12
ТОМ

2014

2
номер

Часть 2

TERRA ECONOMICUS

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958

До 2009 г. — Экономический вестник
Ростовского государственного
университета

Журнал включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук

Учредитель:

Южный федеральный университет

Главный редактор **Мамедов О.Ю.**

Редакционная коллегия:

Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор,
Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,
Вольчик В.В. (зам. главного редактора), доктор экономических наук, профессор,
Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор,
Овчинников В.Н., доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет:

Овчинников В.Н., председатель, доктор экономических наук, профессор,
Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,
Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор,
Белокрылова О.С., доктор экономических наук, профессор,
Белоусов В.М., доктор экономических наук, профессор,
Боровская М.А., доктор экономических наук, профессор,
Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор,
Германова О.Е., доктор экономических наук, профессор,
Кетова Н.П., доктор экономических наук, профессор,
Крюков С.В., доктор экономических наук, профессор,
Лукьянцев А.А., доктор юридических наук, профессор,
Макаренко В.П., доктор политических наук, профессор,
Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор,
Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор,
Михалкина Е.В., доктор экономических наук, профессор,
Наймушин В.Г., доктор экономических наук, профессор,
Нуреев Р.М., доктор экономических наук, профессор,
Сероштан М.В., доктор экономических наук, профессор,
Туманян Ю.Р., доктор экономических наук, профессор,
Ханин Г.И., доктор экономических наук, профессор,
Цыганенко С.С., доктор юридических наук, профессор,
Чернышев М.А., доктор экономических наук, профессор,
Шевченко И.К., доктор экономических наук, профессор,
Эллман М.Дж., почетный профессор Амстердамского университета

Ассистент редактора **Оганесян А.А.**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105/42.
тел.: (863) 265-31-58, 264-84-66
факс: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
тел.: (863) 240 96-27
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
<http://sfedu.ru/evjur/>

TERRA ECONOMICUS

Before 2009 – Economic Herald of Rostov State University

TERRA ECONOMICUS is included into
«The list of the leading scientific journals
and publications under review, where the basic scientific
research results of the theses for academic Degrees
of Doctor and Candidate should be published»
of the Higher Attestation Commission (HAC),
the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Founder:

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Editor in Chief **Mamedov O.Yu.**

Editorial Board:

Mamedov O.Yu., Doctor of Economics, Professor,
Aleshin V.A., Doctor of Economics, Professor,
Volchik V.V. (Deputy Editor), Doctor of Economics, Professor,
Matveeva L.G., Doctor of Economics, Professor,
Ovchinnikov V.N., Doctor of Economics, Professor

Editorial Staff:

Ovchinnikov V.N., Chairperson of Editorial Staff, Doctor of Economics, Professor,
Aleshin V.A., Doctor of Economics, Professor,
Arkhipov A.Yu., Doctor of Economics, Professor,
Belokrylova O.S., Doctor of Economics, Professor,
Belousov V.M., Doctor of Economics, Professor,
Borovskaya M.A., Doctor of Economics, Professor,
Chernyshov M.A., Doctor of Economics, Professor,
Ellman M.J., Emeritus Professor, Amsterdam University,
Germanova O.E., Doctor of Economics, Professor,
Ketova N.P., Doctor of Economics, Professor,
Khanin G.I., Doctor of Economics, Professor,
Kryukov S.V., Doctor of Economics, Professor,
Lukyantsev A.A., Doctor of Laws, Professor,
Makarenko V.P., Doctor of Politics, Professor,
Mamedov O.Yu., Doctor of Economics, Professor,
Matveeva L.G., Doctor of Economics, Professor,
Mikhalkina E.V., Doctor of Economics, Professor,
Naimushin V.G., Doctor of Economics, Professor,
Nureev R.M., Doctor of Economics, Professor,
Seroshtan M.V., Doctor of Economics, Professor,
Shevchenko I.K., Doctor of Economics, Professor,
Tsyganenko S.S., Doctor of Laws, Professor,
Tumanyan Yu.R., Doctor of Economics, Professor,
Volchik V.V., Doctor of Economics, Professor

Assistant editor **Oganesyan A.A.**, Candidate of Economics, Principal Researcher

The articles assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements which are
available at <http://sfedu.ru/evjur/>. Articles which do not follow the rules are rejected by the Editorial Board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected.

Post-graduates' articles to be published are free of charge.

Registered by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Date of registration: 16th January, 2009.
Registration certificate PI № FS77-34982

Founded: 2003

Quarterly Journal

Subscription index in «Rospechat»

catalogue: 81958

Founder's mailing address:

Bolshaya Sadovaya St., 105,
Rostov-on-Don, Russia, 344006.
Phone: (863) 265-31-58, 264-84-66
Fax: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Editorial office:

of. 211, Gorkogo St., 88,
Rostov-on-Don, Russia, 344002.
Phone: +7 (863) 240-96-27
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
<http://sfedu.ru/evjur/>

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Галазова С.С. Пространственный аспект современной экономической теории	6
Кузьменко В.В., Трысячный В.И., Руденко В.В. Разработка промышленной политики в системе обеспечения экономической безопасности	11
Булгаков С.И. Концепция модернизации экономики: типология и предпосылки	16
Волков Ю.Ю. Социальная стратификация российского общества: влияние на становление финансового капитала	21

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Матвеева Л.Г., Стефанков И.О. Стратегический подход к развитию промышленных предприятий в условиях экономических санкций	26
Бутова С.В., Бутов Ф.С. Институциональная структура рынка государственных и муниципальных закупок в рамках контрактной системы	30
Поляков П.В., Тихонова К.В., Чешев А.С. Особенности эколого-мелиоративной деятельности на агроландшафтах в современных условиях	36
Барсукова А.В. Природа и базовые черты динамично развивающегося бизнеса	40
Фролова И.В., Скрынникова А.А. Особенности бухгалтерского и налогового учета инноваций для собственных нужд предприятия	48
Цоков З.В. Институциональное сопровождение проектного финансирования	53
Чалова А.А. Необходимость совершенствования инструментов маркетинговых коммуникаций с целью повышения эффективности деятельности организаций потребительской кооперации	58
Андреева О.В. Факторы реализации стратегий крупных отраслевых корпораций в условиях возмущенной внешней среды	64
Тараненко О.Н. Финансовые схемы реализации инфраструктурных проектов ГЧП	69
Поляков П.В. Усовершенствование методики оценки природохозяйственной деятельности с использованием оптимизационной модели природопользования	74
Созанов В.В. Институт медиации в системе отношений несостоятельности (банкротства) в РФ	80
Каплина А.В. Стратегическая диагностика региональной системы финансирования кластерных инициатив	86
Саранцев В.Н. Современная модель организации казначейской системы исполнения бюджетов в Российской Федерации	91
Казакова И.Н., Миргородская О.А. Экономические особенности инновационного процесса и приоритеты его развития в агробизнесе	96
Кузьминов А.Н., Коростиева Н.Г. Направления совершенствования системы учета кредитного риска для субъектов предпринимательства	100
Миргородская О.А., Савельева Е.А. Эффективное управление как фактор устойчивого экономического развития	106

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Кушнаренко Т.В. Региональный механизм сохранения устойчивого роста в условиях глобальных проблем и вызовов	110
Родионова Н.Д. Разработка системы показателей оценки качества экономического пространства региона	115

Травнев Л.Н. Региональная экономика проблемы повышения инвестиционного статуса городских агломераций	120
Сергиенко В.Ю. Благоустройство региона как фактор отражения его устойчивого развития	128
Фролова И.В. Системные параметры моделирования устойчивого развития региона	133
Чешев А.С., Тихонова К.В., Поляков В.В. Экологический механизм управления природоохранной деятельностью на мелиоративных системах	138
Тараненко О.Н. Применение UML-моделей в реализации проектов ГЧП	143
Стариковский В.С. Региональные органы власти и отечественная электроэнергетика: направления оценки эффективности	147

ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ищенко-Падукова О.А., Мовчан И.В. Тенденции инновационного развития национальной экономики в условиях глобальной конкуренции	152
Кубкина Ю.С. Основные тенденции развития электронной коммерции в мировой экономике и экономике Российской Федерации	157

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ГАЛАЗОВА С.С.,

доктор экономических наук, профессор,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
e-mail: bubu1999@mail.ru

Современная экономическая теория рассматривает экономические процессы как отражательную (рефлексивную) реализацию закономерностей данной исторической ступени общественного производства. Особую значимость приобретает рефлексивная характеристика при анализе пространственной организации экономики, что требует специальной разработки соответствующей теоретической концепции, а также формирования адекватного аналитического инструментария.

Ключевые слова: современная экономическая теория; пространственная характеристика экономических процессов; региональные закономерности общественного производства.

SPATIAL ASPECTS OF CONTEMPORARY ECONOMIC THEORY

GALAZOVA S.S.,

Ph.D., Professor,
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov,
e-mail: bubu1999@mail.ru

The contemporary economic theory considers economic processes as reflective (reflective) implementation of laws given historical stage of social production. Particular significance in the analysis of the reflective characteristics of the spatial organization of the economy. This requires special development of appropriate theoretical concepts as well as adequate analytical tools.

Keywords: modern economic theory; spatial characteristics of economic processes; regional patterns of public production.

JEL classification: B41, O18.

Рост значимости пространственного фактора в общей динамике российской экономики актуализирует исследование макроэкономических координат развития территориального уровня национальной экономической системы, требуя специального изучения механизма, факторов и последствий эффекта такой координации. Объективной основой формирования механизма непосредственного и опосредованного реагирования региональных социально-экономических систем на изменение национальных макроэкономических параметров выступает двойственная природа региональной экономики – свойство региональной экономики, которое еще не в полной мере и осознается, и исследуется представителями отечественной и зарубежной экономической теории. Этим, прежде всего, объясняется то обстоятельство, что на периферии научного внимания находятся также факторы, определяющие степень макроэкономического контекста динамики региональной экономики (Клейнер, 2013). Однако актуальность исследования механизма и степени реакции региональной экономики на изменение национальных макроэкономических параметров несомненна. Она обусловлена тем, что такая

реакция неизбежно сопровождается стратегическими (позитивными и негативными) последствиями для динамичного развития самого территориального производства. В этом аспекте значительный теоретический и практический интерес вызывает институциональный механизм отражения региональной экономикой динамики базовых макроэкономических параметров – феномен, специальное рассмотрение которого должно составлять, на наш взгляд, особый аспект развития современной экономической теории (Галазова, 2011). Между тем, изучение работ отечественных и зарубежных экономистов по данной проблеме обнаружило, что исследования по соответствующей тематике находятся фактически на начальной стадии. Поэтому сегодня имеются все основания оценивать ситуацию как этап формирования методологической и теоретической базы изучения реакции региональных социально-экономических систем на изменения национальных макроэкономических параметров и институциональных условий. Тем не менее уже сложилась фундаментальная основа для реализации выбранного направления исследования как особого фактора становления региональной экономики и того, что этим обусловлено – процесса формирования региональной экономической политики.

Таким образом, институциональный механизм реакции региональных социально-экономических систем на изменение национальных макроэкономических параметров специальному исследованию еще не подвергался, хотя такая реакция непосредственно сказывается на темпах развития региональной экономики. Это требует ускоренной разработки данного методологически значимого и хозяйственно важного вопроса – макроэкономического контекста развития региональной экономики как реакции на изменение базовых параметров национальной макроэкономической системы, приобретающей статус особого фактора рациональной пространственной организации и устойчивого роста экономики.

В общем плане изучение пространственного аспекта современной экономики и экономической теории включает внимание к таким моментам, как характеристика двойственной основы региональной экономики, выявление факторов, определяющих степень ее рефлексивности, оценка позитивных и негативных аспектов региональной рефлексивности, институционализация механизма отражения региональной экономикой динамики базовых макроэкономических параметров, изучение их системы и иерархической структуры, реакция региональной экономики на изменение валового внутреннего продукта и ее последствия, отражение региональной экономикой изменения уровня эффективности национального производства и ее последствий, реакция региональной экономики на изменение структуры и величины федерального бюджета и ее последствия, трансформация механизма рефлексии региональной экономики в эпоху глобализации мирохозяйственных процессов (Клейнер, 2011). Все это позволит прогнозировать динамику региональной экономики в рамках процесса отражения ею изменения национальных макроэкономических параметров как особого фактора динамики территориального производства.

В методологическом аспекте подобное исследование предполагает признание объективности, диалектичности, институциональности и полифункциональности отражения макроэкономических процессов на региональном уровне; процесса реагирования региональной экономики на динамику макроэкономических параметров объективным диалектическим процессом, посредством которого разрешаются территориальные противоречия макроэкономической системы; региональной экономической политики необходимой формой смягчения или усиления отражательных свойств региональной экономики.

Мы исходим из того, что реакция региональных социально-экономических систем на изменение национальных макроэкономических параметров и институциональных условий основывается на признании действительного существования объективной прямой зависимости рассматриваемой связи, коррелирующим фактором которой выступает временная продолжительность рассматриваемой зависимости. Кроме того, теоретическое моделирование механизма рефлекторной реакции региональной экономики на изменение национальных макроэкономических параметров в качестве исходной основы имеет бюджетную политику, которая, закладывая оптимальный диапазон приемлемых норм и стандартов относительно базовых макроэкономических параметров, тем самым предопределяет количественные индикаторы денежных ресурсов, необходимых для финансирования реального достижения соответствующих показателей. Наконец, особую значимость приобретает то обстоятельство, что «рефлекторная» функция региональной экономики, которая до настоящего времени остается в системе государственного макроэкономического регулирования функцией периферийного статуса, выражается в стратегическом прогнозировании всех статей региональных и муниципальных бюджетов, учет которого позволил бы целенаправленно оптимизировать территориальное распределение материальных и финансовых ресурсов.

Реализуя предложенный подход, автор пришел к следующим, по его мнению, значимым в теоретико-методологическом отношении выводам.

Отражательная (рефлекторная) динамика региональной экономики операционально раскрывается методом применения определенного сходства двух (макроэкономического и пространственного) временных рядов, что требует обоснования допустимой меры сходства. Целью прогнозирования долгосрочных демогра-

фических и макроэкономических тенденций – как региональной реакции на общеэкономические изменения – выступает создание соответствующей модели разработки долгосрочного инвестиционного проекта, которая должна содержать оценки параметров на основе параллельной обработки сопоставимых индикаторов.

Для содержательной характеристики региональной экономической динамики в контексте изменения макроэкономических параметров необходимо учитывать экономические прогнозы близлежащих регионов, основанные на прогнозах существующих тенденций и дополненные данными из других статистических документов (Полтерович, 1998). При этом следует учитывать также, что специфическим фактором рефлексивности региональной экономики выступает унификация бюджетно-налоговой политики на федеральном и региональном уровнях. Это требует создания специального института регионального финансирования эффективного использования доминантных территориальных ресурсов, как основы межрегиональной интеграции.

Степень реакции региональной экономики на изменение макроэкономических параметров зависит от согласованности сотрудничества различных уровней власти, дискреционной политики государства, мер либерализации регионального рынка, механизмов создания единого экономического пространства (Анимица, Сухих, 2007). Особенно важным в этом аспекте выступает относительное распределение доходов, определяющее внутрорегиональный диапазон экономической стратификации. Результаты оценки критических параметров данного диапазона показывают, что не существует прямой связи между доходом и накоплением человеческого капитала. Процессу регионального развития присущи различные точки самостоятельного равновесного роста.

Двойственная основа региональной экономики обусловлена тем, что, с одной стороны, она представляет собой пространственно-локализованную концентрацию географически и экономически специализированных производственных ресурсов, а с другой – выступает подсистемой общенациональной экономической системы. Соотношение этих двух регионообразующих сторон территориальной экономики и характеризует степень ее рефлексивности на изменение макроэкономических параметров народнохозяйственного уровня.

Отмеченная двойственная основа выражается в двойственных последствиях рассматриваемого феномена. Позитивная сторона рефлексивной природы региональной экономики состоит в том, что только благодаря этому свойству практически возможно формирование экономически единого пространства в рамках национальной экономики. Негативная сторона региональной рефлексивности проявляется в том, что она потенциально способна выступить фактором, препятствующим реализации абсолютных и относительных конкурентных преимуществ данной территории. Отсюда возникает особый императив региональной экономической политики, требующий учета позитивных и негативных аспектов влияния изменения базовых национальных макроэкономических параметров на интенсификацию региональной экономики.

Основными факторами, определяющими степень рефлексивности региональной экономики, являются: сочетание административного и рыночного начал в механизме регулирования данной национальной экономической системы, степень ее открытости императивам глобализации, а также специфические характеристики макроэкономических параметров (Иншаков, Фролов, 2007). Именно связь динамики макроэкономических параметров с аналогичными регионально-экономическими и образует механизм реакции региональной экономики на изменения, происходящие на макроэкономическом уровне.

Эффективный механизм отражения региональной экономикой динамики базовых макроэкономических параметров предполагает формирование особой системы специализированных институтов финансовой и административной направленности, ускоряющих (при позитивной динамике макроэкономики) или замедляющих (при негативной динамике макроэкономики) степень рефлексивной реакции региональной экономики. К числу таких институтов относятся: налоговое законодательство, межбюджетные отношения, деятельность региональных филиалов крупного корпоративного бизнеса.

Реакция региональной экономики на изменение валового внутреннего продукта имеет значительный временной лаг, продолжительность которого зависит от степени экономической самодостаточности данного региона. Существенное значение имеет также экономическая структура производимого в данный период внутреннего продукта, поскольку на динамику региональной экономики влияет только изменение такого элемента внутреннего продукта как величина национального дохода (Минакир, 2005). Главным экономическим следствием данной взаимосвязи выступает рефлексивная динамика параметров регионального валового продукта, имеющая для региона существенные последствия производственного, экономического и социального характера.

Реакция региональной экономики на изменение уровня эффективности национального производства состоит в позитивной динамике основных параметров территориального производства, в случае роста общенациональной эффективности, и негативной динамике – в случае ее снижения, хотя при развитом потенциале региональной экономики она способна отклоняться от обозначившейся тенденции. Особым случаем следует считать состояние стагнации национальной макроэкономики, что создает условия для реализации собственного потенциала экономики региона (Неэкономические грани экономики..., 2010).

Реакция региональной экономики на изменение структуры и величины государственного бюджета зависит от степени дотационности регионального бюджета, наличия собственных источников увеличения местных финансовых ресурсов, благоприятного инвестиционного климата в регионе, а также развитости регионального предпринимательства. Практика показывает, что дотационность региональных бюджетов хотя и выступает необходимым инструментом выравнивания уровней экономического развития территорий, в стратегическом аспекте является фактором, препятствующим интенсификации региональной экономики.

Основное направление трансформации механизма рефлексии региональной экономики в эпоху глобализации мирохозяйственных процессов состоит в том, что такая рефлексия расширяет свой диапазон, становясь механизмом отражения изменения не только в динамике национальных макроэкономических параметров, но и общемировых тенденций. Это способно породить на региональном уровне противоречия между разнонаправленностью национальных и мировых экономических тенденций (*Гранберг, 2009*).

Многоуровневость и противоречивость функционирования макроэкономики и территориальной экономики выражается в устойчивом расхождении норм бюджетных расходов и фактических расходов бюджетов на федеральном и региональном уровнях, что вызывает системную деформацию экономических связей на всех уровнях национальной экономической системы и проявляется как тенденция к реальному сокращению расходов социального и экономического назначения. Для сокращения отмеченного расхождения необходим особый алгоритм формирования федерального и регионального бюджетов, соответствующий действительным потребностям населения, экономики и общества. В практическом аспекте это требует специальной разработки и правовой институционализации однородных экономических показателей, сопрягаемых на макроэкономическом и на региональном уровнях.

Одновекторная реакция региональных социально-экономических систем на изменение национальных макроэкономических параметров и институциональных условий должна допускать согласительные процедуры по проектам годовых и циклических бюджетов с целью их дополнительной корректировки со стороны государственных и федеральных как условия их согласованного пересмотра в границах среднесрочной бюджетной политики. Названные процедуры образуют реальный элемент реформы федерального бюджетного процесса. В число объектов коррелируемых бюджетных параметров в обязательном порядке должны входить прогнозируемые макроэкономические индикаторы параметров разноуровневых фискальных отношений и конкретные прогнозы доходов и расходов каждого уровня Федерации.

Потенциальные преимущества превентивного прогноза процесса формирования макроэкономических параметров с целью учета масштаба и направленности реакции региональных социально-экономических систем на изменение национальных макроэкономических параметров и институциональных условий состоят в том, что они обеспечивают удешевление социальной и экономической стоимости стратегии бюджетной политики. Однако сложившаяся система упреждающего прогноза и мониторинга связи между изменением макроэкономических параметров и реакцией на это изменение параметров региональной экономики не адекватна реальным потребностям, поскольку на уровне регионов такая реакция превратилась в рутинную проекцию годовых бюджетов с корректировкой на изменения в принятых стратегических решениях.

Позитивное следствие консервативного характера динамики общих макроэкономических параметров заключается в том, что это создает временной лаг «безопасности» для региональной экономики в сфере рефлексорной корректировки бюджетных индикаторов. В гармонизации механизма реагирования региональной экономики на изменение макроэкономических параметров заложен значительный потенциал придания региональным социально-экономическим системам долгосрочной устойчивости и стратегической эффективности. В практическом аспекте соответствующие прогнозы должны отражать цели стратегического планирования будущих расходов, а также соотношение ожидания будущих расходов с нынешними тенденциями (это касается в основном крупных общенациональных проектов, оставляя за годовыми бюджетами обслуживание тактических фискальных потребностей). Однако традиционные средства эконометрического анализа позволяют зафиксировать реакцию регионального уровня национальной экономики на изменение макроэкономических параметров при условии стабильности отраслевой структуры экономики.

Изучение влияния структурных изменений на процесс создания эффективных региональных эконометрических моделей позволит разработать методологию динамической оценки макроэкономической модели, отражающей структурные отраслевые изменения. Теоретическая проблема состоит в том, что даже в простых динамических моделях региональной экономики нормативный баланс может быть математизирован, однако на практике он содержит значительное число неverified параметров, которые не могут быть определены инструментами экономической статистики. В этом случае методический приоритет переходит к определению достаточных интервалов для построения параметров динамики региональной эконометрической модели. Реакция региональных параметров на изменения макроэкономических параметров возводит в статус переменных величин ряд пространственно-экономических зависимостей.

Выявление количественной зависимости между динамикой макроэкономических и региональных параметров требует разработки специального метода оценки изменяющихся параметров соответствующей модели посредством использования параллельных вычислений на нескольких процессорах современной компьютерной системы, а также эвристических алгоритмов. Благодаря этому становится возможным определение неизвестных (стыковых) параметров экономической модели, косвенное сравнение временных рядов макроэкономической индексов, расчет на модели статистических рядов динамики макроэкономических и отражающих эту динамику региональных индексов.

ЛИТЕРАТУРА

- Анимитца Е.Г., Сухих В.А. (2007). Пространственно-временная парадигма в социоэкономике: региональный аспект. Пермь.
- Галазова С.С. (2011). Системная сопряженность институциональной среды российских регионов // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. Коста Левановича Хетагурова*, № 4, с. 304.
- Гранберг А.Г. (2009). Становление в России научного направления «пространственная экономика» // *Вестник Университета (Государственный университет управления)*, т. 2, № 26, с. 18–24.
- Ершов Ю.С. (2010). Пространственный аспект российской экономики и перспектив ее развития: до и после кризиса // *Регион: экономика и социология*, № 2, с. 129–153.
- Иншаков О.В., Фролов Д.П. (2007). Институциональность пространства в концепции пространственной экономики // *Пространственная экономика*, № 1.
- Клейнер Г.Б. (2013). Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // *Вопросы экономики*, № 6.
- Клейнер Г.Б. (2011). Новая теория экономических систем и ее приложения // *Вестник РАН*, № 9, с. 794–808.
- Минакир П.А. (2005). Экономика и пространство // *Пространственная экономика*, № 1.
- Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов (2010). Рук. междисциплинарного проекта и научный редактор О.Т. Богомолов; М.: Институт экономических стратегий.
- Полтерович В.М. (1998). Кризис экономической теории // *Экономическая наука современной России*, № 1, с. 46–56.

REFERENCES

- Animitsa E.G., Sukhih V.A. (2007). Space-time paradigm in socioeconomics: a regional perspective. Perm. (In Russian.)
- Ershov S. (2010). The spatial aspect of the Russian economy and the prospects of its development, before and after the crisis. *Region: Economics and Sociology*, no. 2, pp. 129–153. (In Russian.)
- Galazova S.S. (2011). System contingency institutional environment grew-sian regions. *Herald of North Ossetian State University*, no. 4, pp. 304. (In Russian.)
- Granberg A.G. (2009). Formation in Russian scientific direction “space-governmental economy”. *University Bulletin*, т. 2, no. 26, pp. 18–24. (In Russian.)
- Inshakov O.V., Frolov D.P. (2007). Institutional space in the concept of spatial economics. *Spatial Economics*, no. 1. (In Russian.)
- Kleiner B. (2011). The new theory of economic systems and its applications. *Herald of the RAS*, no. 9, pp. 794–808. (In Russian.)
- Kleiner B. (2013). System economics as a development platform present variable economic theory. *Economic Issues*, no. 6. (In Russian.)
- Minakir P.A. (2005). Economics and space. *Space eco-economy*, no. 1.
- Non-economic facets of the economy: the unknown interference. *Scientific and journalistic notes social scientists* (2010). Institute for Economic Strategies. (In Russian.)
- Polterovich V.M. (1998). The crisis of economic theory. *Economics of contemporary Russia*, no. 1, pp. 46–56. (In Russian.)

РАЗРАБОТКА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

КУЗЬМЕНКО В.В.,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Налоги и налогообложение»,
Северо-Кавказский федеральный университет,
e-mail: nalogi@ncstu.ru;

ТРЫСЯЧНЫЙ В.И.,

доктор экономических наук, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление»,
Северо-Кавказский федеральный университет,
e-mail: kavkazvi@gmail.com;

РУДЕНКО В.В.,

аспирант кафедры «Государственное и муниципальное управление»,
Северо-Кавказский федеральный университет,
e-mail: v89283500000@gmail.com

Современные интеграционные процессы обуславливают непрерывные изменения в российской экономике. В этих условиях актуализируются функции государственного управления в части формирования эффективной промышленной политики для обеспечения безопасности страны. Перспективным направлением разрешения возникающих в этой связи задач выступает гармонизация составляющих государственной индустриальной политики. Для обоснования важности разработки данного направления отметим, что в настоящее время отсутствуют общепринятые теоретико-методические подходы, раскрывающие содержание этой категории в аспекте безопасного функционирования промышленного комплекса, а передовой зарубежный опыт не всегда возможно применить в российских условиях. Сохранение сложившихся тенденций отрицательно сказывается на конкурентоспособности национального хозяйственного комплекса. В этой связи действенным способом выхода из сложившегося положения выступает совершенствование промышленной политики как составляющей механизма обеспечения экономической безопасности страны, который способен устранить угрозы в развитии рассматриваемой системы.

Ключевые слова: концепция; промышленность; безопасность; политика.

DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL POLICY IN THE SYSTEM OF ECONOMIC SECURITY

KUZMENKO V.V.,

The Head of Chair «Taxes and taxation», Doctor of Sciences, Professor,
North Caucasian Federal University,
e-mail: nalogi@ncstu.ru;

TRYSYACHNY V.I.,

Professor of Chair of «Public and municipal administration», Doctor of Sciences,
North Caucasian Federal University,
e-mail: kavkazvi@gmail.com;

RUDENKO V.V.,

Graduate student of Chair of «Public and municipal administration»,
North Caucasian Federal University,
e-mail: v8928350000@gmail.com

Modern integration processes transform the Russian economy. In these conditions functions of public administration regarding formation of effective industrial policy for safety of the country are amplifies. As the perspective direction of permission of the specified problem harmonization of the state industrial policy acts. For justification of importance of development of this direction we will note that now there are no the standard theoretical approaches opening the content of this category in aspect of safe functioning of an industrial complex, and it isn't always possible to apply the best foreign practices in the Russian conditions. Preservation of the available tendencies negatively affects competitiveness of a national economic complex. In this regard as an effective way of an exit from the developed situation improvement of industrial policy as the economic security of the industry making the mechanism of providing which will eliminate threats in development of the considered economic system acts.

Keywords: concept; industry; safety; policy.

JEL classification: F52, L52.

Промышленность является ведущей отраслью национального хозяйственного комплекса России, которая во многом детерминирует его развитие. В этой связи первостепенную важность представляет разработка системы мер прямого и косвенного воздействия на функционирование указанной сферы посредством модернизации стратегических приоритетов реализации промышленной политики. Данное обстоятельство определяет актуальность совершенствования соответствующей концепции.

В процессе моделирования механизма государственного регулирования на базе реализации стратегии экономического роста целесообразно учесть следующее: протекающие процессы мировой глобализации; территориальную детерминированность осуществления базовых функций управления; существующее разнообразие модульных технологий согласования функционирования (Алиев, 2000). В качестве центрального звена механизма обеспечения скоординированности действий при осуществлении концепции выступает учет отраслевых и территориальных особенностей для достижения микроэкономической безопасности. Немаловажно также соблюдение государственных и частных интересов с целью объединения совокупного экономического потенциала последних в процессе разрешения концептуальных проблем, возникающих в ходе достижения установленных целей обеспечения экономической безопасности в сфере промышленной политики.

Для проведения оценки качества реализуемой концепции применяются модели поливариантного прогнозирования, учитывающие трансформацию целевых факторов отраслевого роста и уточнения направлений, размеров и силы управленческих действий, способствующих достижению целевых значений критериальных показателей экономической безопасности промышленного комплекса. Либерализация российского рынка в ситуации, когда отечественные производители не могли производить конкурентоспособное оборудование, а также ориентация структурообразующих отраслей промышленности на обеспечение существующих потребностей привели к росту импорта высокотехнологичного оборудования при резком одновременном снижении закупок отечественной техники (Валова, 2004).

Актуальность разработки концепции развития промышленного комплекса и обеспечения экономической безопасности обусловлена: недостаточной эффективностью проводимой в РФ промышленной политики; негативными трансформациями внешнеэкономических условий, в которых действует отечественная промышленность; неудовлетворительными значениями показателей обеспечения экономической безопасности отраслевых комплексов, определяемой низкой долей приобретаемого оборудования российских производителей; реальной угрозой потери существенной доли рабочих мест в обрабатывающих отраслях промышленности.

Целью разрабатываемой нами концепции выступает формирование комплекса мероприятий обеспечения устойчивого развития промышленности Российской Федерации, которые направлены на повышение уровня конкурентоспособности предприятий отрасли и укрепление макро- и мезоэкономической безопасности последних, а также всего рассматриваемого комплекса (Кузьменко, Трысячный, 2013).

В соответствии с поставленной целью, задачами предлагаемой концепции развития промышленности и обеспечения экономической безопасности являются: формирование благоприятных условий для создания высокотехнологичных отраслей, производящих конкурентоспособную продукцию; содействие занятости в промышленном

секторе экономики; развитие информационного обеспечения проводимой промышленной политики; стабильное поступление налогов и прочих платежей в бюджеты всех уровней; поддержка предприятий-производителей в расширении рынков сбыта товаров; создание механизма скоординированного взаимодействия организаций промышленной сферы и органов государственной власти.

К числу принципов формирования промышленной политики в рамках концепции следует отнести: вариативность, системность, комплексность, устойчивость к дестабилизирующим факторам внешней среды, использование экономических методов в механизме промышленной политики, патернализм, ранжирование объектов реализации промышленной политики, опережающее регулирование.

За правовую основу концепции взяты «Гражданский кодекс Российской Федерации», Федеральный закон «О промышленном развитии Российской Федерации до 2020 года» от 19 марта 2009 г.; Федеральный закон РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-1 (в ред. Федерального закона от 25.07.2002 № 116-ФЗ; Распоряжение Правительства РФ «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 8 декабря 2011 г. № 2227-р и ряд других.

По нашему мнению, имеющаяся нормативно-правовая база не способна в полной мере поддерживать российские предприятия-производители инновационного оборудования, что способствует повышению зависимости хозяйствующих субъектов промышленности от поставок импортных аналогов, задерживает развитие отечественной инновационной сферы и, как результат, приводит к снижению уровня экономической безопасности национального промышленного комплекса (Гурова, Кузьменко, Петриевский, 2012).

Разрешение обозначенных проблем будет напрямую содействовать ускорению темпов роста промышленного производства; совершенствованию научно-технического и инновационного потенциала наукоемких отраслей; увеличению числа рабочих мест при последовательной модернизации последних до уровня, соответствующего стандартам международных требований; повышению налоговых выплат в федеральную и территориальную бюджетную систему; организации новых производств в высокотехнологичных отраслях промышленности.

Реализация предлагаемой концепции включает три этапа. Каждый из них имеет свои цели, задачи и технологии развития промышленного производства в Ставропольском крае и Российской Федерации.

Первый этап (2015 г.) предусматривает обеспечение более высокой конкурентоспособности отечественных промышленных товаров, пользующихся устойчивым спросом, а также увеличение объемов производства посредством активной разработки и внедрения инновационной продукции.

Решение поставленной цели первого этапа предполагает выполнение следующих взаимосвязанных задач: формирование условий для создания высокотехнологичных отраслей, производящих конкурентоспособную продукцию; совершенствование производственных цепочек и внедрение ряда прогрессивных технологий на предприятиях промышленной сферы территории; развитие информационного обеспечения проводимой торгово-промышленной политики; повышение загрузки действующего оборудования; улучшение качества технико-технологической базы; разработку эффективных систем менеджмента качества предприятий-производителей региона; развитие организационно-экономических инструментов в системе государственной научно-технической политики.

Второй этап (2016 г.) включает: укрепление инновационного потенциала национального промышленного комплекса, производящего конкурентоспособные товары; содействие занятости в промышленном секторе экономики; создание и внедрение перспективных технологий в рамках «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» и укрепление конкурентных преимуществ хозяйствующих субъектов в ключевых наукоемких секторах отрасли; поддержка предприятий-производителей территории в расширении рынков сбыта товаров; формирование новых сегментов на рынке промышленной продукции региона и России; создание совместных предприятий с транснациональными корпорациями по производству базовых видов оборудования с перспективой длительного сотрудничества в научно-технической области и завершение реструктуризации промышленного комплекса, отвечающей критериям функционирования и управления в условиях мирового разделения труда и вступления РФ в ВТО; поэтапное внедрение перспективных инструментов современного менеджмента.

На третьем этапе (2017 г.) предполагается: стабильное поступление налогов и прочих платежей в бюджеты всех уровней; формирование научно-производственных кластеров для удовлетворения потребностей базовых промышленных отраслей с учетом российской специфики – социально-экономической, географической, климатической; упрочение устойчивых рыночных позиций в системе глобального разделения труда; содействие созданию совместных организаций-производителей промышленных товаров и лицензионных производств для обеспечения полного производственного цикла в рамках российских региональных кластеров; рост объемов экспорта продукции отечественной промышленности в государства ближнего зарубежья; создание механизма скоординированного взаимодействия организаций промышленной сферы и органов государственной власти территории.

Предложенная этапность предполагает параллельно-последовательную реализацию отдельных элементов. Это требует наличия качественных и адекватных мероприятий по стимулированию технико-технологической модернизации посредством принятия эффективных инфраструктурных и технологических управленческих решений. К числу основных можно отнести: устранение проблем стандартизации и сертификации перспективных промышленных производств; создание современной ресурсной базы; разработку систем автоматизированного управления; оптимизацию научно-кадровой политики.

Для оценки эффективности реализации разработанной концепции можно воспользоваться созданной авторами моделью отбора целевых индикаторов. Количественное обоснование предложенных характеристик принято на основе прогноза на среднесрочный период с применением метода экстраполяции по модели временного ряда (табл. 1). Показатель уровня налоговой нагрузки в 2017 г. характеризуется безопасными значениями. Однако коррективы, вносимые в налоговое законодательство в сторону его ужесточения, формируют условия для сдерживания роста в отраслях промышленности.

Таблица 1

Прогнозируемые значения индикативных характеристик экономической безопасности промышленного комплекса, % (Кузьменко, Трысячный, 2013)

Индикатор	Пороговое значение, %	Годы						
		2012	2015		2016		2017	
		факт	О*	Р**	О	Р	О	Р
Уровень налоговой нагрузки	< 42	34,6	32,1	33,2	31,9	32,8	29,3	32,5
Темпы роста тарифов естественных монополий	< 10	107,0	102,3	114,6	100,7	113,1	96,7	111,9
Темпы роста инвестиций	> 15	106,6	99,8	93,7	98,9	92,5	97,8	87,8
Темпы обновления основных производственных фондов	> 15	113,1	113,4	113,0	113,5	112,9	113,6	112,7
Доля импорта машин и оборудования	> 10	57,9	56,2	58,1	57,7	59,3	61,5	62,5
Удельный вес работников старше 50 лет	> 10	31,4	30,4	34,1	30,1	33,8	27,9	33,6

* оптимистичный сценарий

** реалистичный сценарий

Предполагается, что к 2017 г. снизятся до пороговых критические значения 2012 г. по росту тарифов естественных монополий. Высокая импортозависимость отечественной машиностроительной отрасли к 2017 г. будет отмечена уровнем более 60 % при его пороговом – не более 30%. Современные темпы роста инвестиций будут снижаться до критических значений. Такая отрицательная тенденция приведет к тому, что замедлятся темпы обновления основных фондов. Это обусловит снижение основных финансовых показателей деятельности хозяйствующих субъектов промышленной сферы, что отразится на уровне зарплат в ряде отраслей. В связи с этим показатель удельного веса работников старше 50 лет к 2017 г. вырастет до 33,6%, что также угрожает безопасному функционированию отрасли.

Следует отметить, что совершенствование промышленной политики в направлении обеспечения экономической безопасности приоритетных отраслей национального воспроизводственного комплекса, согласно мероприятиям предложенной концепции, способно частично устранить возникающие угрозы устойчивому функционированию организаций-производителей в условиях рыночной неопределенности и риска. Поэтапное внедрение концептуальных предложений будет способствовать расширению и развитию конкурентоспособного производства в России. Основной задачей государственной промышленной политики станет создание экономических условий, при которых производство современной инновационной промышленной продукции и оборудования начнет шире осуществляться отечественными компаниями на территории РФ.

ЛИТЕРАТУРА

- Алиев Б.Х. (2000). Промышленная политика и экономика. Научное издание. М.: Экономика.
- Валова Е.В. (2004). Промышленная политика на региональном уровне: цели, задачи и направления развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Экономика и финансы, с. 27–31.
- Гурова Е.А., Кузьменко И.П., Петриевский И.В. (2012). Информационная составляющая современных методов управления устойчивым развитием предприятия // Вестник Адыгейского государственного университета, № 2 (100), с. 236–243.

Кузьменко В.В., Трысячный В.И. (2013). Концептуальное обоснование развития предприятий химического комплекса региона // *TERRA ECONOMICUS (Пространство экономики)*, т. 11, № 1, ч. 3, с. 114–117.

REFERENCES

Aliyev B. (2000). Industrial policy and economy: Scientific edition. Moscow. Economy. (In Russian.)

Gurova E., Kuzmenko I., Petriyevsky I. (2012). Information component of modern methods of control over a sustainable development of the enterprise. *Journal of the Adygei State University*, no. 2 (100), pp. 236–243. (In Russian.)

Kuzmenko V., Trysyachny V. (2013). Conceptual justification of development of the enterprises of a chemical complex of the region. *TERRA ECONOMICUS (Economy space)*, т. 11, no. 1, p. 3, pp. 114–117. (In Russian.)

Valova E. (2004). Industrial policy at regional level: purposes, tasks and development directions. *The Journal of the Nizhny Novgorod university of N.I. Lobachevsky. Economy series and finance*, pp. 27–31. (In Russian.)

КОНЦЕПЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ: ТИПОЛОГИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ¹

БУЛГАКОВ С.И.,

аспирант,
Южный федеральный университет,
e-mail: sibulgakov@sfnedu.ru

В статье рассмотрены исторические аспекты теории модернизации, представлены основные направления модернизационного учения. Автором уделено внимание ранним представлениям о модернизации, а также стратегическим, дуалистическим и др. учениям. Выделено значение взглядов Ф. Перру, а также сторонников неомодернизационизма. Рассмотрены два типологических вида модернизации: органический и неорганический. Указаны предпосылки возникновения модернизационной идеи и условия для ее успешного воплощения.

Ключевые слова: модернизация; теории модернизационного развития; полюсы роста; типология модернизации; предпосылки модернизации.

CONCEPTION OF ECONOMY MODERNIZATION: TYPOLOGY AND PRECONDITIONS

BULGAKOV S.I.,

Graduate student,
Southern Federal University,
e-mail: sibulgakov@sfnedu.ru

The article describes some historical aspects of modernization theory, presents to the main tendencies of modernization doctrine. The author pays attention to the initial views of modernization as well as strategic, dualistic and some other ones. The meanings of F. Perroux's teaching and teaching of followers of theory of neomodernization are marked out. Both typological types of modernization – organic and inorganic are also considered. Preconditions to appearance of modernization and circumstances of its successful implementation are pointed out.

Keywords: modernization; theories of modernization development; growth poles; modernization typology; preconditions for modernization.

JEL classification: O11, O14.

В условиях нестабильности мировой экономики, а также вызовов, бросааемых политическими соперниками России, пытающимися максимально усложнить условия функционирования российской экономики путем безостановочного введения все новых пакетов санкций, проблема выживания для России все более смещается из политической сферы в экономическую. Заявленная высшим руководством страны стратегия импортозамещения предполагает воссоздание в кратчайшие сроки эффективно действующей экономической модели и широкомасштабное переоснащение производственного сектора. Иными словами, речь может идти о преодолении затянувшейся «модернизационной паузы» и инициировании новой волны структурных преобразований в экономике.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ – проект № 13-02-00122.

В качестве первоочередной, перед государством и обществом в целом встала задача повышения эффективности деятельности экономики. По мнению экспертов, рост российской экономики возможен только по двум направлениям – укрепление конкурентоспособности на мировых рынках и модернизация экономики, которая призвана обеспечить основу для постепенного перехода к росту, основанному на инновациях (*The Global Competitiveness Report, 2011*). Показательно, что необходимость модернизации российской экономики сомнению не подвергается, дискуссии ведутся лишь о путях и методах подобного проекта, стратегии его осуществления.

С момента зарождения и по настоящее время модернизационное учение эволюционировало и прошло ряд этапов. Рассмотрим некоторые варианты модернизационного пути развития.

Начальный импульс развития теория получила в середине XX в. в условиях распада колониальной системы и восстановления странами Западной Европы разрушенной в результате войны экономики. Под модернизацией как социально-экономической категорией понимали «осовременивание», политическую и экономическую стратегии, направленные на быстрое изменение технологических, хозяйственных и социально-политических условий функционирования общества ради придания ему большего социального динамизма и повышения экономической конкурентоспособности (*Иноземцев, 2009*).

Первые теории модернизации создавались как альтернатива социализму, на фоне концепций «заката» Европы и капитализма, ставших популярными благодаря работам О. Шпенглера, А. Тойнби, К. Ясперса и других философов, ставивших под сомнение возможность прогресса капитализма. Теория же модернизационного развития С. Хантингтона, Д. Эптера и других давала возможность посмотреть на будущее капитализма более оптимистично и предоставляла ему шанс на развитие. Наибольшую популярность теория модернизационного развития приобрела в 1950–1960-х гг., когда свой вклад в ее разработку внесли Э. Хаген, Т. Парсон, М. Леви, Н. Смелзер, Ш. Айзенштадт и др. Однако в 1970-х гг. усилилась волна критики теории, набравшая силу к середине 1980-х гг. Критике подвергались все теоретические основы модернизационного учения, не сумевшего на тот момент объяснить, почему попытки модернизировать общество все чаще являются неудачными. Возврат интереса к модернизационному учению произошел в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия, после краха коммунистической системы и трансформации экономик бывших социалистических стран в капиталистические. К тому же периоду относится накопление и осмысление как положительного, так и отрицательного опыта модернизационных преобразований различных стран, обладавших разными стартовыми условиями.

Основоположник ранней макросоциальной концепции Макс Вебер (*Вебер, 1999*) основным фактором неразвитости и развития считал социокультурные ценности. Согласно его теории, предпосылкой зарождения капитализма послужил протестантизм. В частности, процессы накопления и последующего инвестирования капитала стали возможными в результате распространения в обществе протестантского аскетизма и рационализма, при некоторых условиях способствовавших зарождению предпринимательской активности.

В основе ранних теорий модернизации лежит представление о линейности развития и общих законах прогресса. Таким образом, в рамках этих теорий, страны в зависимости от уровня своего развития располагаются на некой оси. На одной стороне ее находится своеобразный «образец», в настоящее время задаваемый экономиками США, развитых государств Западной Европы, Японией, Австралией и Новой Зеландией. Другие же государства занимают координаты в соответствии с уровнем своего развития (отставания) и, подчиняясь единому закону прогресса, движутся в сторону образца, который рано или поздно обязательно будет достигнут. При этом модернизирующимся странам приходится преодолевать причины своей неразвитости, связанной в большинстве случаев с исключительно внутренними факторами, к которым относятся традиционность общества и способа ведения хозяйства, коммуникаций и инфраструктуры, недостаточный уровень накопленного капитала, низкая грамотность населения и слабый уровень разделения труда. Модернизация же призвана преодолеть отставание и обеспечить экономике быстрое движение в сторону «образца», выявив и устранив основную причину неразвитости. Развитие рассматривается как повышение производительности и эффективности и измеряется показателем ВВП на душу населения.

Сторонники «стратегических теорий», развивая основные положения кейнсианского учения, полагают, что причиной неразвитости отдельных стран выступает замкнутый круг факторов. В частности, недостаточный уровень производительности труда порождает низкий уровень доходов населения. А на уровне производительности труда сказывается нехватка капитала, возникающая в результате низкого уровня сбережений населения, не способного подняться по причине недостаточного уровня доходов. Таким образом, круг замыкается, и для преодоления тенденций полагается необходимым разорвать круг в одной из критических точек (теория порочного круга нищеты Г. Зингера и Р. Пребиша). Выбор такой точки индивидуален для каждой страны и зависит от множества факторов, одним из которых может быть привлечение извне капиталов и технологий (концепция «большого скачка» П. Розенштейна-Родана, позднее развитая Р. Нурксе, Х. Лейбенштайном, Г. Зингером и др., выросшая в 1960–1970-е гг. в модель экономического роста с двумя дефицитами Х. Ченери,

М. Бруно, А. Страута, П. Экстейна, Н. Картера и др.), другим – развитие потребительского рынка и пропорциональное инвестирование во все отрасли экономики (теория сбалансированного роста Р. Харрода, Э. Хансена), третьим – изменение институциональной среды и формирование мотивации у активной части населения (теория несбалансированного роста А. Хиршмана).

Согласно «дуалистическим теориям» сторонников неоклассических моделей развития (первоначальная идея принадлежит А.-У. Льюису (*Lewis, 1955*), в дальнейшем развита Дж. Фейем, Г. Ранисом, Д. Йоргенсоном, С. Окавой и др.), в экономиках и социумах различных государств присутствует некое выделение традиционных и модернизированных секторов. При этом в традиционном секторе представлены такие характерные для неразвитых экономик отрасли, как сельское хозяйство и мелкая торговля, развивающиеся бессистемно и независимо друг от друга. В модернизированном же секторе представлено характерное для развитых стран индустриально-промышленное производство, существующее при участии и заинтересованности передовых экономик. Причинами дуальности называются такие факторы, как слабая связность регионов, выражающаяся в неразвитости коммуникаций и недостаточном уровне торговых отношений между ними, а также этнографические, языковые и религиозные различия. При этом развитие модернизированного сектора происходит экстенсивно, за счет поглощения традиционного, из которого заимствуются основные ресурсы развития: капитал и рабочая сила.

Заслуживает внимания теория «полюсов развития» французского экономиста Франсуа Перру (*Perroux, 1983*), согласно которой отдельно взятые региональные центры могут развиваться значительно быстрее экономики государства в целом. В качестве «полюсов роста» он понимал размещенные на ограниченной территории и динамично развивающиеся отрасли промышленности, стимулирующие развитие прилегающих к ним регионов. Ф. Перру справедливо полагал, что рост экономики происходит не равномерно, а возникает сперва в определенных «полюсах развития», а затем охватывает всю экономику. Территории, находящиеся между «полюсами роста», получают возможность развиваться, используя свое положение за счет участия в организации товаропотоков, развития инфраструктуры и т. п. Ориентируясь на внешних экономических лидеров, такие «полюсы развития» становятся своеобразными эксклавами передовых экономик, напрямую вовлеченными в мировое хозяйство. Такие региональные центры неизбежно привлекают капитал, технологии и рабочую силу и при определенных условиях могут распространить модернизационные процессы на всю территорию страны, выступая своеобразными «локомотивами» прогресса. Взгляды Ф. Перру в дальнейшем были развиты Ж. Будвилем, предложившим в качестве полюсов роста рассматривать не только отдельные предприятия и отрасли промышленности, но и определенные территории, являющиеся источниками инноваций и прогресса.

В условиях России, где наблюдаются протяженные малозаселенные территории, а население в основном сосредоточено в городах, теория полюсов роста имеет большое практическое значение и определенную перспективу.

Сторонники неомодернизационизма переосмыслили господствовавшие подходы к теории модернизации и дополнили ее собственным видением, наиболее полно сформулированным Эдвардом Тиракьяном (*Tiryakian, 1992*):

- модернизация – это результат действий индивидов и коллективов, а не продукт автоматического развития системы;
- модернизация требует новых путей достижения целей, но, будут ли эти цели достигнуты, зависит от располагаемых ресурсов;
- модернизация – не консенсусный процесс, но конкуренция между модернистами, консерваторами и наблюдателями;
- наука является главной движущей силой модернизационных процессов, вместе с тем, влияние религии и традиций не следует недооценивать;
- общим критерием модернизации считается развитие благосостояния всего населения;
- центры модернизации могут изменяться и сдвигаться;
- модернизация – нелинейный процесс, она включает в себя циклы и кризисы.

Подобный взгляд отрицает линейность эволюции экономик и ставит под сомнение неизбежность их поступательного развития. Таким образом, открывается дорога для переосмысления модернизации как процесса и выработки новых подходов к ее пониманию. В теории и на практике произошел переход от узкого понимания модернизации как копирования определенного образца к более широкому, допускающему как возможность реорганизации и развития экономики и социума по множественным сценариям, так и неограниченно длительное нахождение экономики в состоянии стагнации или регресса. Сомнению подверглась строгая последовательность стадий модернизации, так как практика показала, что страны, начавшие модернизацию сравнительно недавно, могут значительно сократить процесс развития благодаря использованию опыта и технологий, наработанных своими предшественниками. В частности, основатель Сингапура и отец одноименного экономического чуда Ли Куан Ю наглядно продемонстрировал, что отдельно взятые государства способны в

результате модернизационного рывка за короткий срок вывести экономику на уровень мировых лидеров, не перенимая либерально-демократические ценности Запада (*Lee Kuan Yew, 2000*). Тем же путем модернизации без вестернизации прошли Япония, Малайзия, Китай, Индонезия и др.

Все более актуальной в наше время становится теория экологической модернизации, одним из основателей которой считается нидерландский социолог А. Мол, попытавшийся ответить на вопрос о том, как современное индустриально развитое общество справляется с экологическими вызовами. Природа рассматривается авторами учения не только в качестве окружающей среды, перестает быть исключительно внешним фактором. Она приобретает значение среды «сотворенной», созданной и измененной человеком в интересах развития социума. Таким образом, экологические проблемы становятся во многом проблемами социальными.

Специалистами также отмечаются различия в типологии модернизации, которая подразделяется ими на два вида: органическую и неорганическую. В случае органической модернизации толчок к развитию страны происходит в результате действия эндогенных факторов. Примерами могут служить модернизации экономик Великобритании, Франции, Голландии, Северной Германии, Швейцарии, США и Канады, произошедшие естественно, в силу вызревания внутренних условий. В противоположность органической, модернизация неорганическая побуждается извне и происходит в ответ на внешние вызовы со стороны наиболее развитых стран и характеризуется внедрением заимствованных технологий, широкого привлечения иностранных инвестиций, изменением и доработкой институциональной и законодательной базы. В целом же органическая модернизация является продуктом «идейно-политической доктрины», а неорганическая «имеет своим источником проблемную ситуацию, в которой находится соответствующая страна» (*Дискин, 2007*). Неорганическая модернизация также часто называется «догоняющей» или «запаздывающей».

Несложно заметить, что эпоха органических, «вызревших» модернизаций осталась в прошлом, уступив место процессам, проходящим по догоняющему сценарию. Все модернизации последней трети XX в. начинались в условиях, когда ведущие глобальные игроки уже переросли индустриальный этап развития и перешли в постиндустриальную фазу. В то время, когда модернизирующиеся страны развивают индустриальную промышленность, копируя и заимствуя технологии, лидеры мировой экономики также не стоят на месте, используя преимущества постиндустриализма. Поэтому в сложившихся условиях модернизация способна сделать индустриально отсталую либо сырьевую экономику развитой только в терминах промышленного производства, подведя ее к порогу постиндустриализма и заложив основу информационной экономики. Однако не следует ожидать, что модернизационные процессы способны в обозримые сроки совершить такой технологический прорыв, который выведет вчерашнего аутсайдера в лидеры мировой экономики. О чем и свидетельствует несокращающийся разрыв между постиндустриальными экономиками и развивающимися странами индустриального мира. Поэтому реальной модернизационной целью является построение такой экономической системы, которая более не требует мобилизационных усилий всего государства и способна к дальнейшему устойчивому развитию. При этом будут созданы заделы и условия перехода к постиндустриальному обществу, но уровень развития, соответствующий постиндустриализму, достигнут не будет.

Необходимо понимать, что осуществляющее «догоняющую» модернизацию государство вынуждено заимствовать уже созданные кем-то технологии и вписываться в уже установленные правила игры на внешних рынках. И все это только с исключительно прагматичной целью минимизировать свои издержки на разработку собственных технологий. При этом никакое заимствование культурных и моральных ценностей не является необходимым. Политика заимствований должна проводиться разумно и быть нацеленной только на снижение издержек и расходов на техническое переоснащение производства. Эффективность модернизационных процессов зависит не столько от интенсивности реформ и количества заимствований, сколько от выработки новой системы институтов, норм и смыслов существования общества и экономики, при которых формируется качественно иное взаимодействие традиционных и заимствованных ценностей.

Модернизационная идея никогда не возникает на фоне экономического благополучия. Как подчеркивают О.С. Белокрылова и В.В. Кот, «модернизация – это сознательное мобилизационное усилие, которое редко начинается в рамках либеральной демократии и никогда не бывает успешным в условиях финансового изобилия. Напротив, предпосылки модернизации зарождаются при широком общественном осознании кризисности ситуации, а сама модернизация в большинстве случаев требует жесткого и последовательного управления» (*Белокрылова, Кот, 2011*), определяющего приоритеты развития и создающего условия, при которых направление на них мобилизованных ресурсов становится экономически выгодным. При этом, определяя источники финансирования модернизационных процессов и накопления капитала, также важно удержаться от соблазна проведения модернизации за счет отдельных слоев населения и социальных групп.

Практика показывает, что помимо осознания заметного отставания национальной экономики от уровня развития передовых стран, для успешного проведения модернизации также необходимо наличие дешевых материальных ресурсов и рабочей силы, считающихся конкурентными преимуществами развивающихся эко-

номик. В дополнение к этому необходима четкая работа государственного аппарата, устанавливающего понятные и выполнимые цели развития, проводящего отбор и подготовку необходимых для достижения поставленных целей кадров и формирующего такую экономическую среду, в условиях которой достижение лидирующих позиций возможно только наиболее успешными игроками. При этом еще одним необходимым условием является соблюдение всеми экономическими и политическими акторами установленного законодательства, а также отсутствие препятствий для доступа на внешние рынки товаров, технологий, труда и капитала, что позволило бы привлечь необходимые инвестиции, заимствовать передовые технологии и сбывать основную часть выпускаемой промышленной продукции.

Вместе с тем экономическая конъюнктура не может бесконечно долго благоприятствовать модернизирующимся экономикам. В частности, по мере роста доходов и уровня жизни населения, в государственном масштабе будет утрачиваться конкурентное преимущество, связанное с дешевизной рабочей силы. В результате неизбежной потери конкурентных преимуществ модернизационный рынок постепенно затухает, а экономика переходит к этапу обычного поступательного развития, но уже на ином качественном уровне.

Задача, стоящая перед Россией, представляется достаточно сложной, поскольку в современных условиях нашей экономике для вхождения в число развитых стран простой индустриализации промышленности уже недостаточно. Время диктует необходимость свершения позднеиндустриальной модернизации с переходом к постиндустриальному развитию. При этом постановка целей развития должна сопровождаться выработкой необходимого инструментария и концентрацией всех требуемых ресурсов на достижении этих целей. Однако общая картина современного развития России омрачается низкими темпами ведущихся преобразований, вязнущих в рассуждениях об особой роли «великой энергетической державы». Отсюда и двойственность оценок итогов российской модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Белокрылова О.С., Кот В.В. (2011). Модернизационный вектор посткризисного развития российской экономики. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие-XXI век», с. 84.
- Вебер М. (1999). Протестантская этика и дух капитализма // *Избранные произведения*. М.
- Дискин И.Е. (2007). Альтернативы российской модернизации. Аналитический доклад, выполненный по заказу РИО – Центр. М, с. 52.
- Иноземцев В.Л. (2009). Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? / *Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов* / Под ред. В.Л. Иноземцева. Вып. 1. М., с. 7.
- Lee Kuan Yew. (2000). *From Third World To First, The Singapore Story: 1965–2000*. HarperCollins.
- Lewis A. (1955). *Theory of Economic Growth*, Allen & Unwin.
- Perroux F. (1983). *New Concept Development*. London: Croom Helm Ltd.
- The Global Competitiveness Report* (2011). World Economic Forum. Доступно на: www.gcr.weforum.org/gcr.
- Tiryakian E. (1992). *Dialectics of Modernity: Reenchantment and Differentiation as Process*, pp. 78–96.

REFERENCES

- Belokrylova O.S., Kot V.V. (2011). Modernization vector post-crisis development of the Russian economy. Rostov-on-Don, p. 84. (In Russian.)
- Diskin I.E. (2007). Alternatives to Russian modernization. Analytical report, commissioned by RIO – Center. M., p. 52. (In Russian.)
- Inozemtsev V.L. (2009). What is the modernization and ready thereto Russia? (In Russian.)
- Lee Kuan Yew. (2000). *From Third World To First, The Singapore Story: 1965–2000*. HarperCollins.
- Lewis A. (1955). *Theory of Economic Growth*, Allen & Unwin.
- Modernization of Russia: the conditions, assumptions chances. Collection of articles and materials*. M., p. 7. (In Russian.)
- Perroux F. (1983). *New Concept Development*. London: Croom Helm Ltd.
- The Global Competitiveness Report* (2011). World Economic Forum. Available at: www.gcr.weforum.org/gcr.
- Tiryakian E. (1992). *Dialectics of Modernity: Reenchantment and Differentiation as Process*, pp. 78–96.
- Weber M. (1999). *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Selected Works*. M. (In Russian.)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА

ВОЛКОВ Ю.Ю.,

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики и регионального менеджмента,
Институт по переподготовке и повышению квалификации Южного федерального университета,
e-mail: Y-y-volkov@yandex.ru

В статье, посвященной влиянию социальной стратификации российского общества на становление финансового капитала, определяется тенденция социального и культурного обособления финансового капитала на уровне группы интересов под влиянием социальных и культурных неравенств. Для автора статьи очевидно, что в российском обществе дефицитны самостоятельные финансовые практики населения, что в силу инерционности восприятия финансов только как меры обмена и накопления, скудости личных финансовых средств, субъектность финансового капитала строится на принятии статуса «закрытой» ассоциации и востребованности корпоративного этоса.

Ключевые слова: финансовый капитал; субъектность; социоструктурные изменения; социальная стратификация; социальная зависимость.

SOCIAL STRATIFICATION OF RUSSIAN SOCIETY: THE INFLUENCE ON THE FORMATION OF FINANCIAL CAPITAL

VOLKOV Y.Y.,

PhD, Senior Lecturer of the Chair of Economics and Regional Management,
Institute of Retraining and Professional Development of Southern Federal University,
e-mail: Y-y-volkov@yandex.ru

In the paper on the impact of social stratification of Russian society on the formation of financial capital the trend of social and cultural isolation of financial capital at the level of interest groups under the influence of social and cultural inequalities is defined. For the author it is obvious that in Russian society independent financial practices of the population are deficient, and the subjectivity of financial capital is based on acceptance of the status of «closed» association and relevance of corporate ethos because of the inertia of the perception of finance only as a measure of exchange and accumulation of personal poverty funds.

Keywords: financial capital; subjectivity; socio-structural change; social stratification; social dependence.

JEL classification: G14, G21, Z13.

Соглашаясь с тем, что российское общество в перспективе не является обществом социального единства и есть кардинальные отличия между различными группами не только по социально-имущественным параметрам, но и по несущей основе (*Россия – трансформирующееся общество, 2001. С. 108*), следует говорить о том, что в исследовании социальной структуры необходимо выявить ведущие тенденции социальной структури-

зации, т. е. определить закономерный и необходимый характер отношений между различными социальными субъектами в социальном пространстве. Речь идет о том, что социальное неравенство оказывает неоднозначное влияние на субъектность финансового капитала в российском обществе как способность обладателей финансового капитала включиться в социально-инвестиционные практики, нацеленные на снижение социальных диспропорций на основе роста человеческого капитала.

Конечно, важным является определение структур господства, влияния, зависимости и самостоятельности. Имеется в виду, что занятие определенной социальной позиции возможно, во-первых, на уровне объективации, во-вторых, интериоризации социальных отношений, распределения между агентами ресурсов социального действия (*Россия – трансформирующееся общество, 2001. С. 108*). Поэтому так важно для анализа условий, определяющих логику становления и развития финансового капитала, считать параллельность процесса профессиональной дифференциации и социальной, что «принуждает» и выявляет возможности формирования практических групп. Это важное замечание, так как объективация позиций невозможна без деятельности целого ряда социальных институтов.

Важным замечанием в отношении финансового капитала можно считать введение в обществе института частной собственности и определение финансов как важнейшего инструмента экономической жизни. Однако само по себе существование финансов необязательно влечет за собой существование социальной группы в качестве коллективного агента, а не статистического конструкта (*Россия – трансформирующееся общество, 2001. С. 109*). В российском обществе многие группы в себе так и не стали группами для себя, не мобилизованы ради единых целей, не сформировали общие интересы. Это относится к старым, новым общественным группам (рабочему классу, сельскому населению, работникам бюджетной сферы).

Следует подчеркнуть, что социальное структурирование проявляет себя в том, что связано с преобразованием институциональных основ, переменами в системе знания и появлением новых рыночных профессий. Так как институциональные основы финансовой деятельности реально были заложены не в ранние 90-е, а только после кризиса 1998 г., можно утверждать о существовании протокласса финансистов, тех, кто, занимаясь финансовой деятельностью, не определяли себя в качестве профессиональных финансистов и примыкали либо к бывшим советским кооператорам, либо исполняли схему «либеро», считая финансы только одним из способов повышения материального статуса.

При том что структура современного российского общества характеризуется возникновением новых видов социальной зависимости доминирования и господства, основная тенденция такова, что финансисты обязаны своим возникновением плюрализации форм собственности, появлению частной собственности. И факт, что до конца 90-х гг. эта собственность была сращена с властью, свидетельствует, что развитие этой социальной группы было замедленно по сравнению с другими социальными стратами. Властные притязания «семибанкирщины» лишь оттеняют то обстоятельство, что реально самостоятельные интересы финансистов не были представлены и нельзя было говорить о мобилизованности как для совместных практик. Именно отсутствие этих практик и привело к тому, что наиболее кратчайшим и экономным путем представлялось непосредственное влияние на власть.

Современные исследования социальных структур, где преобладают многомерные стратификационные модели, дают возможность выявить критерии, связанные и с доходами, и с самооценкой социального положения и самочувствия. В условиях социальной поляризации финансовый сектор автоматически подпадал под подозрение богатых, того слоя, который позволяет не только удовлетворить собственные социальные потребности, но и организовать самостоятельную экономическую деятельность. Это очень важный момент, который, тем не менее, нельзя считать окончательно достоверным, так как практически отсутствовали слои, которые бы могли стать потенциальными вкладчиками, и финансовый капитал имел в своей основе «порочные» вещи: заимствование из государственного бюджета и спекуляция на финансовых рынках.

Поэтому группа образования, хотя и была связана с профессиональным самоопределением, но в рамках камерной деятельности, не открытой для общества. Класс финансистов оставался и остается достаточно трудным для выявления так называемых объективных параметров, составляющих часто коммерческую тайну. В этом случае важным является мониторинг социального самочувствия, так как для этой группы уровень материальной удовлетворенности является менее важным показателем, чем возможности экономической самостоятельности.

Анализируя социоструктурные условия становления финансового капитала, следует говорить о том, что заявленная в 90-е гг. субъектность может быть охарактеризована как имитационная по той причине, что не сформировалась практическая группа, которая могла заявить о себе как акторе самостоятельных финансовых практик и влиять на политическую и общественную жизнь с целью реализации собственных интересов.

Переход к действенной социальной субъектности связывался с тем, что в обществе по мере становления новой социальной структуры утвердились критерии престижности и привлекательности работы. Очевидно,

что, хотя проблема избыточных социальных неравенств воспринимается остро, у четверти россиян (*О чем мечтают россияне? 2012. С. 84*) престижная и интересная работа занимает одно из приоритетных мест (*Посухова, 2013. С. 132*). Поэтому обладатели финансового капитала, которые воспринимались как обладающие определенной самостоятельностью в приватной сфере и независимостью от государства, стали оцениваться и как группа социально-престижной профессии.

В отличие от предпринимателей, которые могут быть «обвинены» в эксплуатации и обмане своих работников, финансовая сфера, хотя и имеет дело с эффектом беловоротничковых преступлений, является менее открытой социально-имущественным расслоениям на фоне реального упадка доходов старых профессиональных групп. Примечательно, что в этой сфере в большей степени утверждается принцип карьерного лифта, несмотря на прозрачный потолок, связанный с гендерным неравенством.

Можно утверждать, что если 1990-е гг. ассоциировались у российских граждан с некоторым увеличением возможности заниматься предпринимательством, то в 2000-е наступила эпоха сложных профессий, требующих профессионального труда. Точнее, исчезло адекватное понимание предпринимательства, оно стало восприниматься как сфера низкоквалифицированной деятельности, извлечения торговой ренты. И потому неудивительно, что финансовый капитал стал показателем освобождения от предпринимательской рутинности и перехода в новое престижное социальное состояние.

Резкие изменения в социальной структуре открыли новые возможности для социальной мобильности, по мере усложнения экономической структуры привели и к новым эффектам формирования среднего класса (*Социальная стратификация российского общества, 2003. С. 69*). Со средним классом связывается и переход финансового капитала к модели «демократических» практик: имеется в виду реальное возникновение слоев кредиторов, когда услуги стали предоставляться для массового потребления.

Определяющая роль социоструктурных изменений состояла и состоит в том, что вне формирования новых социальных слоев было бы невозможно раздвинуть рамки элитного назначения финансового капитала. Собственно, потребность в социальной субъектности возникала по мере перехода конкуренции за монополию властными ресурсами к стратегии мягкого принуждения. Преферентами, презентующими социальный статус обладателей финансового капитала, стали выполнения высококвалифицированных обязанностей по сфере накопительства, в реализации сберегательной, накопительной, кредитной развивающих функций.

Речь идет о том, что объективация социальных отношений выразилась в повышении самооценки, в том, что рост занятости в финансовой деятельности класса (*Социальная стратификация российского общества, 2003. С. 75*) дал возможность выявить тенденцию профессионализации. Таким образом, приоритетность финансовой сферы, наряду со страхованием, транспортом, промышленностью, наукой и научным обслуживанием, строительством, свидетельствовала о том, что по крайней мере обладатели финансового капитала легитимировались в массовом сознании как выполняющие определенную полезную функцию работники.

Так как финансовый сектор представлялся негосударственным, в нем произошло резкое омоложение профессионального состава, хотя наибольшую часть составляли и составляют работники среднего возраста. На фоне снижения востребованности к образовательному статусу в других сферах экономической самостоятельности, можно было проследить повышение требований к специализированному образованию, что также дало возможности говорить о повышении значимости образовательно-профессионального статуса и, таким образом, расширило возможности конвертации, когда для влияния общества использовался и финансовый, и культурный (образовательный) капиталы.

Это выразилось в том, что обладатели и пользователи, распорядители финансового капитала (работники банковско-финансовой сферы) имеют и социальные, и культурные различия. В этом важным обстоятельством является то, что в российском обществе произошло разъединение бедности и образованности. Важно, что образованный человек не воспринимается человеком бедным, и это обстоятельство, связанное внешне с интенсификацией социального расслоения, привело к тому, что для этой группы наименее существенным оказался круг близких и резко снизилось влияние родственной модели.

Властно-коррупционные и криминальные, которые характеризуют появление слоя богатых в российском обществе, занимают первое и второе места в оценке происхождения богатства, но для финансового капитала делается упор на высокоресурсную модель, личностную, определяемую способностями самого человека (*Россия реформирующаяся, 2004. С. 47*). Можно говорить о том, что весомым индикатором богатства выступает индивидуально-личностный потенциал. Наиболее показательными в этом отношении стали обладатели финансового капитала как специалисты. Такую группу можно охарактеризовать как обладающую высокими социальными амбициями, стремлением к успеху, продвижению.

На социальное позиционирование определенным образом влияет и массовая бедность в российском обществе, которая все чаще (48,9% опрошенных) начинает восприниматься как следствие индивидуально-личностных качеств. Хотя богатству и не отводится роль решающего условия субъектности, но с ним связыва-

ют индивидуальность, оценку личности. Быть успешным в финансовой сфере, как важный момент социального самочувствия, означает действовать вне влияния политики власти и обладать продуктивными ценностями экономического поведения (*Россия реформирующаяся, 2004. С. 47*).

В сравнении с периодом 90-х гг., можно говорить и о постепенной деноменклатуризации финансовой деятельности. Влияние родственных связей в управлении банковскими структурами нейтрализуется тем обстоятельством, что массовый слой подтверждает влияние и высокоресурсную модель. Чрезвычайно важно, что в условиях социальной анархии, царящей в среде определенных групп российского населения как наследие девяностых, финансовый капитал объективно нуждался в правовой и социальной легитимации, что некоторым образом уводит от позиции социального анархизма к нахождению новых путей влияния на властную сферу.

Учитывая, что для финансовой деятельности очень высок риск государственного вмешательства и невозможно формирование формулы отказа от претензий, субъектность финансового капитала определялась ее воздействием на активизацию тех слоев населения, которые ориентировались на расширение возможности потребления путем доступного кредитования.

Таким образом, в социоструктурном измерении финансовый капитал имеет дифференцирующий смысл, но выступает в массовом групповом сознании представителей финансового капитала не как фактор социально-имущественного расслоения, а связан в большей степени с престижем, репутацией, профессионализмом, т. е. имеет культурно-символическое значение. В пользу этого предположения говорит тот факт, что «финансисты» в российском обществе наделены в равной степени и отрицательными характеристиками, особенно это касается оценки закредитованных граждан.

Хотя в целом россияне, которые не сталкиваются с негативными последствиями возврата долгов, как правило, относятся к этому нейтрально. «Пальма первенства» в наделении отрицательными качествами принадлежит российской бюрократии. Именно чиновники представляются населению теми людьми, которые используют государственные ресурсы для достижения личных целей. Можно также говорить, что коррумпированность элиты выступает наиболее препятствующим фактором (49,9%) (*Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов, 2005. С. 9*) в снижении влияния социально-имущественных различий.

Представители финансового капитала по умолчанию считаются за таких же «страдающих», как и другие слои населения, что подтверждается низким профессионализмом управленцев. В то же время, курс на рыночные реформы, с которыми и связывается накопление финансового капитала, имеет менее негативный оттенок, в части восприятия процессов «обнищания» населения.

Финансовый капитал представляется как инструмент достижения узкогрупповых целей на основе использования рыночных, безличностных и противоположенных социальным добродетелям ценностей. В то же время негативное отношение к чиновничеству определяется тем, что в отличие от финансового капитала, именно от государства, которое представляют чиновники, ожидают большего внимания к повседневным нуждам людей, и именно чиновники, по мнению респондентов, обладают большим влиянием и властью, чем финансисты. В этом смысле финансовые круги не считаются теми, в чьих руках находится сегодня реальная власть в обществе (*Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов, 2005. С. 11*).

Социально-имущественное расслоение, хотя и обострило проблему бедности населения, не проецируется на отношение к финансовому капиталу как единственному источнику зла в российском обществе. Характерно, что население воспринимает финансовый капитал именно в виде богатства, не претендуя на то, чтобы раскрыть и оценить его иные свойства, связанные с развитием экономики и хозяйственной деятельностью. Низкая инвестиционная активность россиян является отчасти и следствием бедности, когда в первую очередь респонденты заботятся о предметах потребления (*Собственность в жизни россиян: домислы и реальность, С. 80*). Если 18% мечтают о приобретении аудио-, видео- и прочей бытовой техники (*Собственность в жизни россиян: домислы и реальность, С. 80*), то это свидетельствует о трендах потребительского сознания, о формировании в российском обществе массы потребителей, что свойственно рыночной экономике в целом. Однако это показывает и нехватку средств у населения, неутоленность потребительского голода и стремление овладеть и пользоваться атрибутами внешнего благосостояния в силу недостижимости накопления финансового капитала как инструмента экономической самостоятельности.

При том что 41% населения желали бы использовать эти средства на развитие бизнеса и инвестирование в финансовые и физические активы (*Собственность в жизни россиян: домислы и реальность, С. 80*), недостаточный уровень распространенности инвестиционного поведения имеет причину в социоструктурных изменениях. Во-первых, для большинства россиян финансы имеют смысл повседневных денег, т. е. того, на что можно купить определенный товар или воспользоваться в иных, значимых для индивида, целях, не имеющих инвестиционную ориентацию. Во-вторых, группа представителей финансового капитала не дифференциро-

ванна, размыта в слое богатых людей, и связано это с тем, что в российском обществе слишком велико влияние эффекта бедности. В докладе «Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя» прямо указывается, что российское общество опривычено к феномену бедности. 35% россиян относятся к бедным не лучше и не хуже, чем к остальным слоям общества (*Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя*, 2013. С. 9).

Можно предположить, что нехватка финансового капитала не выступает самой действенной причиной бедности (*Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя*, 2013. С. 9). Примечательно, что лидирующая длительная безработица также имеет социоструктурное значение и связана с формированием рыночного хозяйства. Какова в этом негативно воспринимаемом процессе роль финансиста, трудно сказать, разве что россияне могут обвинять представителей финансовых структур в нежелании, незаинтересованности инвестировать производительную экономику или создавать жесткие условия производственного кредитования.

Таким образом, социоструктурные изменения демонстрируют, что финансовый капитал содержит в себе, прежде всего культурно-символический смысл для легитимации социальных неравенств; что с финансовым капиталом не связывается значимость факторов социальной дифференциации, поскольку бедность в России воспринимается гетерогенно, т. е. как не однородная по социальному составу.

Тем не менее, было бы неоправданным считать, что социальная структура российского общества имеет благоприятную среду для расширения и укрепления позиций обладателей финансового капитала.

ЛИТЕРАТУРА

- Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя* (2013). М., с. 9.
Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов (2005). М., с. 9.
О чем мечтают россияне? (2012). М., с. 84.
 Посухова О.Ю. (2013). Работа мечты: сравнительный анализ представлений жителей Ростовской области и России // *Власть*, № 5, с. 130–134.
Россия – трансформирующееся общество (2001). М., с.108.
Россия реформирующаяся (2004). М., с. 47.
Собственность в жизни россиян: домислы и реальность (2005). М., с. 80.
Социальная стратификация российского общества (2003). М., с. 69.

REFERENCES

- Bureaucracy and Power in the New Russia: the position of the population and evaluation experts* (2005). М., p. 9. (In Russian.)
Ownership in Russia: fantasies and reality (2005). М., p. 80. (In Russian.)
Poverty and inequality in modern Russia: ten years later (2013). М., p. 9. (In Russian.)
 Posukhova O. (2013). Dream job: a comparative analysis of views of residents of Rostov region and Russia. *Vlast*, no. 5, pp. 130–134. (In Russian.)
Reforming Russia (2004). М., p. 47. (In Russian.)
Russia – Transforming Society (2001). М., p. 108. (In Russian.)
Social stratification of Russian society (2003). М., p. 69. (In Russian.)
What do Russians dream about? (2012). М., p. 84. (In Russian.)

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

МАТВЕЕВА Л.Г.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой информационной экономики,
Южный федеральный университет,
e-mail: matveeva_lg@mail.ru;

СТЕФАНКОВ И.О.,

аспирант,
Южный федеральный университет,
e-mail: ivanstefankov@gmail.ru

В статье обоснована целесообразность стратегического подхода к определению траекторий развития предприятий промышленного сектора по модели импортозамещения в условиях существующих и возможных новых экономических санкций, разработаны принципы его использования, направленные на инкорпорирование промышленных предприятий в общеэкономическую стратегию.

Ключевые слова: стратегический подход; экономические санкции; промышленность; импортозамещение.

STRATEGIC APPROACH TO DEVELOPMENT OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISES IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC SANCTIONS

MATVEEVA L.G.,

Doctor of Sciences, Professor,
Chair of Information Economy,
Southern Federal University,
e-mail: matveeva_lg@mail.ru;

STEFANKOV I.O.,

Graduate student,
Southern Federal University,
e-mail: ivanstefankov@gmail.ru

In article expediency of strategic approach to definition of trajectories of development of the enterprises of industrial sector on import substitution model in the conditions of existing and possible new economic sanctions is proved, the principles of its use directed on incorporation of the industrial enterprises in all-economic strategy are developed.

Keywords: strategic approach; economic sanctions; industry; import substitution.

JEL classification: L16, L51, L52.

Процессы прогрессирующей эскалации экономической и политической напряженности в международных отношениях, обусловленные вхождением Крыма в состав России и украинским кризисом, актуализиру-

ют проблему выявления возможностей сохранения наметившегося в последние годы промышленного роста в условиях действующих экономических санкций. В данном контексте определенный в качестве главного стратегического императива переход российской экономики на несырьевую модель развития, являясь задачей национального масштаба, требует в условиях возрастающих внешних угроз значительно большей консолидации управленческих усилий всех уровней – от федерального до отдельных промышленных предприятий.

На совещании по развитию оборонно-промышленного комплекса страны, проходившем 10 сентября 2014 г., Президент России В.В. Путин отметил, что в стране уже создан прогрессирующий механизм, позволяющий существенно увеличить потенциал российской промышленности. Поэтому для обеспечения экономической безопасности страны в контексте стратегии импортозамещения отечественная промышленность должна быть готова сама выпускать необходимую продукцию, изыскивать резервы внутреннего роста, обладать заделами технологических и продуктовых инноваций.

Важным условием этого, по мнению видного политика и экономиста М.Г. Делягина, является соблюдение ряда принципов, на которых должна строиться политика импортозамещения в России:

- во-первых, с российской экономики должен быть снят груз чрезмерных издержек в виде коррупции и произвола монополий;
- во-вторых, должна быть модернизирована инфраструктура, потому что сейчас имеются избыточные издержки из-за нехватки инфраструктуры в широком смысле этого слова;
- в-третьих, необходим разумный протекционизм, потому что импортозамещение невозможно, когда страна открыта настежь;
- в-четвертых, должна быть грамотная промышленная политика, т. е. предприятия должны получить на время окупаемости инвестиций льготный режим, хотя бы в приоритетных областях;
- в-пятых, должно быть разумное управление валютным курсом, т. е. рубль должен быть не переоценен, а скорее недооценен (*Делягин, 2014*).

Проведение «грамотной промышленной политики» предполагает использование стратегического подхода и действенного инструментария принятия решений. В этой связи следует отметить, что в силу очевидной сопряженности общеэкономической стратегии и стратегии развития промышленности, коррекция макроэкономических прогнозов, определяемая санкциями, будет иметь следствием соответствующие корректировки планов и программ стратегического развития промышленности. В то же время, поскольку важнейшей составляющей модернизации промышленного потенциала России является активизация инновационных процессов, обеспечивающих переход экономики на перспективные технологические уклады, особое значение приобретает разработка адаптивных механизмов эффективного управления промышленными инновациями с позиции указанного стратегического подхода.

Представляется, что в основу такого механизма должна быть положена концепция, в соответствии с которой сбалансированность ресурсных, институциональных и управленческих воздействий, реализуемых в сфере промышленного производства, достигается только на основе совокупности инновационно и стратегически ориентированных мер, которые позволяют достичь компромисса между государственным и рыночным регулированием желаемого развития отрасли и ее отдельных предприятий.

Отметим, что в условиях происходящих глобальных экономических изменений конкуренция в сфере промышленных инноваций представляет собой не просто соперничество отдельных предприятий за рынки сбыта и финансовые ресурсы, а фактически является конкуренцией экономических систем, обеспечивающих прочные позиции страны и ее промышленного бизнеса в мире. Это требует активизации механизмов промышленной политики предприятий несырьевой специализации для скоординированного решения поставленных задач импортозамещения. Усиление глобальных геополитических и экономических угроз предполагает выбор экономических механизмов и подходов, поддерживающих устойчивое инновационное развитие российских промышленных предприятий при минимизации внешних рисков. Это возможно за счет формирования эндогенных точек опоры, способных стимулировать внутренний спрос на отечественную продукцию, обеспечивать необходимый уровень инвестиций и адекватные возрастающему спросу масштаб и структуру промышленного производства.

Таким образом, императивы устойчивого развития модернизационных процессов в российской промышленности, приобретающие усиленное санкциями значение, инициируют необходимость формирования новой структуры системы ведения промышленного производства, где ключевым фактором обеспечения конкурентоспособности становится инновационно ориентированная модель функцио-

нирования бизнеса (Матвеева, 2014). При этом важно учитывать, что поскольку основным «носителем» потенциала промышленных инноваций является предприятие (как produцирующее, так и внедряющее инновации), вопрос информационно-инструментарной поддержки инновационной деятельности в рамках адаптивного механизма стратегического управления развитием промышленности является особенно важным для отдельных предприятий, создающих позитивные эффекты, генерируемые в результате реализации стратегии импортозамещения. При этом количество и величина указанных эффектов, проявляющихся в масштабах участия промышленных инноваций в результирующих показателях деятельности предприятий, зависит от того, насколько быстро они адаптируют свою стратегию к корректирующимся под влиянием санкций общеотраслевым и макроэкономическим стратегическим планам.

Иными словами, стратегической детерминантой и определяющим вектором развития промышленных предприятий в новой экономической среде являются императивы модернизации институциональной и отраслевой структуры отрасли, что в системе управления предприятиями сводится к корректировке планов и программ, направленных на систематизацию и конвергенцию составляющих их экономического потенциала. Важной компонентой инструментария управления в обозначенном контексте является совершенствование методов оценки и идентификации параметров инвестиционной привлекательности промышленных предприятий на отраслевом рынке, выступающей, по сути, критерием рыночной эффективности их функционирования.

В целом, применение стратегического подхода к инкорпорированию промышленных предприятий в общезакономическую стратегию предполагает:

- разработку программы стимулирования взаимодействия науки и производства, т. е. наращивания научно-инновационного потенциала;
- приоритет долгосрочных целей промышленного развития в инновационных проектах, реализуемых предприятиями;
- управление взаимодействием науки и промышленного бизнеса в границах регионов на основе согласования интересов сторон, ориентацию на развитие партнерских отношений между ними;
- вовлечение органов государственного управления территории, ответственных за проведение промышленной политики, в процесс принятия стратегических решений на предприятиях;
- применение моделирования и современных информационных технологий для построения системы поддержки принятия управленческих решений для повышения их эффективности (в том числе в сфере промышленных инноваций);
- разработку соответствующих стратегий и программ (или их разделов) на основе системного и синергетического подходов;
- реальность, реализуемость и ресурсную обеспеченность мер стимулирования инновационной деятельности, включая приоритетность и адресность методов стимулирования взаимодействия науки и бизнеса.

Очевидно, что перспективная деятельность ориентирующихся на эти принципы предприятий направлена на решение стратегически важных задач, связанных, прежде всего, с развитием производственной базы отрасли, модернизацией имеющихся и созданием новых мощностей в тесном сопряжении с прогнозами внутреннего спроса на промышленную продукцию. Практически значимым при этом является нацеленность управления потенциалом на решение проблемы согласования программ и проектов предприятия как со стратегией развития региональной промышленности, так и со стратегическими планами модернизации отрасли в целом (рис. 1). Необходимость решения этой важной задачи обусловлена перечисленными выше факторами и условиями общесистемного характера.

В соответствии с представленными на рис. 1 принципами, научно-обоснованная концепция управления научно-инновационным потенциалом региональной промышленности базируется на системном подходе с учетом места и роли научных исследований и инноваций в процессе расширенного регионального воспроизводства как элементов единого научно-инновационного цикла. Только комплексное рассмотрение всех аспектов научной и инновационной деятельности и необходимых для ее осуществления ресурсов – трудовых, материальных, информационных, финансовых и других – во взаимосвязи с результатами их использования позволяет получить объективное представление о тенденциях научно-технического развития промышленного сектора региона. Кроме того, в рамках такого подхода появляется возможность интеграции разрозненных, иногда не сопоставимых между собой показателей, характеризующих отдельные элементы научно-инновационного цикла региональной промышленности, в целостную систему (Матвеева, 2014).

Рис. 1. Принципы формирования стратегии развития промышленных предприятий в условиях макроэкономической нестабильности

Таким образом, предложенная модель стратегического планирования экономической деятельности промышленных предприятий в условиях экономических санкций, включающая алгоритмизированные в структуре управления их потенциалом этапы и процедуры, обеспечивает совершенствование стратегии предприятия посредством сопряжения со стратегией развития отрасли, внедрения адаптивных механизмов реализации программ и проектов. Важно при этом, что стратегические долгосрочные приоритеты экономического развития выступают в роли иницилирующего импульса, определяющего содержание и направление изменения институциональных условий и роли государства в развитии промышленного бизнеса по модели импортозамещения.

ЛИТЕРАТУРА

- Делягин М.Г. (2014). Импортозамещение в России. Пять конкретных шагов // Пресс-служба Московского экономического форума. Доступно на: info@me-forum.ru. Дата доступа: 10.09.2014.
- Матвеева Л.Г. (2014). Инновационный потенциал промышленности Юга России: инструментарий управления в целях снижения региональной асимметрии // Региональная экономика. Юг России, № 1 (93).

REFERENCES

- Delyagin M.G. (2014). Import substitution in Russia. Five concrete steps. Press service of the Moscow economic forum. Available at: info@me-forum.ru. Date of access: 10.09.2014.
- Matveeva L.G. (2014). Innovative capacity of the industry of the South of Russia: tools of management for decrease in regional asymmetry. *Regional economy*. South of Russia, no. 1 (93).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РЫНКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК В РАМКАХ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ

БУТОВА С.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
e-mail: s.voropaeva@mail.ru;

БУТОВ Ф.С.,

преподаватель,
Южный федеральный университет,
Пилотный центр госзакупок,
e-mail: fedorkin1@mail.ru

В статье рассмотрен рынок государственных и муниципальных закупок в модернизированных условиях – контрактной системе. Авторами проанализирован понятийный аппарат, связывающий государственные закупки, государственный заказ и систему государственных закупок; перечислены цели закупок товаров, работ, услуг для государственных (муниципальных) нужд. Контрактная система представлена как закон, охватывающий комплекс вопросов, связанных с осуществлением закупок: планирование закупок; определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей); заключение контрактов; особенности исполнения контрактов; мониторинг закупок; аудит в сфере закупок; контроль над соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок. Авторами определены основные критериальные признаки рынка государственных и муниципальных закупок в рамках контрактной системы. Контрактная система рассмотрена с точки зрения институционального подхода, в связи с чем выделены институты, окружающие рынок государственных и муниципальных закупок в изменившихся условиях.

Ключевые слова: государственный заказ; государственные нужды; государственные закупки; контрактная система; рынок государственных и муниципальных закупок; институт; институциональное окружение; институциональная среда.

INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF THE MARKET OF THE GOVERNMENT AND MUNICIPAL PROCUREMENTS WITHIN CONTRACT SYSTEM

BUTOVA S.V.,

Candidate of Economic Sciences, associate professor,
Southern federal university,
chair of management of human resources,
e-mail: s.voropaeva@mail.ru;

BUTOV F.S.,

Teacher,
Southern federal university,
Pilot center of government purchases,
e-mail: fedorkin1@mail.ru

In article the market of the government and municipal procurements in the modernized conditions – contract system is considered. Authors analysed the conceptual framework connecting government procurements, the state order and system of government procurements; the purposes of purchases of goods, works, services for the state (municipal) needs are listed. The contract system is presented as the law covering a complex of the questions connected with implementation of purchases: planning of purchases; definition of suppliers (contractors, performers); conclusion of contracts; features of performance of contracts; monitoring of purchases; audit in the sphere of purchases; control over observance of the legislation of the Russian Federation and other regulations about contract system in the sphere of the government and municipal procurements. Authors defined the main criteria signs of the market of the government and municipal procurements within contract system. The contract system is considered from the point of view of institutional approach in this connection, the institutes surrounding the market of the government and municipal procurements in the changed conditions are allocated.

Keywords: state order, state needs; government procurements; contract system; market of the government and municipal procurements; institute; institutional environment; institutional environment.

JEL classification: G18, G28, H57.

Институты... далеко не всегда создаются для того, чтобы быть социально эффективными; институты... создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил. Так считает Дуглас Норт (*North, 1990. P. 16*).

Системное изучение любого научного направления предполагает, прежде всего, уточнение понятий, связанных с его обозначением. Проблема самоидентификации имеет особое значение для систематизации институциональных экономических исследований.

В экономической науке и практике широко используются такие понятия как государственные закупки, государственный заказ, система государственных заказов. Государственный заказ – поручение, выдаваемое от имени государства на производство и поставку продукции или оказание услуг. Госзаказ обеспечивает удовлетворение важнейших общегосударственных потребностей, в том числе оборонного характера, а также потребностей федеральных бюджетных организаций. В бюджетном законодательстве употребляется термин «закупка товаров, работ, услуг для государственных (муниципальных) нужд», в том числе в целях:

- оказания государственных (муниципальных) услуг физическим и юридическим лицам;
- осуществления бюджетных инвестиций в объекты государственной (муниципальной) собственности;
- разработки, закупки и ремонта вооружения, военной и специальной техники, продукции производственно-технического назначения и имущества в рамках государственного оборонного заказа;
- закупки в государственный материальный резерв.

Совокупность потребностей государства в продукции, необходимой для решения задач обороны и безопасности страны, реализации федеральных целевых программ, представляет собой основную часть федеральных государственных нужд. В более широком смысле государственные нужды представляют собой количественно определенные потребности, обеспечивающие выполнение обязанностей государства в социально-экономической, административно-политической и культурных сферах.

При рассмотрении совокупности официальных документов, в том числе нормативно-законодательных, государственный заказ можно определить как:

- 1) основание для поставок продукции (товаров, работ, услуг);
- 2) понятие, объединяющее государственные федеральные нужды и государственные нужды субъектов РФ;
- 3) совокупность государственных контрактов на поставки продукции;
- 4) нормативно-правовой акт в сфере поставок продукции в рамках государственного оборонного заказа.

Таким образом, государственный заказ является многосторонним явлением, и обозначить его как урегулированный институт, все составляющие которого упорядочены и соподчинены друг другу законом, не представляется возможным.

Термины «государственный заказ» и «государственные закупки» употребляются как синонимы, т. е. не имеют четкого понятийного разграничения. Категориальный анализ понятий используемых в практике организации закупок для государственных нужд, показывает, что в западных странах употребляется категория «общественные закупки» (*public purchasing*) или «закупки для общественных нужд». В то же время принятый

в России термин «государственные закупки» в целом соответствует общепринятому в международной практике понятию «правительственные закупки» (government procurement), поскольку оба термина указывают на субъект закупочной деятельности – правительство в широком смысле, включая все государственные и муниципальные органы, – и тем самым определяют процедурные («технологические») и правовые особенности госзакупок.

Государственные закупки составляют значительную часть современного рынка любой страны. При этом государственные закупки в своей теории и практике представляют собой сложный и разнообразный механизм, призванный отвечать всем признакам рыночного хозяйства, так как только в этом случае государственные закупки будут в наибольшей степени защищены от частного интереса тех лиц, которые ввиду своего служебного положения имеют прямое отношение к ним, независимо от того, являются они работниками государственного ведомства или работниками компании, которая выполняет государственный заказ.

Анализируя рынок государственных закупок, следует отметить, что это эффективный механизм распределения бюджетных средств в рыночной экономике, обеспечивающий взаимодействие государства и бизнеса по поводу удовлетворения общественных потребностей на основе принципа субстантивной рациональности, связанной с ориентацией на конечные цели, не сводимой к простой их калькуляции, а сопряженной с выбором самих этих целей.

С 1 января 2014 г. рынок государственных и муниципальных закупок (для большинства бюджетных организаций) действует в рамках контрактной системы. Контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд – это совокупность участников контрактной системы в сфере закупок (федеральный орган исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации по регулированию контрактной системы в сфере закупок, иные федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, уполномоченные на осуществление нормативно-правового регулирования и контроля в сфере закупок, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», заказчики, участники закупок, в том числе признанные поставщиками (подрядчиками, исполнителями), уполномоченные органы, уполномоченные учреждения, специализированные организации, операторы электронных площадок) и осуществляемых ими, в том числе с использованием единой информационной системы в сфере закупок, в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок действий, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд.

Действие закона о контрактной системе распространяется на закупки федерального, регионального и муниципального уровней и относится к кругу заказчиков, который включает госорганы федерального и регионального уровня, муниципальные органы власти, государственные и муниципальные учреждения, а также бюджетные учреждения. Закон охватывает комплекс вопросов, связанных с осуществлением закупок, а именно:

- планирование закупок;
- определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей);
- заключение контрактов;
- особенности исполнения контрактов;
- мониторинг закупок;
- аудит в сфере закупок;
- контроль над соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок.

Необходимой предпосылкой формирования контрактной системы выступало создание единой информационной системы, позволяющей проводить экономический анализ структуры и иных параметров обеспечения госнужд, что должно позволить получать оперативные и репрезентативные данные, управлять ценами и иными параметрами, своевременно выявлять риски, в том числе коррупционные, при заключении и реализации госконтрактов. К тому же информационная открытость в значительной степени должна компенсировать ограниченные возможности контроля процедур после того, как процесс осуществлен: процедуры проведены, госзаказ размещен и, если что-то осуществлено не по закону, надо все отменять и размещать госзаказ заново.

Внешне контрактная система есть не что иное, как организационная форма существования государственного рынка, а значит, и рынка вообще, и потому ей присущи все те черты, которые присущи рынку. Рынок – это место встречи самостоятельных экономических агентов, на котором происходят акты купли-продажи; саморегулирующийся механизм взаимодействия спроса и предложения, определяющий рыночную цену товаров и услуг. Поскольку контрактная система в своей основе – рынок, или рыночные отношения, постольку и в своем внешнем проявлении как некая правовая и организационная система она должна основываться преимущественно на рыночных принципах, или должна быть рыночной и по своим внешним формам

существования. Однако следует за стандартными чертами рынка выделить их существенную специфику, которая непосредственно вытекает из того, что обязательным участником такого рынка является государство и что поэтому данный рынок – не что иное, как смена форм существования государственных налогов.

Основными критериальными признаками рынка государственных и муниципальных закупок в рамках контрактной системы являются:

1. Регулярность обменных операций (постоянное повторение сделок купли-продажи). Рыночная форма хозяйствования возникает в силу систематических обменных операций: государство в лице своих органов постоянно нуждается в различной продукции и поэтому закупки осуществляются согласно графикам планирования закупочной деятельности.

2. Денежный характер (обмен имеет денежный характер, поскольку деньги обеспечивают регулярность и относительную универсальность обменных операций). Поставщики реализуют свою продукцию за денежные средства, получаемые от государственных и муниципальных заказчиков.

3. Взаимовыгодность. Под выгодой понимается реализация собственного экономического интереса. Максимизация собственной полезности может сопровождаться улучшением условий обмена для контрагента. Согласие по поводу эквивалентности обмениваемых благ является необходимым основанием для заключения контракта.

4. Добровольность обмена. Критерием добровольности в обмене и отсутствия принуждения является возможность для контрагента вовсе отказаться от сделки, уйти к другому продавцу или покупателю либо переключиться на товар-субститут. Трансакции, от которых нельзя отказаться, находятся за пределами рыночной формы хозяйства. Система государственных и муниципальных закупок предполагает возможность выбора: поставщик вправе выбрать процедуру, в которой принимать участие, заказчика, с которым сотрудничать, а заказчик выбирает способ размещения заказа в соответствии с законодательством, а также определяет качественные характеристики продукции и начальную цену контракта.

5. Состязательность (конкуренция). Под состязательностью понимается способность продавцов и покупателей, преодолевая сопротивление контрагентов, влиять на условия обмена, значимые для получения выгоды. Наличие у сторон возможности воздействовать на уровень цен (цена контракта формируется в результате конкурсных процедур) и другие условия обмена, включая количество и качество товаров, способы их поставки, наличие сопутствующих услуг.

Представляет интерес рассмотрение контрактной системы с точки зрения институционального подхода. Отметим, что институциональный подход есть совокупность методологических принципов исследования разнообразных социально-экономических феноменов. В наиболее общем виде эти принципы связаны (*Фролов, 2008. С. 138*):

а) с отказом от механистического и антиисторического представления о социальной реальности за счет использования эволюционной парадигмы и приоритетного изучения нелинейных процессов;

б) с введением в аналитические конструкции понятий институтов, институций, агентов, статусов, ролей, трансакций, трансакционных издержек, конвенций, контрактов, неопределенности и асимметрии межсубъектных взаимодействий.

В современной рыночной системе реализация экономических функций общества происходит в институциональных формах. Институты являются формирующими условиями процессов взаимодействия людей в производстве материальных благ.

Термин «институт» произошел от *institution* (англ.) – общество, организация, учреждение; нечто установленное (закон, обычай, система) (*Вольчик, 2004. С. 131*). Понятие института было заимствовано экономистами из социальных наук, где он характеризуется как совокупность ролей и статусов, предназначенная для удовлетворения определенной потребности (*Смелзер, 1994. С. 79*). В экономической литературе представлено несколько трактовок «института», среди которых наиболее релевантным, на наш взгляд, является определение Д. Норта, который трактовал институты как правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми (*Норт, 1993. С. 73*).

О. Уильямсон предложил различать институциональные соглашения и институциональное окружение. Институциональное окружение характеризуется такими основными компонентами как общая устойчивость сложившихся структур собственности и правил присвоения на протяжении всего периода осуществления долгосрочных инвестиций, политическая и правовая устойчивость, дееспособность судебной системы, культура контрактов и «обязательств, внушающих доверие» (*credible commitments*). Известный шотландский философ и экономист Дэвид Юм утверждал, что «стабильность владения», «передача собственности посредством согласия» и «исполнение обещаний» являются тремя основными естественными законами (в терминах доктрины естественного права) (*Hume, 1969. С. 578*).

Для переходной экономики благоприятное институциональное окружение играет принципиальную роль. Сложность в том, что в течение относительно долгого периода некоторые социалистические институты объективно сохраняют свое значение (проблема социалистического наследия). Для России 1990-х гг. следует также учитывать такие факторы как политическая нестабильность и слабость власти. В начале 2000-х гг. на первый план выходит проблема дееспособности судебной системы, инфорсmenta контрактных прав и прав собственности.

При становлении рыночной экономики усиливается потребность в государственном регулировании товарного производства и хозяйственных связей на основе экономических методов, законодательных актов и других правовых норм, а также административных мер. В результате нормализации рынка товаров, создания его современной инфраструктуры и развития конкуренции возрастает экономическая свобода всех звеньев хозяйствования. Важно устранение диспропорций и трудностей в снабжении материально-техническими ресурсами базовых отраслей, соблюдение эквивалентного обмена промышленных изделий на продукцию сельского хозяйства и других секторов экономики. Эти цели достижимы при совместном использовании механизмов рыночного саморегулирования производства и государственного управления народным хозяйством.

Институциональная среда системы государственных и муниципальных закупок является сложной. Закон о контрактной системе предусматривает функционирование заказчиков, уполномоченных органов, органов власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок федерального, регионального и муниципального уровней, контрольных органов, органов, осуществляющих аудит.

В соответствии с Законом о контрактной системе ключевые функции, такие как определение государственной политики в сфере госзаказа, издание нормативных актов, анализ результативности и контроль, переданы Правительству РФ. Другие функции и полномочия достаточно подробно определены и закреплены за федеральными, региональными и муниципальными органами исполнительной власти. Так, четко распределены функциональные обязанности и роли в отношении вопросов прогнозирования, планирования и проведения закупок, а также заключения и исполнения контракта. Детально определены и закреплены за конкретными органами функции мониторинга, аудита и контроля.

Рассматривая контрактную систему с точки зрения институтов ее составляющих, можно выделить следующие:

1. Заказчики, выступающие потребителями различных товаров, работ и услуг для удовлетворения государственных и муниципальных нужд.

Институт заказчика подвергся совершенствованию. Для выполнения функций по планированию и осуществлению закупок при совокупном объеме закупки более 100 млн руб. предусмотрено создание новых структурных подразделений – контрактных служб. В случае, если совокупный объем закупок заказчика в соответствии с планом-графиком не превышает 100 млн руб., при отсутствии у заказчика контрактной службы заказчиком назначается должностное лицо, ответственное за осуществление конкретной закупки, а исполнение такого контракта – функция контрактного управляющего. Указанные подразделения отвечают за реализацию всего цикла закупок – от составления Плана закупки до рассмотрения дел по обжалованию результатов проведенных процедур определения поставщиков, подрядчиков, исполнителей и ведения претензионной работы. Работники этих подразделений должны обладать соответствующей квалификацией, образованием и опытом работы.

2. Участники закупок, в том числе признанные поставщиками (подрядчиками, исполнителями).

3. Федеральный орган исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации по регулированию контрактной системы в сфере закупок, иные федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, уполномоченные на осуществление нормативно-правового регулирования и контроля в сфере закупок.

4. Граждане и общественные объединения, объединения юридических лиц, осуществляющие общественный контроль.

Функционирование института общественного контроля преследует цели не только предотвращения злоупотреблений и коррупции со стороны заказчика, но в первую очередь цели формирования партнерских отношений между органами государственной власти и гражданами.

5. Уполномоченные органы, уполномоченные учреждения, специализированные организации.

Уполномоченный орган, уполномоченное учреждение – государственный орган, муниципальный орган, казенное учреждение, на которые возложены полномочия на определение поставщиков. Специализированные организации – юридическое лицо, привлекаемое заказчиком для помощи в организации определения поставщиков.

6. Операторы электронных площадок.

Оператором электронной площадки является юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала, государствен-

ная регистрация которого осуществлена на территории Российской Федерации, которое владеет электронной площадкой, необходимыми для ее функционирования программно-аппаратными средствами и обеспечивает проведение таких аукционов в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок.

7. Единая информационная система и региональные информационные системы, используемые при осуществлении закупок.

Единая информационная система в сфере закупок – это совокупность информации, указанной в законодательстве и содержащейся в базах данных, информационных технологий и технических средств, обеспечивающих формирование, обработку, хранение такой информации, а также ее предоставление с использованием официального сайта единой информационной системы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

8. Центры подготовки и переподготовки специалистов в области закупок.

Таким образом, институциональное окружение рынка государственных и муниципальных закупок в рамках контрактной системы претерпело изменение по сравнению с функционированием этого рынка в период до 2014 г. Основным смыслом проводимой реформы является переход к такой закупочной системе, которая обеспечит эффективность и результативность расходования бюджетных средств. В новую систему заложены основы для функционирования института общественного контроля. Институт заказчика также претерпел изменения: введены новые «действующие лица», четко разграничена ответственность за административные правонарушения.

ЛИТЕРАТУРА

Вольчик В.В. (2004). Эволюционная парадигма и институциональная трансформация экономики. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та.

Норт Д. (1993). Институты и экономический рост: историческое введение. М.: THESIS, т. 1, № 2.

Смелзер Н. (1994). Социология. М.

Эволюционная перспектива институциональной экономики России (2008). Монография / Д.П. Фролов; науч. консультант О.В. Иншаков. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

Hume D. (1969). A Treatise of Human Nature. Ed. by Mossner E.C.L.

North D. (1990). Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Williamson O. (1993). The Evolving Science of Organization // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, vol. 149, no. 1, pp. 36–63.

REFERENCES

Hume D.A. (1969). Treatise of Human Nature. Ed. by Mossner E.C.L.

North D. (1990). Institutions, Institutional Changes and Economic Performance. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

North on Institutions and economic growth: a historical introduction (1993). *THESIS*, vol. 1, no. 2. (In Russian.)

Smelser N. (1994). Sociology. M. (In Russian.)

The evolutionary perspective of institutional economics in Russia (2008). Monograph. Volgograd: Volga. (In Russian.)

Volchik V.V. (2004). Evolutionary paradigm and institutional transformation of the economy. Rostov-on-Don. (In Russian.)

Williamson O. (1993). The Evolving Science of Organization. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, vol. 149, no. 1, pp. 36–63.

ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГО-МЕЛИОРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА АГРОМЕЛИОЛАНДШАФТАХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ПОЛЯКОВ П.В.,

аспирант,

Воронежский государственный аграрный университет им. Петра I,
e-mail: kfkadastra@yandex.ru;

ТИХОНОВА К.В.,

кандидат экономических наук,

доцент кафедры экономики природопользования и кадастра,
Ростовский государственный строительный университет,
e-mail: kfkadastra@yandex.ru;

ЧЕШЕВ А.С.,

доктор экономических наук,

профессор кафедры экономики природопользования и кадастра,
Ростовский государственный строительный университет,
e-mail: kfkadastra@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы интенсификации использования сельскохозяйственных земель на основе внедрения высоких технологий мелиорации, с учетом районирования по зонам, и предусматривающие внесение минеральных и органических удобрений, использование средств химической и биологической защиты растений.

Обосновано, что для получения объективной оценки эффективности мелиорируемых земель и сельского хозяйства в целом, обеспечения его устойчивого развития необходимы всесторонние исследования, включающие системный анализ, учет и оптимизацию земельных, водных, производственных, энергетических, материальных и трудовых ресурсов, что в свою очередь дополнит существующие методы экономической и экологической оценки использования мелиорируемых земель и эффективности сельскохозяйственного производства.

Предложен многокритериальный подход, позволяющий определить основные направления развития орошаемого земледелия в современных условиях и обеспечить проведение эколого-экономической оценки земель, что в свою очередь повысит эффективность использования ресурсного потенциала в системе мелиорации.

Ключевые слова: интенсификация использования сельскохозяйственных земель; мелиорация; эколого-экономическая оценка земель.

FEATURES OF ECOLOGICAL AND MELIORATIVE ACTIVITIES ON AGROMELIORATIVE LANDSCAPES IN CONTEMPORARY CONDITIONS

POLYAKOV P.V.,

Graduate student,

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I,
e-mail: kfkadastra@yandex.ru

TIKHONOVA K.V.,

Ph. D., Associate Professor of Chair of the Environmental Economics and Cadaster Department,
Rostov State University of Civil Engineering,
e-mail: kfkadastra@yandex.ru;

CHESHEV A.S.,

Doctor of Science,
Professor of Chair of the Environmental Economics and Cadaster Department,
Rostov State University Of Civil Engineering,
e-mail: kfkadastra@yandex.ru

The article deals with the intensification of agricultural land use through the introduction of high technology, irrigation, subject to zoning areas and providing for the application of mineral and organic fertilizers, the use of chemical and biological plant protection.

It is proved that for an objective assessment of the effectiveness of the reclaimed lands and agriculture in general, to ensure its sustainable development requires extensive research, including systems analysis, accounting and optimization of land, aqueous, industrial, energy, material and labor resources, which in turn will complement existing methods of economic and environmental assessment of the use of reclaimed land and agricultural production efficiency.

Proposed a multi-criteria approach which allows to determine the main directions of development of irrigated agriculture in the modern conditions and ensure that environmental and economic valuation of land, which in turn will increase the efficiency of resource potential in the reclamation.

Keywords: intensification of agricultural land use, land reclamation, ecological and economic evaluation of land.

JEL classification: Q15, Q24, Q25.

Развитие земледелия в ближайшей перспективе будет определяться главным образом такими факторами: ростом численности населения и ресурсным потенциалом, необходимым для производства сельскохозяйственной продукции и обеспечения продовольственной безопасности и эффективного функционирования агропромышленного комплекса (АПК). Ресурсы для производства продуктов питания и сырья для перерабатывающей промышленности, так же как и потребность в них, по странам мира распределены неравномерно (Шкура, 2010).

Изучение этой проблемы показывает, что объем производства зерна не в полной мере удовлетворяет потребности населения в продуктах питания и сырья перерабатывающей промышленности. Увеличить долю собственного производства продукции можно только на основе интенсификации использования земельных ресурсов (Долматова, 2012).

При этом в природно-климатических и почвенных условиях России важным направлением интенсификации использования сельскохозяйственных земель должна стать мелиорация земель на основе внедрения высоких технологий, районированных по зонам и предусматривающих внесение минеральных и органических удобрений, использование средств химической и биологической защиты растений. Главные ресурсы сельскохозяйственного производства – земельные, водные, энергетические, трудовые и материальные.

Российская Федерация располагает огромными площадями пашни (122 млн га), как выступающим главным средством производства сельскохозяйственной продукции. На ее территории сосредоточено более 20% мировых запасов пресных поверхностных и подземных вод, которых хватило бы для орошения 20 млн га с учетом экологических требований. Одновременно с этим страна обладает значительными запасами энергетических ресурсов, которые в современных условиях реформирования аграрной экономики неэффективно участвуют в процессе аграрного производства, поскольку законодательно не закреплено приоритетное право владения и пользования этими ресурсами в сельском хозяйстве.

Кроме того, в России в достаточном количестве производится минеральных удобрений, однако, большая их часть вывозится за границу и мало используется в орошаемом земледелии.

Исследованиями установлено, что на большей части территории страны развитие сельского хозяйства без орошения в полном объеме вообще невозможно. В то же время использование мелиорируемых земель в России, на протяжении последних лет находится в состоянии депрессии. Площадь мелиорируемых земель за последние 15 лет сократилась на млн га. Состояние оросительных систем, насосно-силового оборудования

и поливной техники практически повсеместно можно оценить как критическое. Посевные площади на орошаемых землях сократились с 5,1 млн до 4 млн га, т. е. на 22%. Существенно изменилась структура посевных площадей на орошаемых землях. Если в 1990 г. орошались в основном кормовые культуры, до 57%, то сегодня их доля в посевах снизилась до 23%, причем доля зерновых культур в них возросла с 30 до 55%.

Уровень ресурсно- и энергопотребления является во всем мире одной из главных стратегических характеристик, напрямую определяющих величину валового национального продукта и отдельных видов продукции. Анализ зарубежного опыта показал, что в развитых странах для повышения урожайности в 2 и более раз были многократно увеличены затраты всех необходимых ресурсов на единицу возделываемой площади: удобрений – в 4 раза, топлива – в 24,5, затрат на эксплуатацию сельскохозяйственных машин – в 11,6, на орошение – в 2 раза (Александровская, 2012).

Следовательно, для получения объективной оценки эффективности мелиорируемых земель и сельского хозяйства в целом, обеспечения его устойчивого развития необходимы всесторонние исследования, включающие системный анализ, учет и оптимизацию земельных, водных, производственных, энергетических, материальных и трудовых ресурсов. Это в свою очередь дополнит существующие методы экономической и экологической оценки использования мелиорируемых земель и эффективности сельскохозяйственного производства. При этом отдельными учеными предлагается использовать критериальный подход при выращивании сельскохозяйственных культур на орошаемых и неорошаемых землях с учетом проведения сравнительного анализа результатов деятельности. Предлагается использовать такие критерии:

- хозяйственный (урожайность);
- экономический (себестоимость);
- экологический.

Использование многокритериального подхода позволит определить основные направления развития орошаемого земледелия в современных условиях, обеспечить проведение эколого-экономической оценки земель, повысить эффективность использования ресурсного потенциала в системе мелиорации.

С мелиоративной точки зрения, степная часть Ростовской области является сложным регионом. Неустойчивое и недостаточное увлажнение большей части территории области вызывает необходимость организации орошения многих видов сельскохозяйственных угодий и особенно пашни. Практически на всей территории области распространена водная и ветровая эрозия почв.

По данным земельного учета, во всех природно-сельскохозяйственных зонах области имеется около 7,0 млн га сельскохозяйственных угодий нуждающихся в проведении улучшающих мелиораций, в т. ч. 4,5 млн га пашни. Около 500 тыс. га пашни требуют проведения оросительных мелиораций и почти 4 млн га пашни нуждается в защите почв от эрозии и деградации.

Кроме того в области имеется около 1 млн га солонцеватых и почти 150 тыс. га засоленных земель, за последние годы значительно возросли площади земель, которые по разным причинам снижают интенсивность использования сельскохозяйственных угодий (Чешев, Алиева, Тихонова, 2012).

Коренные земельные и аграрные преобразования в сельском хозяйстве привели к снижению эффективности использования земель в т. ч. и орошаемых. Реформирование земельной собственности и внедрение новых форм хозяйствования на селе, не привели к ожидаемым результатам в повышении эффективного использования земельных угодий и сельскохозяйственного производства в целом. Пахотный потенциал используется примерно на 80%, возможности орошения – на 60%, мелиорационные мероприятия по защите почв от эрозии практически не проводятся, значительно снизилось применение органических и минеральных удобрений.

Дальнейшее улучшение организации использования земельных угодий, и особенно орошаемых земель, и устойчивое развитие сельскохозяйственного производства в регионе требуют ускоренного осуществления комплекса эколого-экономических организационно-хозяйственных мелиораций, а также лесотехнических, гидротехнических и химических мелиораций. Улучшение качества около 300 тыс. га мелиорируемой пашни позволит повысить производство сельскохозяйственной продукции на поливном секторе более чем в два раза. Кроме того, потребуются значительные капитальные вложения на восстановление площади орошаемых земель и ее увеличения примерно до 500 тыс. га, а также на реконструкцию действующих оросительных систем.

Улучшение использования мелиорируемых земель в полной мере зависит от уровня развития производительных сил и формирования эффективных производственных и земельных отношений на селе. Интенсификация сельскохозяйственного производства обуславливает интенсивность использования земельных угодий, в т. ч. и мелиорируемых. При этом интенсификация использования орошаемых земель должна базироваться на следующих факторах:

- повышение качества мелиорируемых земель и увеличение отдачи с каждого гектара;
- создание эффективного природно-ресурсного и производственного потенциала по использованию мелиорируемых земель;
- оснащенность оросительных систем высококачественной и высокопроизводительной техникой;

- планирование и внесение необходимого количества минеральных удобрений при выращивании интенсивных сельскохозяйственных культур на орошении;
- создание эффективного орошаемого землепользования, обеспечивающего рациональное использование мелиорируемых земель;
- создание экологически устойчивых агроландшафтов на оросительных системах;
- повышение качества оросительной воды, соблюдение нормативных требований по поливу орошаемых площадей;
- разработка и осуществление комплекса природоохранных мероприятий при проведении мелиоративных работ и эксплуатации оросительных систем;
- эффективное использование оросительных каналов;
- обоснованное распределение орошаемых земель по формам собственности и пользования и организация эффективного использования оросительной воды;
- государственная поддержка хозяйствующих субъектов в зонах орошения путем организации финансовых фондов для стимулирования реализации продукции.

ЛИТЕРАТУРА

- Александровская Л.А.* (2012). Формирование и развитие агромелиоративного природопользования: монография. М.: Вузовская книга.
- Долматова Л.Г.* (2012). Социо-эколого-экономические аспекты территориального планирования использования и охраны земельных ресурсов: монография. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ.
- Чешев А.С., Алиева Н.В., Тихонова К.В.* (2012). Мелиорированные земли: их использование и оценка: монография. Ростов н/Д: РГСУ.
- Шкура В.Н.* (2010). Природообустройство: Терминологический словарь. 2-е издание, перераб. и доп. Ростов н/Д: ЗАО «Книга».

REFERENCES

- Aleksandrovskaia L.A.* (2012). Formation and development of natural resources Agromeliorative. Moscow. Higher Educational Institutions book. (In Russian.)
- Cheshev A.S., Aliyeva N.V., Tikhonova K.V.* (2012). Meliorated land: their use and evaluation: a monograph. Rostov-on-Don. RSSU. (In Russian.)
- Dolmatova L.G.* (2012). Social, ecological and economic aspects of spatial planning the use and protection of land resources: monograph. Rostov-on-Don. (In Russian.)
- Shkura V.N.* (2010). Environmental Engineering: Glossary. 2nd edition. Rostov-on-Don. (In Russian.)

ПРИРОДА И БАЗОВЫЕ ЧЕРТЫ ДИНАМИЧНО РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ БИЗНЕСА

БАРСУКОВА А.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории экономического факультета,
Южный федеральный университет,
руководитель аналитического центра «Эксперт Юг»,
e-mail: arina_barsukova@mail.ru

Статья посвящена исследованию динамично растущих компаний юга России – «газелей», анализу стратегий и технологий быстрого роста таких предприятий, выявлению и изучению типовых характеристик быстрорастущего бизнеса. В статье раскрываются основные этапы авторской методологии исследования (всего состоящей из 23 этапов), некоторые примеры из кейсов «газелей», развивается идея об унификации управленческих инструментов «газелей» на основе анализа уникальных историй успеха каждой из них.

Ключевые слова: динамично растущие компании-«газели»; конкурентная политика; конкурентная среда; стратегия развития компании; управленческие риски.

THE NATURE AND BASIC CHARACTERISTICS OF DYNAMICALLY DEVELOPING BUSINESS

BARSUKOVA A.V.,

Ph.D., Assistant Professor Economic Theory Department, Economic Faculty,
Southern Federal University,
head of the analytical center «Expert South»,
e-mail: arina_barsukova@mail.ru

The article investigates the dynamically growing companies of the South of Russia – «gazelles», analyses the strategies and technologies of rapid growth of such enterprises, identifies and studies the typical characteristics of a fast-growing business. The article describes the main stages of the author's research methodology (including 23 stages), and some examples of case studies of such companies. The article also develops the idea of the unification of management tools in fast-growing companies based on the analysis of unique success business-stories of each of them.

Keywords: dynamically growing companies-«gazelles»; competition policy; the competitive environment; the strategy of the company; management risks.

JEL classification: O10, O14, O15.

На протяжении последних семи лет мы проводим исследование динамично развивающихся компаний юга России (ЮФО и СКФО). Это исследование включает два больших раздела. Первый связан с разработкой методологии и поиском «газелей» путем количественного анализа базы данных о деятельности предприятий юга. Второй раздел тесно связан с качественным детальным анализом деятельности каждой компании-«газели». За это время мы провели более 50 глубинных интервью с руководителями динамично развивающихся компаний, представляющими все основные отрасли региональной экономики – от розничной торговли до выращивания сельхозпродукции и инновационных исследований в фармацевтике. Особое внимание в рамках этого направ-

ления исследования уделялось обсуждению управленческих практик, изучению типовых проблем и инструментов их разрешения, анализу предпринимаемых шагов в наиболее значимых направлениях менеджмента. Здесь мы поставили задачу выявить отличительные черты, характеризующие все «газели». В данной статье представлены основные результаты пятилетнего исследования, сопровождающиеся наиболее показательными примерами из управленческих кейсов «газелей».

Методология изучения природы динамичного роста

Изначально с помощью системы СПАРК (Система профессионального анализа рынка и компаний) была сформирована максимально полная база компаний, зарегистрированных в субъектах ЮФО и СКФО, с целым рядом показателей экономической деятельности. Сведения о каждом юрлице за последние 5 лет включали данные выручки, основных средств, дебиторской (до года и более года) и кредиторской задолженности, прибыли до налогообложения и чистой прибыли. Таким образом, в сферу исследования попало подавляющее большинство крупных и средних предприятий юга России (формирующих официальную отчетность), причем историю многих из них можно было проследить с того времени, когда они были еще представителями малого, а порой и микробизнеса. Затем были отобраны и удалены те предприятия, чья выручка по итогам последнего отчетного периода была не ниже 400 млн руб., согласно действующим нормам, отделяющим малый бизнес от среднего. Исключение на этом этапе исследования субъектов малого бизнеса позволяет отделить его достижения от успехов средних и крупных компаний, что необходимо в целях разделения природы роста. Дело в том, что можно привести множество примеров динамичного роста представителей малого бизнеса, но это явление иного порядка, которое мы оставляем за рамками исследования. Одно дело – ежегодно в среднем на треть наращивать доходы из сотен миллионов и миллиардов рублей, и совсем другое – быстро расти, когда выручка исчисляется десятками миллионов рублей. Затем удалили компании, чья деятельность начиналась позже 2006 г., почистили список от некоммерческих партнерств, фондов, ГУПов и МУПов, компаний, занимающихся финансовым посредничеством.

На следующем этапе исследования были произведены расчеты по вычислению средних темпов прироста выручки за пять лет¹. Далее удаляли компании, у которых этот показатель оказался ниже 30%. За основу нами был взят алгоритм Берча, в соответствии с которым к «газелям» причислялись компании, которые демонстрировали рост выручки не менее чем на 20% в каждом году в течение как минимум 5 лет подряд. При этом алгоритм был взят с поправкой на инфляцию, чтобы исключить ее влияние. Такой же логикой пользуется А. Юданов, исследуя «газели» в целом по России (Юданов, 2010). Далее мы удаляли компании, ежегодные темпы прироста в которых опускались ниже 10%.

Затем, согласно принятой методологии, проводилось несколько наиболее трудоемких этапов «ручной» обработки данных оставшихся компаний и были подготовлены детальные справки об оставшихся компаниях. Целью этого было удалить фирмы, находящиеся в стадии реорганизации и банкротства, компании, которые вырастают за счет присоединения или объединения с иными юридическими лицами. Также были исключены дочерние структуры холдингов, уже присутствовавших в списке в виде головной структуры (в целях избежания двойного учета). Как ежегодно показывают результаты этого этапа исследования, целый ряд дочерних структур «газелей» нередко сами являются представителями динамичного бизнеса, что обусловлено синхронностью роста, когда растущие потребности основного предприятия тянут за собой рост оборотов у вспомогательных и обслуживающих структур. Например, транспортная компания ООО «Сельта», являющаяся дочерней компанией ЗАО «Тандер» (развивает сеть магазинов «Магнит» по всей стране), за исследуемую пятилетку продемонстрировала средние темпы прироста в 67%, но ни в одном итоговом рейтинге по вышеназванной причине не представлена.

Были удалены компании, являющиеся «непрозрачными», и те, которые демонстрировали высокую убыточность. В итоге осталось менее сотни компаний, которые и называются «газелями» (Барсукова, Кот, Козлов, 2013; Барсукова, Коврыжко, Козлов, 2012).

В исследовании динамично развивающихся компаний юга России, которое проводилось в 2010 г., мы насчитали 65 «газелей», в 2009 г. их было 64 (табл. 1). Пятый год подряд мы видим подтверждение теоретической идеи, согласно которой масса динамично развивающихся компаний в экономике обладает некоей константой при изменении состава ее участников. Из отобранного списка компаний убытки по итогам 2011 г. имели пять, причем у двух из них отрицательная чистая прибыль была символической. В рейтинге оказалось почти поровну представителей крупного и среднего бизнеса: 37 компаний, выручка которых превышает 1 млрд руб., и 40 компаний, чьи доходы находятся в диапазоне от 400 млн до 1 млрд руб.

¹ В целях адекватного отображения динамики были рассчитаны среднегеометрические темпы прироста доходов за последнюю пятилетку.

Таблица 1

Статистика динамичного бизнеса на юге России

Компании-«газели»	2011	2010	2009
количество, в т. ч.	77	65	64
средний бизнес	40	33	33
крупный бизнес	37	32	31
выручка средних, млн руб.	24 636,5	21 701,4	22 301,6
выручка крупных, млн руб.	545 966,4	346 422,4	260 060,0
Совокупная выручка, млн руб.	570 602,9	368 123,8	282 361,6

Источник: Аналитический центр «Эксперт ЮГ»

Список «газелей» юга традиционно обновляется, но обладает при этом преемственностью. Так, из 77 компаний 22 были представлены и в прошлогоднем рейтинге «газелей». Еще несколько компаний входили в рейтинги по итогам 2008 и 2007 гг.

Вместе с тем, несмотря на немногочисленность, не стоит преуменьшать роль «газелей» в экономике региона и в экономике всей страны. А. Юданов сравнил сведения о приросте выручки 10 крупнейших корпораций России с приростом выручки «газелей» и выявил, что прирост первых существенно меньше прироста выручки вторых (Юданов, 2010). Юг России не является в этом смысле исключением, и роль «газелей» здесь не меньше. Так, крупнейшая «газель» юга, ЗАО «Тандер», возглавляет и рейтинг 250 крупнейших компаний ЮФО. Выручка «Тандера» составляет 15,4% в общей выручке 250 крупнейших компаний ЮФО, а доля в общем приросте увеличилась за год с 18,1% до 27,3%! То есть почти треть прироста крупного бизнеса Южного округа формирует одна компания-«газель» (Барсукова, Козлов, Кот, 2013).

При этом предпринимательство, как важнейший для рыночной экономики фактор, в современных российских условиях все еще развито недостаточно по сравнению не только с развитыми, но и с развивающимися странами (Вольчик, 2012. С. 52), что говорит о высоком потенциале существующих резервов развития.

Как видно из исследования, своей деятельностью «газели» способствуют диверсификации экономики и рабочих мест в тех субъектах региона, где они работают, а диверсификация рабочих мест выступает необходимым условием экономического роста (Клейнер, 2013).

Показательно и то, что южные «газели» успешно преодолели последствия кризиса. Многим из них спад помог найти источники повышения эффективности бизнеса, предоставив те самые возможности, о которых традиционно все вспоминают в трудную минуту, найти новые решения для развития, альтернативные пути достижения ранее поставленных целей.

Черты управления динамично растущего бизнеса

Журнал «Эксперт Юг» на протяжении последних семи лет провел более пятидесяти глубинных интервью с руководителями динамично развивающихся компаний, представляющими все основные отрасли региональной экономики – от розничной торговли до выращивания сельхозпродукции и инновационных исследований в фармацевтике. Особое внимание в рамках этого направления исследования уделялось обсуждению управленческих практик, изучению типовых проблем и инструментов их разрешения, анализу примеров предпринимаемых шагов в наиболее значимых направлениях менеджмента. Здесь мы поставили задачу выявить отличительные черты, характеризующие все «газели». Таковых мы насчитали меньше десятка:

- «газели» вырастают чаще всего в условиях высокого конкурентного окружения;
- эти компании активно инвестируют в развитие собственного бизнеса;
- «газели» активно формируют рынок;
- у таких компаний цели и стратегии формализованы;
- основные риски динамичного бизнеса сводятся к управленческим;
- в «газелях» особую роль играет команда;
- на определенном этапе развития «газели» активно внедряют ИТ-инструменты управления бизнесом (Барсукова, Коврыжко, Козлов, 2011).

Обратимся к опыту динамично развивающихся компаний юга России и проанализируем, какова роль выделенных характеристик этих региональных предприятий.

Динамично растущие компании развиваются в конкурентной среде

Одна из общих черт динамично развивающихся компаний связана с конкурентным окружением: все они так или иначе выросли в условиях высокого конкурентного давления. Сразу же вспоминаются трактовка Ф. Хайеком конкуренции как процедуры открытия (*Хайек, 1989*), портеровская теория конкуренции и кластерного развития (*Портер, 2000*), японские модели стратегического взаимодействия и др. Анализируя многочисленные интервью, становится ясно, что такая внешняя среда сыграла в развитии динамично растущего бизнеса не последнюю роль. Благодаря необходимости работать на рынке бок о бок с конкурентами, «газели» научились особым навыкам, приобрели полезные компетенции, стали более эффективными, динамичными и сильными. Например, ОАО «Славянский комбинат хлебопродуктов» (Краснодарский край) испытывает серьезное конкурентное давление со стороны менее затратных, менее энергоемких региональных предприятий по переработке риса. Такие фирмы строят в поле ангар, устанавливают оборудование и начинают работать, так что средние издержки у них, конечно, ниже. Подобных конкурентов менеджмент «Славянского комбината хлебопродуктов» насчитывает около трех десятков и выдерживает конкуренцию с ними за счет высокого качества риса и имеющейся мощной материально-технической базы – далеко не у всех есть современные мощности по хранению, сушке и очистке риса (*Интервью с генеральным директором ОАО «Славянский комбинат хлебопродуктов»..., 2013*).

В то же время по данным интервьюирования, проведенного в период с 2007 по 2013 гг. включительно, в деятельности «газелей» выявлена еще одна закономерность – у руля динамичных компаний мы видим как тех, кто интуитивно, путем собственного опыта подошел к развитию стратегии, так и тех, кто постигал новейшие концепции менеджмента на курсах MBA. Ряд руководителей «газелей» не просто знают, например, что есть некие новейшие, посвященные конкуренции «стратегии голубого океана» Ч. Кима и Р. Моборна, стратегии «кайдзен» для успешных перемен в организации, стратегия «бережливого производства» или «самообучающейся организации» П. Сенге и т. д. Эти компании, как правило, на практике используют самые передовые идеи. Например, у краснодарского дистрибьютора напитков «Лотос-Лэнд Бевериджиз» (Краснодар) налажено постоянное сотрудничество с международной школой MBA Link, куда посылают учиться всех сотрудников, независимо от того, в каком филиале компании они трудятся (*Интервью с генеральным директором ООО «Лотос-Лэнд»..., 2013*). В деятельности компании «Евродон» (Ростовская область), взявшей почти в одиночку за развитие российского рынка индейки (а в настоящее время развивающей и рынок утки), можно увидеть реализацию «стратегии голубого океана», главный смысл которой – точно увидеть нишу, в которой конкуренции нет вовсе (*Интервью с генеральным директором ОАО «Евродон», 2012*). Ставропольский пивоваренный завод дает пример того, как за счет точно выбранной ниши на рынке региональное предприятие может бороться с федеральными конкурентами (*Интервью с генеральным директором ОАО «Ставропольский пивоваренный завод»..., 2013*).

«Газели» постоянно вкладывают средства в собственное развитие

Вторая общая черта, выявленная в ходе проведения глубинных интервью, связана с вложениями средств в развитие бизнеса. Отдельно обратим внимание, что такие фирмы не стесняются вкладывать средства не только в расширение производственной базы или разработку технологий производства, т. е. в материальные активы, но и в такие менее осязаемые направления, как ИТ, развитие персонала, маркетинг и реклама, продвижение продукции. По сути, это – технологии в их широком управленческом смысле.

Представители «Лотос Лэнд Бевериджиз», развивающегося по схеме связанной диверсификации, подчеркивают, что больших затрат требуют маркетинг, развитие брендов. Само стремление к нововведениям можно считать одной из движущих сил конкуренции, поскольку повышение качества как продукции, так и деятельности самого предприятия определяется применением современных технологий производства и управления (*Интервью с генеральным директором ООО «Лотос-Лэнд»..., 2013*).

«Газели» формируют рынок

Многие топ-менеджеры «газелей», которые в целом ряде случаев являются их отцами-основателями, интуитивно или осознанно формируют стратегию в русле ее понимания М. Бестом – как деятельности по формированию рынка, в отличие от пассивной реакции на рынок (*Бест, 2002*). Например, созданная с нуля фармацевтическая компания НПК «ЭСКОМ» изначально ставила перед собой амбициозную цель создания импортозамещающей продукции, которой был почти полностью насыщен рынок. Это означало ориентацию на передел долей рынка не просто между местными производителями, но в масштабе страны в целом. Россия на тот момент закупала инфузионные растворы на сумму до двух миллиардов долларов. Тогда было принято решение о покупке двух линий по производству инфузионных растворов (кровезаменителей), а стратегия строилась с учетом того, что фармацевтическая промышленность на 90% зависит от импорта. Компания по-

ставила себе задачу на 10 лет развития и успешно ее реализует (*Интервью с генеральным директором НПК «ЭСКОМ»...*, 2012). Тем не менее, инновационная сфера как на юге России, так и в целом по стране остается пока, даже в самых передовых российских компаниях, слабым звеном управления и экономического функционирования (*Розанова, Чепель, 2012. С. 67*).

Активным развитием рынка занимаются и в минераловодской компании «Старый источник», являющейся одним из крупнейших на Северном Кавказе предприятий по розливу минеральных вод и производству безалкогольных напитков. Такая позиция позволила «газели» получить средние темпы прироста выручки за 5 лет на уровне 38% – и это в то время, когда рынок уже долгое время растет в среднем на 15% в год.

Развитие предприятия до уровня одного из крупнейших мясоперерабатывающих комплексов в ЮФО, производящего конкурентоспособную экологически чистую продукцию, ставят целью развития в ООО «Царь-продукт». Такая позиция демонстрирует намерение формировать рынок вокруг себя, стать компанией, на которую будут ориентироваться конкуренты (*Интервью с генеральным директором ООО «Царь-продукт»...*, 2012). Подобные цели, как правило, опираются на четкое понимание компанией-«газелью» новизны и всех характеристик своего продукта и на готовность формировать у клиента новые потребности, которые вдруг осознаются как неудовлетворенные, что и порождает динамичный рост на длительном отрезке. Еще одно отличие компаний-«газелей» заключается в том, что этот эффект заранее планируют.

Динамично растущий бизнес формализует стратегии

Следующая общая характеристика динамично растущего бизнеса – наличие у компаний прописанных целей. Принципиально и то, что эти цели не засекречиваются, а известны не только высшему менеджменту, но и всем сотрудникам организации. На основе этих целей выстраиваются ключевые показатели эффективности, которых в заданные сроки должны достигать отдельные подразделения. По сути, происходит детальная раскладка стратегических целей на задачи и конкретные действия каждого работника в организации. При этом мы видим, что компании-«газели» заботятся о том, чтобы не превратиться в бюрократические машины, не регламентировать процедуры до абсурда и не подавить творческие инициативы внутри предприятия.

Например, с момента основания ООО «Царь-продукт» фундаментом корпоративной культуры и организации в компании стали четкое определение целей и задач деятельности, доверительное сотрудничество с партнерами, открытость к новым контактам, слаженная работа службы маркетинга, направленная на понимание запросов потребителя.

Показательно, что высший менеджмент «газелей» подчеркивает: многие компании на их рынках заявляют, что имеют четкие цели, но при этом цели не сопровождаются грамотным планом действий, например, планом по продажам, нет механизма превращения стратегии в реальную тактику. Так, топ-менеджмент Национальной продовольственной группы «Сады Придонья» (компания входит в тройку крупнейших игроков сокового рынка страны, уступая только мировым гигантам) соглашается, что для реализации глобальной цели бизнеса, выраженной в захвате определенной доли рынка, следует разложить ее на ключевые показатели, которые будут предельно ясны как для каждого отдела предприятия, так и для каждого конкретного исполнителя.

Если проанализировать эволюцию подходов к управлению среди «газелей», выросших «с нуля», а не преобразованных из уже существующих компаний или создаваемых холдинговыми структурами подразделений, то можно увидеть сходство в траектории развития их управленческой схемы. В частности, по мере роста компании совершают переход от управления с позиций школы предпринимательства к более формализованным методам, предлагаемым такими менеджерскими теориями как школы позиционирования, планирования, власти. И это объяснимо: когда бизнес только начинает развиваться, нет необходимости формализовывать его управление, все решения принимаются зачастую одним человеком, им же контролируются, т. е. бизнес управляется вручную. Школа предпринимательства, рассматривающая стратегический процесс сквозь призму действий руководителя организации, особо подчеркивает значение его интуиции, опыта, проницательности, предпринимательских способностей, т. е. личностных качеств (*Минцберг, Альстрэнд, Лэмпэл, 2000*). Однако, по мере роста, ключевой для «газелей» становится выработка стратегии как инструмента, повышающего эффективность работы каждого сотрудника компании.

Специфический риск быстро растущего бизнеса – своевременность

Еще одна специфическая черта динамичного бизнеса связана с тем, что основные риски у таких предприятий – управленческие. Как видно из интервью с первыми лицами «газелей», финансирование не является проблемой для таких компаний; наоборот, зачастую кредитные организации выстраиваются в очередь с предложениями о кредитовании. То, что объединяет «газелей» – высокая динамика роста, – отличает их специфические риски. Рост бизнеса требует оперативной перестройки системы управления компанией и ее организационной структуры. Те методы, которые успешно использовались на предыдущей ступени развития

и доказывали свою эффективность, на следующем этапе могут перестать работать или даже начать наносить вред. Переход компании от малого бизнеса к среднему, от среднего к крупному сопровождается необходимостью изменения подходов к управлению бизнесом. По мере роста компании бизнес-процессы начинают прописываться, взаимодействие между все возрастающим количеством структурных подразделений формализуется, возникают функциональные карты, необходимость согласовывать определенные решения с соседними департаментами и отделами и т. д. Компания переходит от режима ручного управления к системному. По мере развития бизнеса, как правило, возникает группа компаний, взаимодействие между которыми требует уже иного подхода, чем взаимодействие между отделами одного, пусть даже крупного, предприятия. На этом уровне нередко образуются холдинговые структуры, а функции управления передаются управляющей компании.

Из такой логики следует, что «газели» – это те компании, управленцы которых крайне чутко и быстро меняют подходы к управлению предприятием в соответствии с изменением масштабов его деятельности. Реакция у управленцев высокодинамичных компаний настолько быстрая, что темпы прироста доходов не падают. В современной экономической теории подобный успех объясняется наличием и высокой эффективностью четвертого фактора производства – предпринимательских способностей. Риски динамичного развития компаний зачастую сводятся к управленческим и связаны с решением стратегических задач, а именно – своевременности смены управленческой модели. Если она вовремя не будет изменена, заменена на соответствующий новым масштабам бизнеса формат, то компания снизит динамику развития и перестанет быть «газелью».

Каждая «газель» считает своим достижением команду

Передовые технологии не приведут к появлению конечного продукта без сотрудников соответствующего уровня подготовки, квалификации, опыта, корпоративной культуры и лояльности к компании. Для компаний-«газелей» чрезвычайно важна роль команды, которая живет единой стратегией и обеспечивает высокие показатели эффективности бизнеса. При этом в командах мы видим высокую степень делегирования полномочий.

Например, в «Магните» команда, которая по своим полномочиям имеет возможности творческой реализации, составляет порядка 350 человек. Создатель и гендиректор «Магнита» Сергей Галицкий считает, что если система создана правильно, она сама генерирует стремление добиваться результата, для чего в компании расставили приоритеты внутри и нацелили людей на рост. В этой компании, с доходами по итогам 2012 г. в 448 млрд руб., создали атмосферу, позволяющую выращивать руководителей, которые, в свою очередь, могут дальше масштабировать бизнес с высокой скоростью (*Интервью с генеральным директором ОАО «Тандер»...*, 2012).

Генеральный директор ООО «Царь-продукт» Александр Дубовицкий ориентируется на то, что у людей есть стремление создавать социум единомышленников: компания строится от руководителя, а от команды, которую он подбирает под себя, в дальнейшем будет зависеть эффективность штата сотрудников. Здесь основное значение приобретают коммуникации и взаимопонимание внутри команды единомышленников (*Интервью с генеральным директором ООО «Царь-продукт»...*, 2012).

Уровень эффективности персонала в конечном итоге отражается на его производительности, выручке и текучести кадров. Как видно из исследования, в «газелях» производительность труда выше, чем в среднем по отрасли, а уровень текучести кадров гораздо ниже.

Динамичный рост требует ИТ-мобилизации

Как только компания становится «газелью», скорость развития вынуждает ее иначе смотреть на автоматизацию процессов, налаженных в предприятии. Определенный инструментарий в компании, как правило, уже имеется: это бухгалтерский софт, нередко – программное обеспечение по управлению складом, есть примеры внедрения систем электронного документооборота. Однако динамика требует, чтобы эти средства не были разрозненными точками связи с банком, налоговым ведомством, складскими помещениями – необходимо, чтобы они стали единым механизмом, повышающим эффективность работы.

Выводя развитие ИТ-инфраструктуры в принципиальную часть стратегии развития предприятия, компания оказывается перед необходимостью решить три задачи: скорость распространения информации (как внутри компании, так и при коммуникации с внешними источниками), многозадачность программных средств и схема их внедрения.

Полагаем, мы выделили не все технологии быстрого роста, поскольку обратили внимание на то, что бизнес компаний-«газелей» именно в силу технологичности использует возможности, которые дают различные управленческие инструменты. Эти предприятия – своеобразные региональные лаборатории по испытанию различных тактик и стратегий в планировании, управлении командой, логистикой, сбытом, товаром на полке. Опыт и деятельность каждой из этих компаний уникален, но было бы неправильно считать, что успех каждой компании считается ее личной уникальной историей. В таком результате всегда оказывается заложена типовая схема, которую теоретически может взять на вооружение и использовать любое предприятие в отрасли.

Значимость такой возможности актуализируется с учетом того, что кризис и рецессия жестко поставили перед отечественными компаниями вопрос об эффективности бизнеса. В то же время рецепты успеха, предлагаемые «газелями», достаточно сложны, они представляют комплексные системы управления, которые требуют современных решений на каждом участке деятельности предприятия.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсукова А., Кот В., Козлов В. (2013). Новый виток роста // *Эксперт Юг*, № 9–10 (249).
- Барсукова А., Козлов В., Кот В. (2013). Рост для избранных // *Эксперт Юг*, № 45–46 (285).
- Барсукова А., Коврышко В., Козлов В. (2012). «Газели» освоили конвейер // *Эксперт Юг*, № 9–10 (199).
- Барсукова А., Коврышко В., Козлов В. (2011). Тотальная эффективность превращается в скорость // *Эксперт Юг*, № 37–38 (177).
- Бест М. (2002). Новая конкуренция. Институты промышленного развития. М.: ТЕИС.
- Вольчик В.В. (2012). Государственное регулирование предпринимательской деятельности: проблема институциональных барьеров // *Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики)*, т. 3, № 3.
- Интервью с генеральным директором ОАО «Тандер» С. Галицким (2012). Козлов В. Галицкий в интерьере // *Эксперт Юг*, № 28–31 (220).
- Интервью с генеральным директором НПК «ЭСКОМ» С. Азиром (2012). Кот В. «Газель» преобразует фармацевтику // *Эксперт Юг*, № 28–31 (220).
- Интервью с генеральным директором ОАО «Евродон» В. Ваневым (2012). Ханова В., Проценко Н. Мне не нужна Европа – нужно кормить Россию // *Эксперт Юг*, № 28–31 (220).
- Интервью с генеральным директором ООО «Царь-продукт» А. Дубовицким (2012). Барсукова А. От коровы до прилавка // *Эксперт Юг*, № 28–31 (220).
- Интервью с генеральным директором ОАО «Глория Джинс» В. Мельниковым (2012). Козлов В., Шаповалова Л. Четвертая стадия «свободы и славы» // *Эксперт Юг*, № 9–10 (199).
- Интервью с генеральным директором ОАО «Славянский комбинат хлебопродуктов» Г. Акоповым (2013). Барсукова А. Разгуляться на рисе // *Эксперт Юг*, № 2–4 (243).
- Интервью с генеральным директором ООО «Лотос-Лэнд» Д. Коваленко (2013). Шаповалова Л. Математически точная дистрибуция // *Эксперт Юг*, № 2–4 (243).
- Интервью с генеральным директором ОАО «Ставропольский пивоваренный завод» М. Хасановым (2013). Ханова В., Проценко Н. Рост на пивных дрожжах // *Эксперт Юг*, № 2–4 (243).
- Клейнер Г. (2013). Какая экономика нужна России и для чего? // *Вопросы экономики*, № 10.
- Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпл Дж. (2000). Школы стратегий / Пер. с англ. СПб.: Питер.
- Портер М. (2000). Конкуренция / Пер. с англ. М.: Вильямс.
- Розанова Н.М., Чепель А.А. (2012). Современные подходы к исследованию инновационной конкуренции и технологический менеджмент в России // *Terra economicus*, т. 10, № 1.
- Система профессионального анализа рынка и компаний. Доступно на: <http://www.spark-interfax.ru>.
- Хайек Ф.А. (1989). Конкуренция как процедура открытия // *Мировая экономика и международные отношения*, № 12.
- Юданов А.Ю. (2010). Покорители голубых океанов (фирмы-«газели» в России) // *Современная конкуренция*, № 2.

REFERENCES

- Barsukova A., Kot V., Kozlov V. (2013). New growth. *Expert South*, no. 9–10 (249). (In Russian.)
- Barsukova A., Kozlov V., Kot V. (2013). Growth for the elite. *Expert South*, no. 45–46 (285). (In Russian.)
- Barsukova A. Kovryzhko V., Kozlov V. (2012). "Gazelle" mastered the conveyor. *Expert South*, no. 9–10 (199). (In Russian.)
- Barsukova A. Kovryzhko V., Kozlov V. (2011). The total efficiency rate in turns. *Expert South*, no. 37–38 (177). (In Russian.)
- Best M. (2002). New competition. Institute of Industrial Development. Moscow. (In Russian.)
- Interview with Director General of JSC "Tander" S. Galitskii (2012). Kozlov Galitskii in the interior. *Expert South*, no. 28–31 (220). (In Russian.)
- Interview with Director General of SPC "ESKOM" S. Azirov (2012). Kot V. "Gazelle" transforms pharmaceuticals. *Expert South*, no. 28–31 (220). (In Russian.)
- Interview with the CEO of "Evrodon" V. Vanev (2012). Khanova V., N. Protsenko I do not need Europe – Russia needs to be fed. *Expert South*, no. 28–31 (220). (In Russian.)
- Interview with the CEO of "King-product" A. Dubovitskii (2012). Barsukova A. From cow to the counter. *Expert South*, no. 28–31 (220). (In Russian.)

Interview with the CEO of "Gloria Jeans" V. Melnikov (2012). Kozlov V., L. Shapovalov fourth stage of "freedom and glory". Expert South, no. 9–10 (199). (In Russian.)

Interview with the CEO of "Slavic complex of bakeries" G. Akopov (2013). Barsukova A. To disperse on rice. Expert South, no. 2–4 (243). (In Russian.)

Interview with the CEO of "Lotus-Land" D. Kovalenko (2013). Shapovalov L. Mathematically precise distribution. Expert South, no. 2–4 (243). (In Russian.)

Interview with Director General of JSC "Stavropol brewery" M. Hasanov (2013). Khanova V.N. Protsenko Growth in brewer's yeast. Expert South, no. 2–4 (243). (In Russian.)

Hayek F.A. (1989). Competition as a discovery procedure. World Economy and International Relations, no. 12. (In Russian.)

Kleiner D. (2013). What the economy needs Russia and for what? Questions economy, no. 10. (In Russian.)

Mintzberg H., Alstrend B. Lempel J. (2000). School policies. St. Petersburg. (In Russian.)

Porter M. (2000). Competition. M. (In Russian.)

Rozanov N.M., Csepel A.A. (2012). Modern approaches to the study of innovation and competition, technological management in Russia. Terra economicus, vol. 10, no. 1. (In Russian.)

The system of professional market analysis and companies. Available at: <http://www.spark-interfax.ru>. (In Russian.)

Volchik V.V. (2012). Government regulation of business activity: the problem of institutional barriers. Journal of economic regulation, vol. 3, no. 3. (In Russian.)

Yudanov A.Y. (2010). Conquerors of the blue oceans (firm "gazelle" in Russian) Modern competition, no. 2. (In Russian.)

ОСОБЕННОСТИ БУХГАЛТЕРСКОГО И НАЛОГОВОГО УЧЕТА ИННОВАЦИЙ ДЛЯ СОБСТВЕННЫХ НУЖД ПРЕДПРИЯТИЯ

ФРОЛОВА И.В.,

доцент, кандидат экономических наук,
исполняющая обязанности заведующего кафедрой бухгалтерского учета и аудита,
Южный федеральный университет,
e-mail: IraRostov@mail.ru;

СКРЫННИКОВА А.А.,

аспирант,
Южный федеральный университет,
e-mail: s.allochkaa@rambler.ru

В современных условиях инновации играют важную роль в повышении конкурентоспособности экономики в целом и организации в частности. В статье рассматриваются особенности инновационной деятельности как объекта бухгалтерского и налогового учета. Особое внимание уделяется теоретическим и методическим проблемам, связанным с организацией учета инновационных процессов.

Ключевые слова: инновационная деятельность; научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР).

PECULIARITIES OF MAINTENANCE OF ACCOUNTING AND TAX RECORDS OF INNOVATION FOR INTERNAL BUSINESS REQUIREMENTS

FROLOVA I.V.,

PhD, Associate Professor, Chair of Accounting and Auditing,
Southern federal university,
e-mail: IraRostov@mail.ru;

SKRYNNIKOVA A.A.,

Graduate student,
Southern federal university,
e-mail: s.allochkaa@rambler.ru

Under current conditions innovations take on enormous importance in competitive growth of the whole economic and the business in particular. The article discusses some peculiarities of innovation as business and tax accounting item. The special attention is paid to the conceptual and methodological problems related to arrangements for accounting of innovation processes.

Keywords: innovation activity; research and technological development.

JEL classification: M40, M41.

Согласно «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», единственно возможным способом достижения обеспечения высокого уровня благосостояния населения и закре-

пления геополитической роли страны как одного из лидеров, определяющих мировую политическую повестку дня, является переход экономики на инновационную модель развития.

На сегодняшний день в число стран с инновационной экономикой и развитым венчурным бизнесом – важнейшей составляющей инновационной экономики – входят США, Германия, Япония, Австралия, Канада, Швеция, Финляндия, Сингапур, Израиль и другие страны.

По оценкам российских и зарубежных экспертов, внутренние затраты на НИОКР в России составляют около 1,1–1,2% ВВП против 2,2% в странах ОЭСР, 2,5% – в США и 3% – в Японии. В абсолютных показателях наша страна тратит на НИОКР меньше, чем Испания, Тайвань, Бельгия и Израиль.

Экономический рост стран и отдельных регионов, уровень жизни населения во многом определяются эффективностью научной и инновационно-технологической деятельности. В странах-лидерах мировой экономики до 85% прироста валового внутреннего продукта приходится на долю наукоемких товаров и технологий.

В связи с этим, особую значимость и актуальность представляют вопросы, связанные с выявлением и реализацией инновационного потенциала отраслевой науки и ее взаимодействия с промышленностью, проблемами оценки эффективности и коммерциализации завершенных научно-исследовательских, опытно-конструкторских разработок и технологических работ (НИОКР), инновационных предложений и проектов.

Следовательно, в современных хозяйственных реалиях стратегическое значение для экономических субъектов приобретает организация и управление инновационной деятельностью, важным информационным механизмом которой является оперативная, комплексная и достоверная учетная информация. Известно, что универсальной информационной системой, удовлетворяющей разнообразным информационным потребностям хозяйствующего субъекта в рамках хозяйственно-финансовой деятельности, является бухгалтерский учет.

Особая актуальность бухгалтерского учета инновационной деятельности в России во многом обусловлена практически полным отсутствием упомянутой деятельности в числе традиционных объектов учета и отчетности. Иными словами, современный российский учет не формирует системную учетную информацию об инновационной деятельности как самостоятельный массив данных. Как раньше, так и в настоящее время учет затрат вообще и инновационной деятельности в частности традиционно тяготеет к укрупнению объектов учета затрат в обезличенных комплексных статьях производственной себестоимости.

Помимо этого, разрозненная, несистемная, чаще всего выборочная (по запросу) учетная информация об инновационной деятельности в основном ориентирована на информационное обеспечение государственных органов для проведения контроля и надзора за деятельностью хозяйствующих субъектов.

Недостаточная разработанность методики бухгалтерского учета инновационной деятельности в России на практике приводит к негативным последствиям: обезличке и «размыванию» затрат на этот вид деятельности по общим укрупненным статьям учета затрат, несоответствию стоимости инвестиционных затрат количеству и качеству принятых к бухгалтерскому учету нематериальных активов. Поэтому актуальность научных исследований в области бухгалтерского учета затрат на инновационную деятельность трудно переоценить.

Российский бухгалтерский учет инновационной деятельности сводится к полученным нематериальным активам (НМА) и формированию затрат на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы (НИОКР и ТР). Существенный вклад в этом направлении внесли Ю.Б. Бабаев, М.А. Вахрушина, В.Г. Гетьман, В.Б. Ивашкевич, Н.П. Любушин, Л.Г. Макарова, Е.А. Мизиковский, И.Е. Мизиковский, Я.В. Соколов, А.Д. Шерemet и другие отечественные специалисты.

Зарубежные исследователи (Х. Андерсон, М.Ф. Ван Бред, Д. Нидлз, Д. Хенд и другие) рассматривают вопросы учета нематериальных активов и затрат на НИОКР и ТР, при этом их труды ориентированы на нормы международных стандартов финансовой отчетности (МСФО). Эти работы приобретают особую актуальность особенно сейчас, с введением в действие на территории РФ международных стандартов финансовой отчетности.

Однако анализ работ, касающихся инновационной деятельности, наталкивает на мысль об отсутствии научного направления в области учета затрат на указанную деятельность, порядка формирования достоверной и полезной пользователям учетной информации для подготовки управленческих решений.

Наличие значительных пробелов в нормативно-правовом регулировании процессов создания и оборота результатов научно-технической деятельности не позволяет организациям эффективно использовать свой интеллектуальный ресурс и снижает их заинтересованность в разработке инновационных продуктов.

Большинство организаций испытывает затруднения при решении базовых вопросов учета результатов научно-технической деятельности. Круг конкретных учетных проблем, возникающих в инновационной деятельности, типичен для большинства предприятий и представлен следующим перечнем (Потемкин, 2011):

- критерии отличия научно-технической деятельности (например, НИР и ОКР) от работ промышленного характера (ПКР и проч.);
- порядок формирования этапов работ как самостоятельных объектов калькулирования;

- выделение инвентарных объектов;
- порядок включения в себестоимость расходов по специальному оборудованию (макеты, стенды и т. д.);
- порядок учета накладных расходов, относимых на создание научно-технического результата;
- порядок налогообложения научно-технической деятельности (НДС, налог на прибыль);
- порядок выполнения научно-технических работ для собственных нужд (целесообразность, основание, приемка результата, начало полезного использования, налоговые льготы);
- отражение полученных результатов на счетах бухгалтерского учета (НМА, НИОКР, ОС, МПЗ, и др.);
- требования к патентованию объектов интеллектуальной собственности или их охране в режиме «ноу-хау»;
- назначение и порядок проведения инвентаризации результатов научно-технической деятельности и т. д.

Для обеспечения своевременного и достоверного учета результатов научно-технической деятельности организация не только должна самостоятельно определиться с порядком учета по вышеперечисленным вопросам, но и закрепить многие аспекты в учетной политике и других внутренних регламентных документах.

При принятии соответствующих учетных решений организациям необходимо руководствоваться рядом нормативно-правовых документов, в том числе Положениями по бухгалтерскому учету «Расходы организации» ПБУ 10/99, «Учет нематериальных активов» ПБУ 14/2007, «Учет расходов на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы» ПБУ 17/02, а также Планом счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций, Инструкцией по его применению и Налоговым кодексом Российской Федерации.

Казалось бы, на сегодняшний момент имеется специальное Положение, разработанное с целью регламентирования учета расходов на НИОКР (Положение по бухгалтерскому учету «Учет расходов на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы» ПБУ 17/02, утвержденное Приказом Минфина РФ от 19.11.2002 № 115н (ред. от 18.09.2006), однако имеется ряд ограничений в части применения данного стандарта учета. Положение применяется в отношении НИОКР:

- по которым получены результаты, подлежащие правовой охране, но не оформленные в установленном законодательством порядке;
- по которым получены результаты, не подлежащие правовой охране в соответствии с нормами действующего законодательства;
- которые закончены на момент признания;
- результаты которых не учитываются в бухгалтерском учете в качестве нематериальных активов (т. е. на результаты этих НИОКР не получен патент или свидетельство).

Другими словами, если в результате НИОКР был создан объект НМА, права на который были закреплены юридически, организация должна уже руководствоваться Положением по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» ПБУ 14/2007 (Карташова, 2013).

Вполне закономерным является наличие особенностей и в налоговом учете инноваций, что вызывает значительные сложности у экономических субъектов. Расходам на НИОКР в гл. 25 НК РФ посвящена специальная статья – 262. Причем положения, относящиеся к налогообложению данного вида работ, постоянно находятся в движении. С 2012 г. начала действовать новая редакция упомянутой статьи. Введенные Налоговым кодексом нормы приводят к возникновению разниц между бухгалтерским и налоговым учетом и, согласно Положению по бухгалтерскому учету «Учет расчетов по налогу на прибыль» ПБУ 18/02, к необходимости отражения в бухгалтерском учете как постоянных налоговых активов и обязательств, так и отложенных налоговых активов и обязательств. Возникающие разницы могут быть обусловлены следующими несоответствиями в бухгалтерском и налоговом учете (Налоговый кодекс РФ, 2014):

1. Срок полезного использования, в течение которого списываются затраты на НИОКР:

- а. для непатентоспособных НИОКР: в бухучете – не более 5 лет, в налоговом – в течение 1 года после завершения НИОКР.
- б. для НМА: в бухучете по НМА с неопределенным сроком полезного использования амортизация не начисляется, в налоговом – в расчете на срок полезного использования, равный 10 годам.

2. Способ списания стоимости НИОКР или начисления амортизации:

- а. для непатентоспособных НИОКР и патентоспособных, но по которым не получены охранные документы: в бухучете допускается включение пропорционально объему продукции и линейный способ, в налоговом – только линейный.
- б. для НМА: в бухучете допускается линейный способ, способ уменьшаемого остатка, способ списания стоимости пропорционально объему продукции, в налоговом – линейный и нелинейный.

3. Признаваемая величина расходов:

- е. в налоговом возможно признание расходов в размере фактических затрат с коэффициентом 1,5 (для расходов, включенных в Перечень), в бухучете – не более фактически осуществленных.
- ф. в налоговом учете прописан перечень затрат, включаемых в расходы по НИОКР, причем по некоторым прописаны нормы, в бухгалтерском же учете признается вся сумма фактически осуществленных затрат.

4. Способ списания расходов по НИОКР с отрицательным результатом: в бухучете предусмотрено единовременное списание всей суммы расходов, в налоговом – равномерное включение в течение года в состав расходов.

Таким образом, при осуществлении учета инновационной деятельности компания сталкивается с рядом сложностей. По нашему мнению, совершенствование нормативно-правового регулирования научно-технической деятельности позволит предприятиям рационально применять накопленный интеллектуальный потенциал, полноценно управлять себестоимостью научно-технической продукции, повысить заинтересованность творческих коллективов, эффективно использовать предоставляемые льготы по налогообложению, стать привлекательным для инвесторов.

Следует, однако, отметить, что работа в направлении рационализации и систематизации учета инновационной деятельности и ее стимулирования ведется. В числе результатов этой работы можно отметить следующие нововведения последних нескольких лет:

1) Начиная с отчетности за 2011 г., в балансе по строке 1120 отражается информация о расходах на завершённые научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы (НИОКР), учитываемых на счете 04 «Нематериальные активы» обособленно. Ранее они отражались в составе прочих внеоборотных активов и формировали показатель строки 150.

2) Начиная с 2011 г. также в разделе 1 пояснений к Бухгалтерскому балансу и Отчету о финансовых результатах «Нематериальные активы и расходы на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы (НИОКР)» подлежит раскрытию информация по завершённым и незавершённым НИОКР.

Подобные изменения могут рассматриваться как шаги к формированию системной учетной информации об инновационной деятельности как самостоятельного массива данных.

3) По нормам, действующим с 1 января 2012 г., затраты на НИОКР списываются в состав расходов в том отчетном (налоговом) периоде, в котором завершены такие исследования и (или) разработки либо отдельные этапы работ, с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором завершены исследования, независимо от результата выполненных работ. Тогда как ранее действовала норма, которая не позволяла списывать расходы по НИОКР с положительным результатом до начала использования разработок в производстве. Существовавшая ранее норма ставила налогоплательщиков, расходы которых на НИОКР привели к положительному результату, в худшие условия, чем налогоплательщиков, соответствующие расходы которых не дали положительного результата (Авдеев, 2011).

4) Начиная с 2009 г. в налоговом законодательстве появились нормы, позволяющие налогоплательщикам при определенных условиях учитывать затраты на создание НИП в том периоде, в котором они были осуществлены, и включать их в состав расходов в сумме фактических затрат с коэффициентом 1,5. Данная норма распространяется на НИОКР, включенные в Перечень научных исследований и опытно-конструкторских разработок, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 24.12.2008 № 988 (Веденина, 2012).

Таким образом, дальнейшее совершенствование системы учета инновационной деятельности является одним из обязательных факторов ее стимулирования и, следовательно, важнейшей задачей для наиболее эффективного функционирования экономики.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев В.В. (2011). Учет расходов на НИОКР // *Российский бухгалтер*, № 3, с. 23–25.
- Веденина Е.Л. (2012). Расходы на научные исследования: вопросы налогового учета // *Бухгалтерский учет*, № 1, с. 49–52.
- Карташова Е.И. (2013). Учет расходов на НИОКР // *Вестник бухгалтера Московского региона*, № 3, с. 7–8.
- Налоговый кодекс РФ (2014). Доступно на: www.consultant.ru/popular/nalog1/.
- Поленова С.Н., Маслакова И.И. (2011). *Бухгалтерский учет интеллектуальной собственности*. М.: Дашков и К°.
- Потемкин С.Ю. (2011). *Бухгалтерский и налоговый учет в инновационной сфере: от создания результатов научно-технической деятельности до использования прав на интеллектуальную собственность*. М.: Экзамен.

REFERENCES

- Avdeev V.V. (2011). Accounting of research and technological development. *Russian accountant*, no. 3, pp. 23–25. (In Russian.)
- Kartashova E.I. (2013). Accounting of research and technological development. *Bulletin of accountant of the Moscow Region*, no. 3, pp. 7–8. (In Russian.)
- Potemkin S.Y. (2011). Accounting and tax records in innovation sector: from creating of research and development deliverables to exercise of exclusive rights to the results of intellectual activity. M.: Examination. (In Russian.)
- Tax code of the Russian Federation (2014). Available at: www.consultant.ru/popular/nalog1/. (In Russian.)
- Vedenina E.L. (2012). Research expenditures: tax accounting issues. *Accounting*, no. 1, pp. 49–52. (In Russian.)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

ЦОКОВ З.В.,

аспирант,

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,

e-mail: zvtsokov@mail.ru

В статье рассмотрен механизм формирования сети специальных институтов, посредством которых обеспечивается наиболее эффективное функционирование проектного финансирования. Практическая актуальность поднимаемой проблемы состоит в том, что отсутствие такого институционального сопровождения сдерживает развитие новых форм инвестирования в российской экономике.

Ключевые слова: проектное финансирование; страховые риски в инвестировании; проектная компания.

INSTITUTIONAL SUPPORT PROJECT FINANCING

TSOKOV Z.V.,

graduate student,

North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov,

e-mail: zvtsokov@mail.ru

This article describes the mechanism of formation of a special network structures to operations which provide the most efficient operation of the project financing. The practical relevance of the lifting of the problem is that the lack of an institutional support hinders the development of new forms of investment in the Russian economy.

Keywords: project finance; insurance risks in investing; the project company.

JEL classification: G20, G28.

Проектное финансирование является особым методом крупномасштабного инвестирования, при котором кредитор ориентируется на доходы от реализуемого инвестиционного проекта как источника погашения затрат и их страхового обеспечения (Короткова, Соколова, 2006).

Институт проектного финансирования занимает важное место в экономической структуре развитых стран. Этот тип финансирования специализируется, как правило, на организации инвестиций для создания больших, сложных и дорогостоящих установок, которые могут включать, например, электростанции, предприятия химической обработки природных материалов, объекты транспортной инфраструктуры, зоны окружающей среды, точки телекоммуникационной инфраструктуры. Проектное финансирование может принимать форму финансирования строительства новой установки или рефинансирования уже существующей. В таких операциях кредитору обычно выплачиваются заемные средства и процент исключительно из дохода, обеспеченного вводом в эксплуатацию проектного объекта. При этом заемщику (компания специального назначения) не разрешается выполнять иные функции, кроме как разработки, владения и эксплуатации сооружаемой установки. Следствием такого ограничения является то, что по-

гашение задолженности зависит, прежде всего, от денежного потока проекта и величины залоговой стоимости активов проекта.

Проектное финансирование создает особый тип банковского обслуживания, поскольку оно – в соответствии с международной практикой – отделено от стандартных кредитных механизмов функционирования корпораций; проектное финансирование характеризуется спецификой своей финансовой структуры, высокой капиталоемкостью используемых инструментов, системой безопасности и локализуемыми потоками доходов.

Обычно проектное финансирование используется при финансировании инвестиций в энергетической отрасли, инфраструктуре, телекоммуникациях, в секторе недвижимости и некоторых профильных инвестиций.

Компания, избравшая проектное финансирование как основной способ кредитования инвестиционного проекта, должна предоставить банку-организатору полную информацию о проекте, перечень его спонсоров-участников, а также заемщиков, детализируя сведения:

- о заемщике: корпоративные документы, годовая бухгалтерская отчетность, пробный баланс, информация о компании, налоговые сертификаты по ее публичным обязательствам (в случае, если заемщик представлен новосозданной компанией – ее начальный депозит);
- о спонсоре проекта: информация о компании, годовая бухгалтерская отчетность, рейтинг компании по данным кредитных рейтинговых агентств;
- детальный бюджет, технический план и планируемый график инвестиций;
- финансовые планы, подготовленные клиентом;
- технико-экономическое обоснование и исследование рынка, подготовленное независимыми экспертами;
- информационный меморандум (основная информация о клиенте);
- планируемые (или уже подписанные) контракты, связанные с проектом.

Проектное финансирование используется в тех случаях, когда основным источником обслуживания долга является денежный поток, обусловленный поэтапной реализацией проекта. В случае проектного финансирования инструменты безопасности, как правило, связаны с активами, как и все иные права и обязательства, связанные с проектом проекта.

Сделки по проектному финансированию часто принимают вид настолько сложных операций, что они требуют многочисленных участников, вступающих во взаимозачетные отношения (Богатырев, Горбунов, 2013). Иерархия сторон и операций отражает организационную схему проектного финансирования с точки зрения банка-агента. Центром проектного финансирования, как правило, является особая проектная компания, которая состоит из консорциума акционеров (например, подрядчиков или операторов, которыми могут быть инвесторы, а также другие юридические лица, заинтересованные в данном проекте). Проектные компании формируются специально для строительства и эксплуатации соответствующих проектов и могут быть позиционированы либо как местная проектная компания, либо как компания совместного предприятия (консорциума).

Проектная компания создается как самостоятельное юридическое лицо, которое вступает в договорные соглашения с другими участниками проекта, необходимыми для его реализации. Эти контракты и формируют основу жизнеспособности проекта, определяя распределение рисков (см. схему 1).

Схема 1. Организационная структура проектного финансирования
(источник – <http://splaniroval.ru/>)

Функция синдиката банков как стороны проектного финансирования – заключать финансовые соглашения для финансирования проектной компании. Можно выделить несколько групп банков-кредиторов: между-

народные банки – для кредитования в иностранной валюте, местные банки – для кредитования местных расходов в национальной валюте, экспортно-кредитные агентства кредитования – для финансирования действий поставщиков в данный проект.

Сама категория «проектное финансирование» используется преимущественно для характеристики подсистемы специфических финансовых институтов, нового метода финансирования, хотя в реальности речь идет скорее о модернизации традиционного многовекового метода финансирования, который предшествовал формированию корпоративного финансирования инвестиций.

В настоящее время единое, общепризнанное определение «проектного финансирования» отсутствует. Тем не менее большинство исследователей сходятся во мнении, что проектное финансирование – это финансирование крупным независимым капиталом той группы инвестиций, которые осуществляет компания, отделенная от активов компаний-кредиторов. Однако еще более важной характеристикой проектного финансирования, является императив, согласно которому погашение кредиторских требований осуществляется только из потока денежных доходов, генерируемых в процессе реализации самого проекта (или, в случае несостоятельности – из стоимости активов данного проекта); правда, кредиторы имеют теоретическую возможность ограниченного обращения к активам материнской компании, спонсирующей проект.

Эти два момента позволяют установить реальное отличие проектного финансирования от корпоративного:

1. *Высокая капиталоемкость.* Финансирование производственного объекта, как правило, это масштабный проект, требующий объемных сделок – как с собственным капиталом, так и с долговыми обязательствами (от сотен миллионов до нескольких миллиардов долларов).

2. *Доминирующая доля заемных средств.* В рамках проектного финансирования сделки отличаются высокой долей заемных средств (составляют в среднем от 65% до 80% применяемого капитала).

3. *Значительная временная продолжительность.* Временной период полной реализации проектного финансирования может простирается на срок от 15 до 20 лет.

4. *Особый субъект.* Обычно под проектное финансирование создается новое юридическое лицо, известное как «проектная компания», которая имеет единственную цель – выполнение данного проекта – и которая существует только на период его реализации.

5. *Фиктивность капиталов проектной компании.* В стандартных ситуациях заключение начальной сделки по проекту состоит в передаче проектной компании выделенных под проект активов.

Инновационность идеи «проектного финансирования» состоит в том, что главный организатор и управляющий в лице «проектной компании» сам является чистым заемщиком, не располагая своими собственными кредитными (а тем более – операционными) историями. В результате успех инвестирования в данный объект зависит только от кредитной поддержки спонсоров и стоимости физических активов, в нем участвующих. Но тогда по-иному оценивается и рискованность кредитной линии или инвестиционного решения (Швец, 2007). А это принципиально отличает механизм и стимулы проектного финансирования от корпоративного финансирования. В проектом финансировании кредиторы ставятся в прямую зависимость от успеха реализации самого проекта. В результате они вынуждены заботиться о перспективах проекта и минимизации воздействия на него потенциально неблагоприятных факторов. Для этого кредиторы должны тесно работать с инженерами, определять техническую и экономическую целесообразность проекта. Но это же требование превращается и в достоинство проектного финансирования, его конкурентное преимущество, по сравнению со всеми другими видами корпоративного финансирования, проект представляет собой источник внебалансового финансирования.

При таком подходе объяснима проводимая в рамках проектного финансирования контролируемая и ограниченная дивидендная политика. Чтобы поддержать заемщика, не имеющего кредитную историю, в высокозаемных проектах, содержащих значительные обязательства по обслуживанию долга, кредиторы, предъявляющие спрос на получение денежных доходов, могут их получить ровно в той мере, в какой они реально генерируются данным проектом. Другими словами, современное проектное финансирование характеризуется политикой строго контролируемых дивидендов – дивиденды сводятся к платежам по кредиту. Доход по проекту идет на обслуживание долга (охватывающее, в том числе, и операционные расходы) и генерирует возможность возврата собственного капитала инвесторов. В результате возникает препятствие соблазну реинвестирования доходов. Проведение на практике строгой «возвратной» дивидендной политики осложняется множеством участников проектного финансирования, включая международные финансовые организации (Stefano Gatti, 2008).

Инновационность модели проектного финансирования мы усматриваем в том, что в этой модели впервые возникает реальная возможность справедливого распределения риска, тогда как во многих иных формах инвестирования такая несправедливость носит полуузаконенный характер, обрекая более слабых участников

корпоративного финансирования на уплату незримой «пени» (снижающей возможную доходность инвесторов «второго ряда», и потому ослабляющей его инвестиционную активность), вопреки требованиям рынка относительно равной конкуренции неправомерно повышающей доходы сильных инвесторов. Более того, именно потому, что проектное финансирование относительно более рискованно, чем традиционное корпоративное финансирование, здесь установление справедливого распределения риска становится фактором стимулирующего привлечения инвесторов.

Справедливое распределение рисков в рамках проектного финансирования достигается тем, что такие риски фиксируются в договорных соглашениях между проектной компанией и другими участниками проекта. Технологически речь идет о соответствии реальных угроз и размеров компенсации за них тем участникам проектного финансирования, которые берут на себя инвестирование наиболее рискованных стадий реализации проекта – фиксированность цен строительства, подряд на строительство, штрафы за задержку поставок продукции, строительный риск подрядчика, а не на проектанта.

В теоретическом аспекте каждая форма инвестиционного бизнеса имеет не только преимущества, но и недостатки, и ее жизнеспособность напрямую зависит от того, удалось ли на практике найти существенные уравновешивающие компенсаторы. Так, привлечение капитала через проектное финансирование, как правило, обходится дороже, чем через традиционный механизм корпоративного финансирования. Особенно большие дополнительные затраты в проектом финансировании падают на удовлетворение потребности в информации, в мониторинге, что относительно увеличивает транзакционные издержки. Кроме того, специфический характер финансовых структур в проектом финансировании также влечет более высокие затраты и может снизить ликвидность долга по проекту. Не следует игнорировать и включение в долговую часть проектного финансирования также страховых взносов за страновые и политические риски.

Конечно, проектное финансирование, будучи разновидностью корпоративного финансирования, разделяет все недостатки и достоинства экономического статуса современных корпораций. Тем не менее, очевидно, что принципиальное определение корпорации – это принятие оперативных решений автономно от инвесторов и кредиторов, постоянная коррекция дивидендной политики, подогреваемая возможностью реинвестирования.

Проектное финансирование является неотъемлемой частью механизма финансирования инфраструктурных проектов во всем мире, как в развитых, так и развивающихся странах. Для нас особый интерес представляет институциональное сопровождение проектного финансирования на развивающихся рынках.

В развивающихся экономиках местные банки (как государственного, так и частного секторов) длительное время были практически единственными участниками финансирования инвестиций в инфраструктурные проекты – при очень незначительном присутствии международных финансовых институтов (Пилякина, 2010.). Однако такая ситуация оказалась преходящей, так как с ростом спроса на значительные объемы капиталовложений инвестиционный потенциал национальных банков выходил на предельный режим и возникала настоятельная потребность в приходе новых институтов, инструментов и игроков в проектом финансировании рынка. Основным инструментом такого прихода является не только прямое кредитование международными финансовыми институтами национальных заемщиков, но и предоставление гарантий, обеспечивающих локальный заем. Однако к «проектным» финансовым институтам с не меньшим основанием могут быть отнесены и коммерческие банки, экспортно-кредитные агентства, многосторонние учреждения, кредитные страховые агентства, банки развития, центры финансирования, поставщики оборудования, финансовые компании, специализированные фонды, страховые фирмы, пенсионные фонды.

ЛИТЕРАТУРА

Богатырев В.Д., Горбунов Д.В. (2013). Модели финансового взаимодействия между инвесторами при проектом финансировании // *Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета им. академика С.П. Королева (национального исследовательского университета)*, № 1 (39), с. 255–267.

Короткова Е.А., Соколова Т.В. (2006). Различия между проектным и прямым финансированием парков развития (из опыта развитых западных стран) // *Сибирская финансовая школа*, № 4, с. 9–14.

Пилякина В.С. (2010). Опыт зарубежных банков в проектом финансировании // *Современная экономика: проблемы и решения*, № 5, с. 68–78.

Швец М.В. (2007). Основные риски банка, связанные с инвестиционным кредитованием и проектом финансированием // *Вестник Камчатского государственного технического университета*, № 6, с. 131–133.

Stefano Gatti (2008). Project Finance in Theory and Practice.pdf. Доступно на: <http://wafaa-sherif.com/new/ar/>.

REFERENCES

- Bogatirov V.D., Gorbunov D.V. (2013). Models of the interaction between financial investors in project finance. *Herald of the Samara State Aerospace University. Academician SP Korolev (National Research University)*, no. 1 (39), pp. 255–267. (In Russian.)
- Korotkov E.A., Sokolova T.V. (2006). The differences between the design and development of direct financing parks (from the experience of developed Western countries). *Siberian School of Finance*, no. 4, pp. 9–14. (In Russian.)
- Pilyakina V.S. (2010). The experience of foreign banks in project financing. *The modern economy: problems and solutions*, no. 5, pp. 68–78. (In Russian.)
- Shvets M.V. (2007). The main risks the bank associated with the investment lending and project financing. *Herald of the Kamchatka State Technical University*, no. 6, pp. 131–133. (In Russian.)
- Stefano Gatti (2008). Project Finance in Theory and Practice.pdf. Available at: <http://wafaa-sherif.com/new/ar/>.

НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ С ЦЕЛЬЮ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

ЧАЛОВА А.А.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и менеджмента,
Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Ставропольский институт кооперации (филиал),
e-mail: aachalova@ya.ru

В статье раскрывается необходимость совершенствования инструментов маркетинговых коммуникаций и их влияние на эффективность деятельности организаций потребительской кооперации Ставропольского края. Рассмотрены результаты финансово-экономической деятельности организаций Ставропольского крайпотребсоюза и мероприятия, формирующие коммуникации корпоративного имиджа и формирования продаж.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации; конкурентоспособность; потребительская кооперация; эффективность коммуникаций.

THE NEED TO IMPROVE MARKETING COMMUNICATION TOOLS TO IMPROVE THE EFFECTIVENESS OF ORGANIZATIONS CONSUMER COOPERATION

CHALOVA A.A.,

PhD, Associate Professor, Chair of Marketing and Management,
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
Stavropol Institute of Cooperatives (branch),
e-mail: aachalova@ya.ru

The article reveals the need to improve the tools of marketing communications and their impact on the effectiveness of consumer cooperation organizations of the Stavropol territory. The results of financial-economic activity of the organizations of the Union of Stavropol consumer societies and activities, formative communication corporate image and generation sales.

Keywords: marketing communications; competitiveness; consumer cooperation; the effectiveness of communications.

JEL classification: D11, D12, M31.

Для обеспечения конкурентоспособности организаций потребительской кооперации на рынке товаров и услуг необходимо использование различных видов инструментов комплекса маркетинговых коммуникаций,

которые учитывают специфику предлагаемой продукции, а также происходящие изменения конкурентной среды и особенности поведения потребителей, в основном сельских жителей.

Разрабатывая комплекс маркетинговых коммуникаций, организациям и предприятиям потребительской кооперации необходимо учитывать такие факторы: отрасль или тип рынка, так как особенности производимой продукции, а также ее целевая аудитория требуют разных подходов к формированию комплекса маркетинговых коммуникаций; стратегические цели организации, которые определяют широту покрытия рынка, перспективы развития и направления деятельности; избранная стратегия продвижения и реализации продукции, которая определяет выбор видов, средств и инструментов маркетинговых коммуникаций; жизненный цикл рынка предприятия, обуславливающий выбор конкурентной стратегии и определяющий роль маркетинговых коммуникаций в ее реализации; жизненный цикл продукта, так как он является базой для разработки стратегии продвижения конкретного товара или услуги на рынке.

Эффективность коммуникации с потребителями становится важным фактором обеспечения конкурентоспособности организации и эффективности продвижения товаров и услуг.

Проблема выбора коммуникационного инструментария требует решения как с научной, так и практической точки зрения. Требуется дальнейшее совершенствование коммуникационного инструментария, систематизация и классификация инструментов коммуникационной политики предприятия, составляющих его коммуникационный потенциал, полное использование которого необходимо для осуществления эффективной маркетинговой деятельности организации. Результаты маркетинговой и коммерческой деятельности кооперативных организаций Ставропольского края в большей мере определяются использованием маркетинговых коммуникаций, коммуникационной политикой данных организаций (Чалова, 2014).

С целью оценки результатов использования маркетинговых коммуникаций нами был проведен анализ основных показателей деятельности организаций, входящих в систему Ставропольского крайпотребсоюза за 2008–2013 гг. (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика показателей деятельности Ставропольского крайпотребсоюза
за 2008–2013 гг. (тыс. руб.)**

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Абсолютное отклонение
1. Выручка от продажи товаров, продукции, работ, услуг	1949075	2023213	2237016	2341562	2363270	2266805	414195
2. Себестоимость проданных товаров, работ, услуг	1522391	1563432	1740023	1820071	1822074	1746912	299683
3. Валовая прибыль	426684	459781	496993	521491	541196	519893	114512
4. Коммерческие расходы	354527	385668	419058	463145	465599	467182	111072
5. Управленческие расходы	8042	7119	3296	3106	4312	5535	-3730
6. Прибыль (убыток) от продаж	64115	66994	74639	55240	71285	47176	7170
7. Основные средства	326212	307231	350347	407875	451486	499370	125274
8. Внеоборотные активы	498761	502721	575498	562174	563169	639541	64408
9. Запасы	207722	222299	241907	254750	257817	255857	50095
10. Оборотные активы	354163	443179	456458	441402	428499	415838	74336
11. Дебиторская задолженность	48877	48269	54160	58271	76295	100576	51699
12. Кредиторская задолженность	128107	139630	157829	211466	197881	254510	126403

Результаты проведенного анализа показали, что на протяжении всего периода исследования значительный прирост наблюдается по среднегодовой стоимости основных средств на 38,4%; внеоборотным активам на 12,9%; оборотным активам на 21%; запасам на 24,1%; валовой прибыли на 26,8% и прибыли от продаж на 11,2%.

Эффективность использования маркетинговых коммуникаций кооперативных организаций можно определить по показателям: средняя дебиторская и кредиторская задолженности, которые характеризуют работу с поставщиками и покупателями (рис. 1).

Из рис. 1 видно, что сумма дебиторской задолженности выросла в 2013 г. по сравнению с 2008 г. на 51 699 тыс. руб., а кредиторской – на 126 403 тыс. руб., что характеризует уровень доверия партнеров к Ставропольскому крайпотребсоюзу.

Для оценки результатов деятельности, по нашему мнению, целесообразным является расчет индекса покрытия кредиторской задолженности долгами дебиторов. Данный индекс невысок и в 2013 г. составляет 0,39,

тогда как в 2008 г. был на уровне 0,38. То есть на 1 руб. обязательств в 2013 г. приходится 39 коп. долгов дебиторов против 38 коп. в 2008 г. Незначительные колебания данного индекса свидетельствуют о стабильности финансового положения большинства кооперативных организаций.

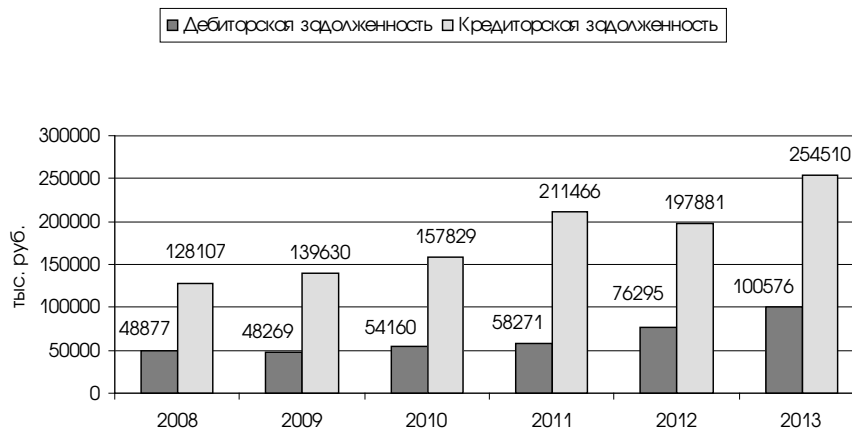

Рис. 1. Динамика дебиторской и кредиторской задолженностей Ставропольского крайпотребсоюза за 2008–2013 гг.

Одним из основных показателей оценки результатов использования маркетинговых коммуникаций является динамика выручки от продаж, которая в значительной степени обусловлена коммуникационной политикой организации, так как использование маркетинговых коммуникаций оказывает существенное влияние на увеличение объемов продаж, доли рынка и рост прибыли.

Совокупный объем реализации кооперативных организаций Ставропольского края за анализируемый период возрос на 16,3%.

Эффективность деятельности организаций потребительской кооперации, в том числе и их коммуникационной политики, определяется динамикой валовой прибыли, прибыли от продаж, прибыли до налогообложения и чистой прибыли. За период исследования сумма валовой прибыли имеет тенденцию к увеличению, тогда как прибыли от продаж до налогообложения и – снижению.

Стабильность финансового положения любого хозяйствующего субъекта в условиях рыночной экономики обусловлена в значительной степени его деловой активностью, которая зависит от широты рынков сбыта продукции, деловой репутации, коммуникационной политики, уровня эффективности использования ресурсов и устойчивости экономического роста (Тарасова, 2004).

Размер показателя фондоотдачи на протяжении анализируемого периода сохранился на уровне 5,23–6,59 тыс. руб. Незначительное снижение коэффициента оборачиваемости запасов (на 0,22 оборота) свидетельствует об относительном увеличении производственных запасов или о снижении спроса на готовую продукцию. Однако, в целом, уровень показателя оборачиваемости запасов организации достаточно высок, что свидетельствует о ликвидности структуры оборотных активов и устойчивости финансового положения организаций.

За анализируемый период все показатели рентабельности в Ставропольском крайпотребсоюзе имели тенденцию к снижению, что объясняется резким снижением объема полученной за эти годы прибыли. Наиболее значительным оказалось снижение показателей рентабельности основных фондов, с 13,77% в 2008 г. до 3,45% в 2013 г., рентабельности оборотных средств – с 12,69% до 3,64%, рентабельности товарных запасов – с 21,63% до 6,04%. Нужно также отметить снижение показателей рентабельности выручки от продаж и рентабельности затрат.

Следовательно, для повышения эффективности деятельности необходимо совершенствование коммуникационной политики организаций потребительской кооперации, входящих в состав Ставропольского крайпотребсоюза, проведение рекламных и других мероприятий с целью привлечения клиентов, увеличения объемов продаж и прибыли.

Современное состояние рынка характеризуется повышением значимости и ценности информации для хозяйствующих субъектов. Увеличиваются темпы роста информатизации общества, в том числе потребителей товаров и услуг. В этих условиях роль коммуникационной политики маркетинговой деятельности возрастает, а вопрос эффективности использования потенциала коммуникационного инструментария становится еще более актуальным.

Классификация коммуникаций имеет большое значение для эффективного осуществления маркетинговой деятельности. Она должна строиться на основе сходств и различий средств маркетинговых коммуникаций. Такая классификация может быть не одна (Чалова, 2012).

На наш взгляд, дать универсальную классификацию средств маркетинговых коммуникаций на настоящий момент сложно, вследствие стремительного их развития и совершенствования. Но, основываясь на стандартной структуре описания каждого инструмента, предложенного в экономической литературе, предлагается следующий алгоритм исследования коммуникационного инструментария с целью его использования в маркетинговой деятельности хозяйствующих субъектов, выбора наиболее эффективных средств коммуникации (рис. 2).

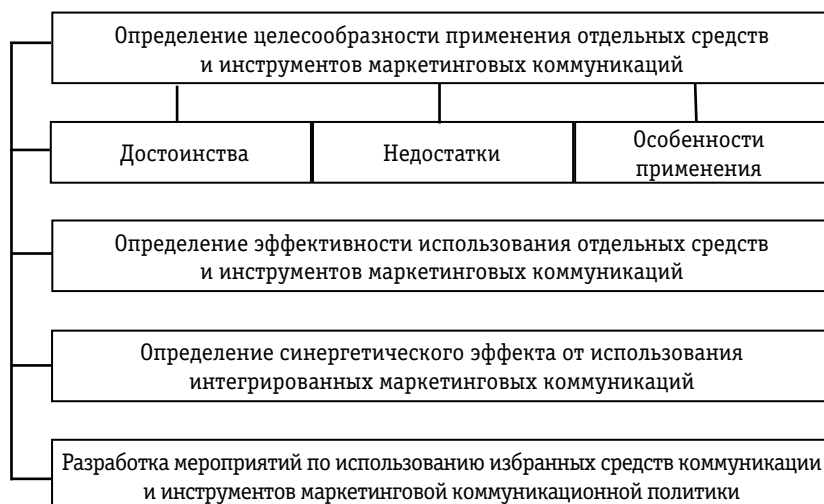

Рис. 2. Алгоритм исследования коммуникационного инструментария

Организации потребительской кооперации являются довольно важными хозяйствующими субъектами рынка, несмотря на то что доля организаций потребительской кооперации в обороте края составляет менее 1%.

Но внедрение маркетинговых коммуникаций в практику их деятельности происходит медленными темпами, хотя темпы развития потребительского рынка очень высоки. Выбор средств, инструментария и формы организации маркетинговых коммуникаций зависят от различных факторов и условий, в которых работают организации потребительской кооперации (Чалова, 2013).

Понимая под коммуникацией в общем виде «обмен осмысленными сообщениями в знаковой форме», коммуникационный микс следует рассматривать как систему инструментов налаженного обмена информацией с рынком сбыта, позволяющую организациям адаптироваться к меняющимся рыночным условиям и добиваться поставленных целей (Амблер, 1999).

Концепция маркетинговых коммуникаций в целом построена на признаке информированности. С учетом данного признака к коммуникационному миксу следует отнести рекламу, стимулирование сбыта и публичность, а основными инструментами микса продвижения считать сэйлз промоушн, мерчандайзинг и директ мэйл. С целью проведения анализа используемого коммуникационного микса нами были рассмотрены три наиболее успешные организации потребительской кооперации, входящие в состав Ставропольского крайпотребсоюза: Георгиевское райпо, Предгорное райпо и Новоалександровское райпо.

Данные организации разрабатывают программы своего развития и ежегодно стремятся к выполнению запланированных показателей. В вышеуказанных организациях оборот розничной торговли и общественного питания (основные виды деятельности) имеет тенденцию к увеличению за исследуемый период; ежегодно внедряются прогрессивные формы торговли (магазины самообслуживания, магазины, имеющие отделы самообслуживания, магазины на круглосуточном режиме работы); открываются специализированные магазины (книжные, хозяйственные и детские товары, строительные материалы, мебель); объем оказываемых услуг населению увеличивается; организации потребительской кооперации принимают активное участие в организации досуга населения, путем организации детских игровых площадок, библиотек. Чистая прибыль в Георгиевском и Новоалександровском райпо возросла на 100 тыс. руб., в Предгорном райпо на 15 тыс. руб. Однако, следует уделить внимание повышению квалификации и переподготовке кадров руководителей и специалистов всех уровней.

Следует отметить, что объем затрат на рекламную деятельность довольно низок, но наблюдается тенденция к их увеличению (табл. 2).

Таблица 2

Объем затрат на рекламную деятельность за 2011–2013 гг.

Показатели	Георгиевское райпо			Новоалександровское райпо			Предгорное райпо		
	2011	2012	2013	2011	2012	2013	2011	2012	2013
1. Объем затрат на рекламную деятельность, тыс. руб.	9,9	10,3	11,2	2	46	40	13,2	27,8	30
2. Доля затрат на рекламную деятельность в общей сумме издержек обращения, %	1,6	1,9	2,1	1,6	3,4	3,0	3,1	6,1	5,9
3. Доля затрат на рекламу в выручке, %	0,4	0,3	0,4	0,2	5,2	3,7	0,5	1	1

Объем затрат на рекламную деятельность в 2013 г. в Новоалександровском и Предгорном райпо составил 40 тыс. и 30 тыс. руб. соответственно. Доля затрат на рекламную деятельность в общей сумме издержек обращения увеличилась в Георгиевском райпо на 0,2%.

Какие же коммуникационные инструменты в наибольшей степени используются наиболее успешными организациями Ставропольского крайпотребсоюза? В рассмотренных организациях используются инструменты коммуникации, подразделяющиеся на: коммуникации корпоративного имиджа (системы корпоративной идентификации; паблик рилейшнз, спонсорство, социальная ответственность и благотворительность, пиар с контактными и целевыми группами) и коммуникации формирования продаж (стимулирование покупателей; стимулирование продавцов; сэйлз промоушн; мерчандайзинг; эвент в маркетинге; POS-материалы; личные продажи; реклама; связи с общественностью, ориентированные на формирование продаж).

В качестве мероприятий, относящихся к коммуникациям корпоративного имиджа, используются: оказание материальной помощи по случаю празднования юбилейных дат бывшим работникам-пайщикам; по мере поступления обращений оказывается благотворительная помощь (в виде денежных средств либо продуктовых наборов) сельским советам, общественным и благотворительным организациям (а также в рамках участия в различных мероприятиях, проводимых на районном уровне, детям-инвалидам, «афганцам», многодетным матерям); в праздничные дни бывшим работникам-пенсионерам (вне зависимости от членства в обществе) вручаются ценные подарки денежными средствами и в натуральном выражении; в случае обращения бывшего работника (ныне пенсионера) оказывается материальная помощь на проведение операций и приобретение лекарственных средств и др.

К мероприятиям, относящимся к коммуникациям формирования продаж, следует причислить мероприятия по работе с населением и мотивации персонала: несколько раз в год в отдельных торговых предприятиях (автоматизированных) проводятся розыгрыши подарков, бытовой техники, конкурсы на «самый длинный чек» и прочие подобные акции, способствующие повышению интереса потребителей к торговым предприятиям райпо и повышению продаж товаров; участие с 2010 г. в Программе «Социальная карта», в ее рамках производится отпуск товаров по спискам сельских администраций со скидкой 10–20%; обслуживание населения в отдаленных и труднодоступных населенных пунктах; ежемесячное премирование работников за рост товарооборота в сопоставимых ценах по сравнению с аналогичным периодом прошлого года; премирование работников за ускорение оборачиваемости товарной массы по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и др.

Таким образом, организации потребительской кооперации более активно используют ВТЛ-инструменты маркетинговых коммуникаций, тогда как ATL-инструменты маркетинговых коммуникаций используются довольно редко, что связано с более высокими затратами на их использование.

С целью более эффективного продвижения товаров и услуг организациям потребительской кооперации следует более активно использовать такие маркетинговые инструменты как директ мэйл и директ маркетинг, использовать современные средства социального взаимодействия в сети Интернет: социальные сети, блоги, сервисы социальных закладок и др.

Использование разнообразных инструментов маркетинговых коммуникаций позволит усилить коммуникационные связи, являющиеся важным объектом стратегического управления коммерческой и маркетинговой деятельностью организации.

ЛИТЕРАТУРА

- Амблер Т. (1999). Маркетинг от А до Я. СПб.: Питер.
- Исаенко Е.В., Тарасов А.С. (2013). Маркетинговые коммуникации организаций, осуществляющих торговлю автотранспортными средствами: теория и практика: монография. Белгород: Изд-во Белгородского университета кооперации, экономики и права.

Тарасова Е.Е. (2004). Исследование коммерческой деятельности потребительской кооперации: монография. Белгород.

Чалова А.А. (2012). Совершенствование коммуникационного инструментария – важный фактор повышения эффективности коммуникационной политики // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*, № 3, с. 258–263.

Чалова А.А. (2013). Оценка результатов использования маркетинговых коммуникаций организаций потребительской кооперации // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*, № 3, с. 355–356.

Чалова А.А. (2014). Планирование маркетинговых коммуникаций организаций потребительской кооперации // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*, № 2, с. 317–326.

REFERENCES

Ambler T. (1999). Marketing from A to Z. St. Petersburg. (In Russian.)

Chalova A.A. (2012). Improving communication tools – an important factor in increasing the efficiency of the communication policy. *Herald Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, no. 3, pp. 258–263. (In Russian.)

Chalova A.A. (2013). Evaluation of the impact of marketing communications organizations of consumer cooperatives. *Herald Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, no. 3, pp. 355–356. (In Russian.)

Chalova A.A. (2014). Planning marketing communications organizations of consumer cooperatives. *Herald Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, no. 2, pp. 317–326. (In Russian.)

Isayenko E.V. (2013). Marketing communications organizations engaged in trading of means of transport: theory and practice: a monograph. Belgorod. (In Russian.)

Tarasova E.E. (2004). The study of business Consumer Cooperatives: monograph. Belgorod. (In Russian.)

ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ КРУПНЫХ ОТРАСЛЕВЫХ КОРПОРАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ВОЗМУЩЕННОЙ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

АНДРЕЕВА О.В.,

кандидат экономических наук, доцент, докторант кафедры «Экономика и финансы»,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
e-mail: a_o_v@mail.ru

В статье исследуются контуры кризисной динамики российской экономики с определением проблем и противоречий их влияния на реализацию стратегий крупных корпораций. Особое внимание уделяется модификации стратегии крупной отраслевой корпорации ОАО «РЖД» в условиях необходимости жесткого редуцирования затрат на фоне значительного количества незавершенных инвестиционных проектов. Автором предлагается модель конструирования и развития национальных бизнес-производственных систем с одновременным улучшением делового климата как способ преодоления кризисной динамики.

Ключевые слова: кризисная динамика; девальвация; экономический рост; реиндустриализация; инвестиционная активность; крупные корпорации; ОАО «РЖД»; модификация стратегий управления.

FACTORS OF IMPLEMENTATION OF BUSINESS STRATEGY IN THE MAJOR CORPORATIONS IN DISTURBED ENVIRONMENT

ANDREEVA O.V.,

Ph.D., associate professor of the Chair of "Economics and Finance",
Rostov State University of Railway Transport,
e-mail: a_o_v@mail.ru

The article tries to outline the disturbed business environment and identify challenges and contradictions that such an environment imposes on the implementation of the business strategy of a major corporation, "RZD", under certain conditions of necessary cutting expenses while having many unfinished investment projects. The author suggests a model for the development of national production systems combined with improving the business environment as a way to overcome the potential crisis.

Keywords: corporate strategy; corporate finances; cost management; investment appeal; natural monopoly; RZD; rates, business environment.

JEL classification: L22, L25.

В условиях падения курса национальной валюты наиболее благоприятные перспективы формируются у крупных компаний экспортно-ориентированных отраслей, которые, по сути, являются драйверами валютных потоков в национальном хозяйстве. Наименее же благоприятной такая конъюнктура предстает для корпоративных структур, которые имеют долговые обязательства в иностранной валюте, поскольку удорожание долга на фоне понижательной динамики экономического роста вынудит экономических агентов к пересмо-

тру финансовой политики и соответствующим изменениям финансовой стратегии, например, в направлении минимизации затрат. Очевидно, что для второй группы корпоративных структур, ориентированных на внутренний спрос, снижение курса национальной валюты является тем самым фактором, который способен через финансово-кредитный механизм снизить склонность к инвестициям.

Одной из основных проблем макроэкономической политики становится определение ориентации политики фискальной: так, крупные экспортно-ориентированные производители в условиях девальвации склонны формировать лоббистские группы, ориентированные на инициацию снижения экспортных пошлин как главного, альтернативного сокращения персонала, инструмента снижения затрат (например, в ускорении отмены экспортных пошлин в 3,5% на никель и медь заинтересованы Норникель и РусАл) (Тарасов, 2014). В условиях, когда макроэкономическая динамика не может быть охарактеризована как экономика роста, такая диспозиция в корпоративном секторе вызывает массу противоречий и отрицательно влияет как на качество делового климата, так и на инвестиционную активность.

Так, по мнению С. Якобсена, главного экономиста Saxo Bank (Дания), в 2015 г. Россия может вступить в кризис. Якобсен аргументирует свою позицию тем, что падение цен на нефть на фоне дорожающего доллара не позволит России обеспечить бездефицитный бюджет, особенно в условиях замедления темпов экономического роста в странах, являющихся основными потребителями российских энергоресурсов (Байкалова, 2014). На фоне избранной ЦБ РФ стратегии таргетирования инфляции, возможен исход, неблагоприятный для возобновления экономического роста: фундаментальные модели рыночной экономики при подобных макроэкономических трендах рекомендуют держать денежные активы в иностранной валюте, а инвестиции осуществлять в экспортно-ориентированные компании, что способно еще больше ослабить российскую экономику. Если девальвация рубля предпримет долгосрочный характер, то форсирование потребительской активности, вызванное ею, завершится чрезвычайно быстро и, вместо позитивного эффекта, отразится длительным спадом объемов внутреннего потребления, которое в современных экономических системах является одним из драйверов экономического роста.

Высокий уровень закредитованности населения (а значит, и отсутствие перспектив роста этого сегмента розничного кредитования в ближайшей перспективе), падение реальных доходов и покупательной способности в условиях девальвации, отсутствие достаточных объемов спроса на внешних рынках обостряют необходимость изыскания новой модели экономического роста, ориентированной не только и не столько на рост, спродуцированный опережающим ростом объема инвестиций по сравнению с ростом ВВП. Динамика ВВП стран БРИКС, являвшихся лидерами по уровню экономического роста после кризиса 2008 г., оказывается неутешительной: экономический рост замедляется, сокращаются объемы инвестиций на фоне огромных масштабов бегства капитала.

Главной причиной упадка российской экономики стали полное исчерпание инфраструктурных заделов, сформированных еще в СССР, а также недопустимо низкая эффективность государственного аппарата. В связи с этим, девальвация национальной валюты стала единственным доступным инструментом для недопущения дефицита бюджета. Политика количественного смягчения способна оживить экономику, но только при условии обязательных структурных преобразований в экономике. В противном случае национальной хозяйственной системе грозит затяжная стагфляция.

В складывающихся макроэкономических условиях очевидна необходимость трансформации экономической модели в контуре неоиндустриализации с параллельным формированием благоприятного делового климата в России, поскольку российские компании, работающие на внутренний рынок в условиях девальвации, покажут более высокую склонность к инвестициям, чем в предыдущие периоды, во избежание обесценивания активов.

Главная проблема заключается в том, что условия для инвестирования в России должны быть настолько привлекательными, чтобы остановить отток капитала из страны. Тем более что девальвация национальной валюты формирует ряд ценовых преимуществ для продукции российского производства по сравнению с импортными аналогами, которые в среднесрочной перспективе неизбежно подорожают на 10–20%. Формирование ценовых преимуществ для национальных производителей за счет девальвации валюты является одним из механизмов, способных обеспечить сравнительные преимущества, а значит, обеспечить спрос на продукцию со стороны слоев населения, испытывающих негативное воздействие падения уровня реального дохода. Важно отметить, что преимущества получают производители, не использующие импортные комплектующие, а ориентированные на национальных поставщиков. К сожалению, после масштабных процессов транснационализации и интеграции, в стране практически не осталось таких производств. Если рассмотреть экономическую конъюнктуру с позиций продуктивности, можно утверждать, что 2014-й – это год, требующий выверенной политики в области поддержки промышленного производства, а именно формирования зон развития и создания новых производственных кластеров для национальных компаний с обязательным учетом возможностей использования национальных поставщиков и поставщиков из стран-членов таможенного союза.

В связи с этим особое внимания потребует стратегия регулирования тарифов естественных монополий: для крупных производителей расходы на энергоресурсы и транспортировку являются обязательными и неотъемлемыми, а значит, по экономическому смыслу, могут быть приравнены к факторам, снижающим инвестиционную привлекательность. Однако в настоящее время не ясно, какая именно модель долгосрочного регулирования грузовых железнодорожных перевозок будет принята правительством России после окончания 2014 г. Неопределенность в сфере тарифного регулирования сдерживает рост склонности к инвестициям, поскольку заморозка тарифов естественных монополий на 2014 г. рассматривается собственниками капитала как временная мера, а последующая запланированная модификация порядка расчета тарифов для естественных монополий на пятилетний период лишь добавляет неопределенности и усложняет анализ эффективности долгосрочных инвестиционных проектов. Ранее планировалась индексация тарифов на 4,8% в 2015 г., на 4,9% – в 2016 г., на 4,5% – в 2017 г., на 4,1% – в 2018 г. (*Железнодорожные тарифы увеличатся...*, 2014). Рост тарифов (т. е. экономически – условно постоянных затрат производства) требует либо значительной поправки на риск за счет высокой неопределенности, либо снижения ожиданий в отношении инвестиционного дохода. И первый, и второй вариант негативно сказываются на настроениях инвесторов, работающих в средне- и долгосрочной перспективе, т. е. именно тех инвесторов, которые обладают достаточными капиталами для осуществления инвестиций в модернизацию производства.

Естественные монополисты в России – крупные корпорации со значительным количеством аффилированных структур – также становятся перед проблемой модернизации финансово-инвестиционных стратегий, причем это продиктовано изменениями в модели расчета тарифа, призванной сделать тариф транспарентным и легко прогнозируемым. Так, существует проект необходимых социально-экономических изменений, предложенных Минэкономразвития, в которых содержится предложение убрать привязку инвестиционных программ к тарифам.

Если крупная инфраструктурная корпорация ОАО «РЖД», в соответствии с проектом, будет реализовывать инвестиционные программы за счет привлеченного финансирования, а не за счет тарифов, то тариф должен будет рассчитываться на базе обоснованных издержек и норм прибыли, но при этом содержать компонент, планируемый на гашение процентов по привлеченному капиталу и амортизацию.

При этом ФСТ не признает такой модели, считая, что она противоречит правоприменительной практике. Устранение привязки инвестиционных программ к тарифам может простимулировать ОАО «РЖД» к изменению модели инфраструктурного строительства в сторону минимизации неэффективных проектов, однако для такой географически протяженной страны это чревато отсутствием железнодорожной инфраструктуры в регионах с низким объемом грузопотоков. К тому же неясно, как следует определять величину долгосрочного тарифа, если средний срок окупаемости проекта – 15–25 лет, а привлеченный для его реализации кредит должен гаситься за счет эксплуатации созданной инфраструктуры (*Товкайло, Папченко, Фадеева, 2014*). И опять же, эксплуатация объектов инфраструктуры вновь возвращает вопрос генерирования потока доходов к проблеме индексации тарифов.

По мнению экспертов, модернизация процедуры расчета тарифов должна повысить транспарентность в железнодорожной отрасли. Однако заморозка тарифов на 2014 г. поставила перед корпорацией ОАО «РЖД» сложнейшую задачу третьей волны сокращения затрат: первая волна сокращения затрат на 80 млрд, вторая волна – на 18 млрд, а третья волна, вызванная заморозкой тарифов на грузоперевозки, требует сокращения затрат в 2014 г. еще на 84 млрд. Поскольку ОАО «РЖД» является крупнейшим работодателем в России, такое урезание расходной части негативно сказалось именно на кадровых ресурсах: до конца 2014 г. около 1 млн сотрудников ОАО «РЖД» будут работать в режиме сокращенной рабочей недели, поскольку это единственный доступный в коротком периоде метод сокращения затрат, позволяющий избежать массовых увольнений (*Якунин, Неполная занятость в РЖД...*, 2014). Безусловно, корпорация будет стремиться повышать эффективность и отчетываться перед государственными институтами о достигнутых уровнях КРІ (ключевых показателей эффективности), однако с большой уверенностью можно сказать, что процесс модернизации финансово-инвестиционной стратегии будет процессом сложным и противоречивым, что, опять же, негативно скажется на инвестиционной привлекательности отрасли.

Современные крупные корпорации являются, по сути, конфигураторами хозяйственного пространства, поскольку актуализируется проблема управления совмещением интересов бизнеса и государства. Кроме того, именно крупные корпоративные структуры несут на себе высокую социальную нагрузку, являясь работодателями для значительной части трудовых ресурсов страны. Должен измениться, прежде всего, подход к управлению трудовыми ресурсами, поскольку человеческий капитал – это наиболее дорогой ресурс в современной экономике, а значит, для того, чтобы обеспечить эффективность его привлечения, необходимо достаточно точно идентифицировать потребность в нем, зону его полномочий и способы получения положительного эффекта масштаба. Привлечение высокоинтеллектуального труда к непродуктивным видам активности не отвечает критериям инвестиционно-финансовой эффективности (*Андреева, 2013*).

С учетом того, что с позиций фундаментального анализа финансовой устойчивости ОАО «РЖД» не отвечает современным критериям финансовой эффективности, перед корпорацией встают сложные задачи реализации стратегии развития в новых, осложнившихся условиях. Снижение выручки от реализации и чистой прибыли характеризует снижение спроса на услуги перевозчика, в частности, за счет снижения пассажиропотока. Это тревожная тенденция на фоне значительных объемов привлеченного финансирования, заморозки тарифов на грузоперевозки и негативных прогнозов относительно сценариев развития экономики России (Андреева, 2013).

С этих позиций, моделирование благоприятного делового климата следует начинать с тех параметров, которые существенно влияют на инвестиционную привлекательность производственных кластеров в России. Так, необходимо обратить особое внимание на обеспечение транспарентности деловой среды и системы закупок крупных отраслевых корпораций, а также на фискальную политику.

Несмотря на то, что в рейтинге «Doing Business – 2012» отмечен значительный прогресс в системе налогового администрирования, уровень налоговой нагрузки по отраслям до сих пор остается чрезвычайно дифференцированным. Значительное количество обязательных неналоговых платежей обретае функциональные черты налогов, что снижает финансовый потенциал хозяйствующих субъектов, а значит, и склонность к деловой активности вообще.

Очевидно, необходимы программы государственной поддержки модернизации производства, однако требуется учесть как позитивный, так и, особенно, негативный опыт уже реализованного крупного проекта, связанного с организацией подготовки к Олимпиаде: в условиях бюджетного дефицита государство уже не обладает достаточным финансовым потенциалом для поддержки инвестиционного климата, а динамика цен на энергоресурсы на внешних рынках свидетельствует о потенциальном снижении экспортных источников пополнения бюджета. Вероятнее всего, финансовые ресурсы для реализации крупных проектов будут привлекаться из резервных фондов, но в этом случае следует разработать выверенную и аргументированную систему контроля расходования средств, поскольку из-за институциональных деформаций возможна потеря вообще какого-либо положительного эффекта для национальной хозяйственной системы.

Таким образом, в условиях актуальной экономической динамики крупные корпорации и государственные институты должны выработать и принять единую модель преодоления стагфляционных процессов, потому как малый и средний бизнес не обладает для этого ни ресурсами, ни достаточным потенциалом. Дискуссионные моменты и противоречия должны быть разрешены в кратчайшие сроки, в противном случае обеспечение восстановительного роста станет для России очень длительной и труднореализуемой задачей. Наиболее эффективной представляется модель конструирования и развития национальных бизнес-производственных систем с одновременным улучшением делового климата.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева О.В. (2013). Модернизация финансовой стратегии крупных корпораций: концептуальные направления // *Terra Economicus*, т. 11, № 3, ч. 3.

Андреева О.В. (2013). Инвестиционно-финансовая стратегия крупных корпораций в условиях ограниченного роста (на примере ОАО «Российские железные дороги»): Монография. О.В. Андреева. Ростов н/Д.

Байкалова А. (2014). От плохого к худшему // *Московский комсомолец – экономика*. Доступно на: <http://www.mk.ru/economics/article/2014/01/30/977730-rossiya-ot-plohogo-k-hudshemu.html>.

Железнодорожные тарифы увеличатся на 4,8% в 2015 г. (2014) // *Ведомости*. Доступно на: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/20140130/zheleznodorozhnye-tarify-velichatsya-na-48-v-2015-g>.

Тарасов А. (2014). Похороны «валютных цехов» // *Новая газета*. Доступно на: <http://www.novayagazeta.ru/issues/2014/2140.html>.

Товкайло М., Папченкова М., Фадеева А. (2014). Монополиям могут запретить финансировать инвестиционные программы за счет тарифов // *Ведомости*. Доступно на: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/21447201/monopoliiyam-privilegiya-zalozhit-tarify-ixzz2sdazxwdA>.

Якунин В. (2014). Неполная занятость в РЖД в 2014 году вероятна в виде сокращенной рабочей недели // *Ведомости*. Доступно на: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/21372531/yakunin-nepolnaya-zanyatost-v-rzhd-v-2014-godu-veroyatna-v-ixzz2sdtMAUu>.

REFERENCES

Andreeva O.V. (2013). Modernization of the financial strategy of large corporations: conceptual directions. *Terra Economicus*, vol. 11, no. 3, ch 3. (In Russian.)

Andreeva O.V. (2013). Investment and financial strategy of large corporations with limited growth (for example, JSC "Russian Railways"). Monograph. Rostov-on-Don. (In Russian.)

Baikalova A. (2014). From bad to worse. *Moskovsky Komsomolets*. Available at: <http://www.mk.ru/economics/article/2014/01/30/977730-rossiya-ot-plohogo-k-hudshemu.html>. (In Russian.)

Train fares to increase by 4.8% in 2015 (2014). *Vedomosti*. Available at: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/20719531/zheleznodorozhnye-tarify-uvelichatsya-na-48-v-2015-g>. (In Russian.)

Tarasov A. (2014). Funeral "currency shops". *Novaya Gazeta*. Available at: <http://www.novayagazeta.ru/issues/2014/2140.html>. (In Russian.)

Tovkaylo M., Papchenkova M., Fadeev A. (2014). Monopolies may prohibit finance investment through tariffs. *Vedomosti*. Available at: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/21447201/monopoliyam-pridetsya-zalozhit-tarify#ixzz2sdazxwdA>. (In Russian.)

Yakunin V. (2014) Underemployment in the Railways in 2014, likely in the form of a contraction-gap of the working week. *Vedomosti*. Available at: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/21372531/yakunin-nepolnaya-zanyatost-v-rzhd-v-2014-godu-veroyatna-v#ixzz2sdtMAUu>. (In Russian.)

ФИНАНСОВЫЕ СХЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ ГЧП

ТАРАНЕНКО О.Н.,

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Северо-Кавказский федеральный университет (филиал в г. Пятигорске),
e-mail: ok-tar@mail.ru

Одной из главных составляющих инвестиционной привлекательности региона являются успешно реализованные инфраструктурные проекты. С ростом спроса на инфраструктуру, правительства все чаще прибегают к государственно-частному партнерству как инновационному способу финансирования инфраструктурных проектов. Приоритетными направлениями финансирования проектов по схеме ГЧП являются, в основном, социально значимые объекты. Данная форма взаимодействия государства и бизнес-структур способна решить насущные региональные проблемы в определенной сложившейся ситуации.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; инфраструктурные проекты; инновационное финансирование; бизнес-структуры; принятие решений.

FINANCIAL SCHEMES OF REALIZATION OF PPP INFRASTRUCTURE PROJECTS

TARANENKO O.N.,

PhD, Associate Professor of Chair of Public Administration and
Municipal Management,
North Caucasus Federal University (Branch in Pyatigorsk),
e-mail: fyv21@mail.ru

One of the main components of investment attractiveness of the region are successfully implemented infrastructure projects. With the increasing demand for infrastructure, the government increasingly resorted to public-private partnership as an innovative way of financing infrastructure projects. Priority directions for financing projects on the PPP scheme are mostly socially important facilities. This form of interaction of state and business structures able to solve the pressing regional problems in a particular situation.

Keywords: public-private partnership infrastructure projects; innovative financing; business-structures, decision making.

JEL classification: R58, M21.

На основе международного и российского опыта в период с начала 1990-х гг. и по настоящее время было выявлено, что одним из работающих и перспективных механизмов для экономического развития региона и повышения эффективности управления как муниципальной, так и федеральной собственностью, является государственно-частное партнерство (ГЧП). В российских регионах состояние экономики создает условия, когда государство часть своих функций передает в частный сектор, по принципу уже работающих схем ГЧП

развитых стран, поскольку власти по многим причинам не имеют достаточной возможности собственными силами эффективно поддерживать и развивать инфраструктуру на высоком современном уровне. Приоритетными направлениями финансирования проектов по схеме ГЧП являются, в основном, социально значимые объекты, т. к. социальная сфера по-прежнему остается наиболее уязвимым местом в процессе развития государства. Данная форма взаимодействия государства и бизнес-структур способна решать насущные региональные проблемы в определенной сложившейся ситуации.

На государственном уровне определено назначение использования средств различных фондов, которые будут направлены на финансирование проектов ГЧП.

Исторически сложилось так, что ответственность за финансирование инфраструктурных проектов лежит на государственном секторе. Тем не менее, с использованием механизмов ГЧП эта ответственность зачастую передается частным спонсорам. С ростом спроса на инфраструктуру, правительства все чаще прибегают к государственно-частному партнерству как инновационному способу финансирования инфраструктурных проектов. Причин здесь много: это и недостаточный уровень финансирования в муниципальную инфраструктуру на протяжении многих лет, и большая изношенность муниципальной инфраструктуры (по различным оценкам достигает 50–70%).

Одной из главных составляющих инвестиционной привлекательности региона являются успешно реализованные проекты, что требует участия сторон государственно-частного партнерства в реализации инвестиционных проектов. Именно этот механизм вызывает наибольший интерес у инвесторов, ведь одним из основных вопросов, которым задается инвестор при реализации инвестиционных проектов, является стоимость подключения к инфраструктуре. Поэтому, для стимулирования активности потенциальных инвесторов, необходимо обеспечить проекты инфраструктурой, в том числе и за счет консолидированного бюджета.

В России не было закона, который устанавливал бы единые понятия и условия государственно-частного партнерства. Работа над созданием подобного документа началась в 2013 г. Проект Федерального закона «Об основах государственно-частного партнерства в РФ» был принят депутатами Государственной Думы в первом чтении. Безусловно, наличие Закона направлено на эффективное взаимодействие власти и бизнеса в целях реализации значимых проектов и развития регионов в целом. Появление закона станет еще одним стимулом для роста активности инвесторов в реализации проектов на территории России и, соответственно, поможет развитию самих регионов.

Разработка ГЧП проекта, как правило, предусматривает такие этапы, как планирование потенциальной услуги, выбор альтернатив поставке услуг, анализ финансовых схем реализации проекта и его правовое подкрепление, анализ потребности в финансировании ГЧП-проекта.

На этапе оценки финансово-правовой схемы реализации проекта предстоит определение целей и задач и качественного сравнения всех возможных схем реализации проекта. Выбираются наиболее целесообразные схемы для того, чтобы затем провести детальный, количественный анализ.

Для проведения такого анализа можно использовать применяемые в отечественной и зарубежной практике различные методы, которые совершенствуют процесс принятия решений. К ним относятся методы анализа сложных структур (АСС), иерархического анализа и синтеза (ИАС), реализующие численное измерение многокритериальных предпочтений.

Метод анализа иерархий включает взвешивание векторов матриц парных сравнений альтернатив весами критериев, имеющихся в иерархии, а также вычисление суммы по всем соответствующим взвешенным компонентам собственных векторов нижележащего уровня иерархии. После построения структуры модели иерархии устанавливается значимость ее элементов путем построения матрицы попарных сравнений $E = \{E_1, E_2, \dots, E_n\}$ – множество из n элементов (альтернатив); $v_1, v_2, \dots, v_n$ – весовые коэффициенты элементов:

[E]=	E	E₁	...	E_n
	E ₁	v ₁ /v ₁	...	v ₁ /v _n
	...	...	...	...
	E _n	v _n /v ₁	...	v _n /v _n

Математическое выражение для векторов приоритетов сравниваемых альтернатив определяется из:

$$W_{E_j}^A = [W_{E_1}^A, W_{E_2}^A, \dots, W_{E_n}^A] \cdot W_{E_j}^E,$$

где W – вектор приоритетов альтернатив; E – элементы предыдущего уровня иерархии; A – вектор альтернатив.

Что касается обоснования метода анализа иерархий, то, следует отметить, что имеют место дискуссионные положения. В частности, шкалы, в которых осуществляется оценивание степеней предпочтений вариан-

тов по каждому из критериев, полагаются шкалами отношений, не связанными друг с другом и с приоритетами критериев. Таким образом, имеется необходимость разработки на базе теории важности критериев, корректных и эффективных методов анализа многокритериальных задач с иерархической структурой и реализации этих методов в компьютерных системах поддержки принятия решений.

Используемый метод анализа иерархий позволяет на основе иерархического подхода, включающего субъекты оценки, а также критерии и альтернативы схем реализации финансирования ГЧП. Построение иерархии для оценки реализации финансирования ГЧП предусматривает выделение критериев, в общем случае, нескольких уровней.

Наиболее распространенными возможными схемами финансирования, в частности сектора строительства и эксплуатации, являются: государственный заказ и 2 схемы ГЧП – договор купли-продажи (ВТО) и DFBOOT. Эти схемы достаточно исследованы, проработаны, проанализированы как преимущества, так и недостатки каждой из них, а также их возможные риски и финансово-экономические аспекты при реализации проекта.

Иерархия оценки вариантов финансирования ГЧП представлена на рис. 1.

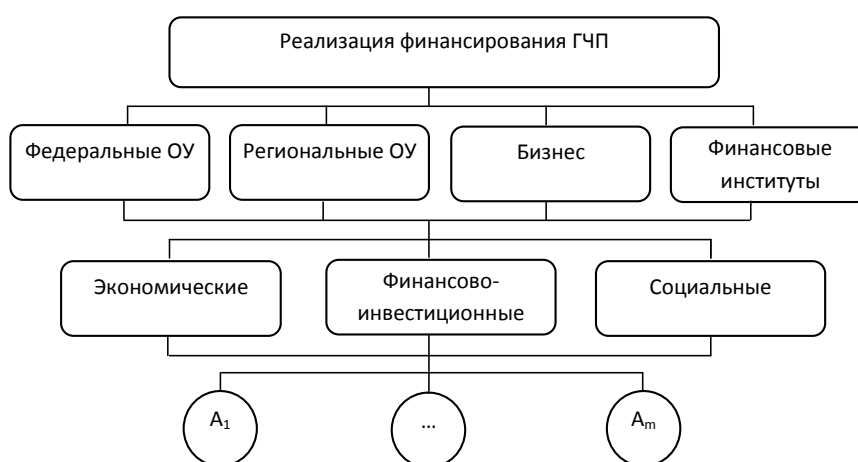

Рис. 1. Иерархия оценки вариантов финансирования ГЧП¹

В качестве альтернатив для вариантов финансирования ГЧП принимались: A1 – государственный заказ, A2 – ВТО, A3 – схема DFBOOT.

Математическое обеспечение метода анализа иерархий поэтапно реализует процедуры анализа и иерархического синтеза вектора приоритетов рассматриваемых альтернатив.

На первом этапе иерархического анализа определяются векторы приоритетов задействованных лиц $W_{(E_j^A)}$ относительно фокуса иерархии.

На следующем этапе аналогичным образом обрабатываются матрицы попарных сравнений собственно элементов E_j^i . В результате обработки матриц парных сравнений определяется множество векторов приоритетов элементов:

$$W^E = \{ W_{(E_j^E)}^E \}.$$

Полученные значения векторов $W_{(E_j^E)}^E$ используются впоследствии при определении векторов приоритетов альтернатив относительно всех элементов иерархии.

На следующем этапе осуществляется непосредственно иерархический синтез, заключающийся в последовательном определении векторов приоритетов альтернатив относительно элементов E_j^i , находящихся на всех иерархических уровнях. Вычисление векторов приоритетов проводится в направлении от нижних уровней к верхним с учетом конкретных связей между элементами, принадлежащих различным уровням, путем перемножения соответствующих векторов и матриц.

Общий вид выражения для вычисления векторов приоритетов проектных альтернатив A_i определяется следующим образом:

$$W_{E_j^A}^A = [W_{E_1^{i-1}}^A, W_{E_2^{i-1}}^A, \dots, W_{E_n^{i-1}}^A] \cdot W_{E_j^{i-1}}^E,$$

¹ Составлено автором.

где $W_{(E_j^i)}^A$ – вектор приоритетов альтернатив относительно элемента E_1^{i-1} , определяющий j -й столбец матрицы; $W_{(E_j^{i-1})}^E$ – вектор приоритетов элементов $E_1^{i-1}, E_2^{i-1}, \dots, E_n^{i-1}$, связанных с элементом E_j^i вышележащего уровня иерархии.

Реализация приведенных достаточно громоздких вычислений потребовала использования и специализированных методов расчета, таких как методика наилучшего приближения ожидаемого конкурсного предложения, а также модель PSC, с использованием программного инструментария SMART CAMPUS.

Данные методики включают в себя анализ объемов и времени возникновения определенных видов затрат при выборе соответствующей финансово-правовой схемы проекта ГЧП.

Для поддержки принятия решений в сфере выбора вариантов финансирования ГЧП на основе метода иерархического анализа и синтеза также был использован инструментарий имитационного моделирования с использованием UML-моделей.

В качестве задействованных и заинтересованных объектов были приняты следующие 4 группы: федеральные органы управления, региональные органы управления, бизнес, финансовые институты. Векторы приоритетов альтернатив относительно критериев нижнего уровня представлены в табл. 1.

Таблица 1

Векторы приоритетов альтернатив относительно критериев нижнего уровня

Альтернативы	Объекты											
	Федеральные ОУ			Региональные ОУ			Бизнес			Финансовые институты		
Группы критериев	экономические	финансовые	социальные	экономические	финансовые	социальные	экономические	финансовые	социальные	экономические	финансовые	социальные
Выгоды												
A_1	0,351	0,205	0,354	0,445	0,072	0,391	0,351	0,850	0,066	0,441	0,742	0,041
A_2	0,121	0,324	0,185	0,226	0,648	0,624	0,751	0,731	0,214	0,552	0,432	0,178
A_3	0,267	0,143	0,260	0,186	0,279	0,283	0,596	0,517	0,318	0,678	0,504	0,180
Потери												
A_1	0,652	0,722	0,207	0,778	0,240	0,779	0,751	0,171	0,553	0,587	0,367	0,787
A_2	0,068	0,051	0,058	0,180	0,059	0,060	0,210	0,046	0,284	0,046	0,044	0,046
A_3	0,187	0,227	0,735	0,042	0,701	0,161	0,044	0,048	0,163	0,167	0,205	0,167

При оценке выгод доминирует с незначительным преимуществом альтернатива A_2 (0,488) над альтернативой A_3 (0,454), при оценке потерь доминирует (имеет наименьшие потери) альтернатива A_2 (0,133). При суммарной оценке разности выгод и потерь доминирует альтернатива A_2 (0,373). Альтернатива A_1 значительно уступает остальным альтернативам по всем показателям.

Сравнение по альтернативам позволило сделать вывод о выборе варианта схемы ГЧП – договор купли-продажи.

Рассматриваемая система поддержки принятия решений позволяет осуществить своего рода свертку экономических, социальных и финансовых групп факторов, оказывающих влияние на качество принимаемых управленческих решений, в иерархическую модель, позволяющую строить для лиц, принимающих решения, систему ранжированных показателей при оценке выбора альтернатив финансирования инфраструктурных проектов и обеспечить выбор предпочтительных проектных альтернатив.

ЛИТЕРАТУРА

Бруссер П.А. (2013). Финансовые модели и основные финансовые инструменты ГЧП. Доступно на: <http://www.mgimo.ru/files/238488/presentation.pdf>.

Государственно-частное партнерство в России (2013). Центр развития государственно-частного партнерства. Доступно на: <http://www.pppcenter.ru/>.

Приказ Минрегиона РФ от 30.10.2009 № 493 «Об утверждении Методики расчета показателей и применения критериев эффективности региональных инвестиционных проектов, претендующих на получение государственной поддержки за счет бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации».

Рогачев А.Ф., Скитер Н.Н., Плещенко Т.В. (2012). Разработка системы поддержки принятия решений для обоснования параметров эколого-экономических систем // *Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса*, № 2.

Хубаев Г.Н., Щербаков С.М. (2011). Инструментарий интеграции визуального и имитационного моделирования // Вестник Донского государственного технического университета, № 7.

REFERENCES

Brusser P.A. (2013). Financial models and the main financial instruments of PPP. Available at: <http://www.mgimo.ru/files/238488/presentation.pdf>. (In Russian.)

Public-private partnership in Russia (2013). Centre for Development of public-private partnerships. Available at: <http://www.pppcenter.ru/> (In Russian.)

Order of Ministry of Russian Federation Regional Development. 30.10.2009 no. 493 "On approval of the Methodology of calculating and applying the criteria of efficiency of regional investment projects eligible to receive state support through the Investment Fund of the Russian Federation". (In Russian.)

Rogachev A.F., Skeeter N.N., Pleschenko T.V. (2012). Development of decision support systems to support parameters ecological and economic systems. *Nizhnevolzhsk agrouniversity complex News*, no. 2. (In Russian.)

Khubaev G.N., Shcherbakov S.M. (2011). Integration of visual tools and simulation. *Herald Don State Technical University*, no. 7. (In Russian.)

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ПРИРОДОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОПТИМИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

ПОЛЯКОВ П.В.,

аспирант,

Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I,
e-mail: polaykovpavel@yandex.ru

В статье представлено усовершенствование методики оценки рационального природопользования с использованием оптимизационной модели. Ключевым фактором которой, для достижения наибольшего эффекта, является комплексный подход к рациональному ведению природохозяйственной деятельности, что позволяет установить эффективную структуру природопользования и в полной мере обеспечить создание экологически устойчивых территорий.

Ключевые слова: оценка природохозяйственной деятельности; оптимизационная модель природопользования; инвестиции; инновации; эффективность; усовершенствование.

IMPROVE METHODS OF ESTIMATION OF THE NATURE ECONOMIC ACTIVITIES USING THE OPTIMIZATION MODEL ENVIRONMENTAL MANAGEMENT

POLYAKOV P.V.,

graduate student,

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I,
e-mail: polaykovpavel@yandex.ru

Improvement of a technique of an assessment of rational environmental management is presented in article with use of optimizing model. Which key factor, for achievement of the greatest effect, the integrated approach to rational conducting nature economic activity that allows to establish effective structure of environmental management is and fully to provide creation of ecologically steady territories.

Keywords: nature economic activity assessment; optimizing model of environmental management; investment; innovation; efficiency; technique improvement.

JEL classification: Q56, Q57.

Перспективное развитие комплексного социального, экономического и эколого-мелиоративного природопользования должно основываться на современных достижениях науки и многолетнего опыта, обеспечивающих наибольшую эффективность научно-технического прогресса в области использования и охраны природных ресурсов, улучшения качества и комфортности проживания населения, продовольственной без-

опасности региона и страны в целом, а также ведение экономически рационального природопользования (Лойко, 2000).

Усовершенствование оптимизационной модели природопользования требует внедрения инноваций. Инновация обладает характерными признаками нововведений, а инновационная деятельность – внедрение этих нововведений в производство, основанных на результатах достижений научно-технического прогресса в развитии данной отрасли природопользования, в т. ч. и в развитии методики оценки природохозяйственной деятельности.

Концепция инновационной деятельности в природопользовании заключается в создании конкретных разработок и научно-технических достижений современного или усовершенствованного характера на основе научных исследований, обеспечивающих рациональное и эффективное ведение природохозяйственной деятельности, с учетом требований комплексного подхода по их рациональности, охране и обеспечению наивысшей цены производимого продукта, обладающего технологичностью и высоким потреблением (Баев, Шугуров, 1995).

Инновационный характер современной рыночной экономики стимулирует развитие конкретных новаций, обладающих специализированными действиями, примерами которых могут быть:

- в мелиоративной сфере – совершенствование технологии по улучшению, использованию и охране мелиорированных земель, организации рационального ведения мелиорации с учетом природоохранных требований, а также специфики конкретных природохозяйственных систем;
- принятие конструктивно-технологических решений в аграрной сфере;
- улучшение и эффективное использование земельных ресурсов, внедрение природозащитных мероприятий на основе применения природоохранных методик;
- разработка автоматических систем проектирования и строительства мелиоративных объектов и их эксплуатация.

Следует отметить, что в природохозяйственной сфере развитие и совершенствование комплексного обустройства территорий обусловливается необходимостью повышения использования производительных свойств природных ресурсов, вовлечения в оборот реабилитированных неэффективно используемых природных (земельных) ресурсов регионов и на этой основе обеспечения устойчивого развития этих районов. Поэтому необходимо четко и целенаправленно формулировать цели и задачи, предъявляемые к природохозяйственным системам каждого региона, отдельного района или территориальной зоны, как важного составляющего фактора интенсификации использования природных (земельных) ресурсов и развития экономически рационального природопользования. Инновационная деятельность применительно к природохозяйственным системам должна быть ориентирована прежде всего на формирование эффективного эколого-экономического потенциала, наиболее производительное выполнение всех производственных процессов, а также рациональное использование природных ресурсов (Сулин, Мордвинцев, 1988).

Конструктивные и технологические решения в природопользовании должны быть в этих условиях направлены, в частности, на создание рациональных природохозяйственных объектов, эффективных технологий, энергосберегающего характера в использовании и охране природохозяйственных объектов и повышение инвестиционной привлекательности.

Для оценки эффективности природоохранной деятельности и определения рациональности инновационных мероприятий природохозяйственных систем предлагается использовать математическую модель, отождествляющую эффективность и оптимальность (Александровская, Чешев, Поляков, 2011):

$$Z = Z(x, \lambda, \varepsilon) \rightarrow \underset{x \in X}{extr}, \text{ где } extr = \begin{bmatrix} \min \\ \max \end{bmatrix}, \quad (1)$$

где Z – показатель, характеризующий эффективность и оптимальность;

x – параметры конечного результата (планируемые показатели функционирования природопользования);

λ – характеристика природных (земельных) ресурсов;

ε – неопределенные или случайные факторы;

X – область допустимых решений (коэффициент экологической стабильности K_c , экономический коэффициент рентабельности R_p , социальный коэффициент – материальное стимулирование $U_{з.н.}$, эффективность природохозяйственной деятельности $E_i \rightarrow \max$).

В более развернутом виде оптимизационная модель природопользования с учетом данных социально-экономического характера территории может быть представлена так:

$$Z = Z(x, \lambda, \varepsilon) \rightarrow \underset{x \in X}{extr}, \text{ где } extr = \left\{ \begin{array}{l} 0, 34 \leq K_c \rightarrow \max \\ 20\% \leq R_n \rightarrow \max \\ cp.з.н. \leq U_{з.п.} \rightarrow \max \\ 3_n, K_{врем.} \rightarrow \min \\ \mathcal{E}_{эк}, \mathcal{E}_{экл}, \mathcal{E}_{соц} \rightarrow \max \\ 1 < E_n \rightarrow \max \end{array} \right. \quad (2)$$

где K_c – коэффициент экологической стабильности;

R_n – экономический коэффициент, выраженный через рентабельность, %;

$U_{з.п.}$ – социальный коэффициент, выраженный через материальное стимулирование, руб.;

3_n – затраты, необходимые для ведения рационального природопользования, руб.;

$K_{врем.}$ – временной фактор реализации проекта;

$\mathcal{E}_{экл}$ – суммарный экологический эффект, руб.;

$\mathcal{E}_{эк}$ – суммарный экономический эффект, руб.;

$\mathcal{E}_{соц}$ – суммарный социальный эффект, руб.

Для выполнения приведенных выше условий и достижения наибольшего эффекта ключевым моментом должен стать комплексный подход к рациональному ведению природоохозяйственной деятельности, что позволит установить эффективную структуру природопользования и в полной мере обеспечить создание экологически устойчивых территорий.

Проекты формирования эколого-экономически устойчивого и социально эффективного природопользования являются весьма специфическими и требуют особого подхода к обоснованию и оценке их реализации.

Эффективность управления проекта по повышению устойчивости функционирования системы природопользования возможно определить по ряду параметров, при которых:

- выбранный вариант отвечает критериям оптимальности, указанным в оптимизационной модели, а именно – минимизация затрат времени на реализацию и сокращение затрат при функционировании проекта;
- ключевые показатели проекта максимально социально ориентированы и направлены на улучшение условий жизни местного населения;
- положительный эффект от реализации проекта распространяется на смежные отрасли экономики и социальной сферы.

Анализ существующих подходов к разработке мероприятий, направленных на повышение эколого-экономической эффективности природопользования, показывает, что их необходимо рассматривать как систему взаимосвязанных критериев и факторов, определяющих перспективы рационального использования природных ресурсов в рыночной экономике.

Одним из важных факторов, влияющих на повышение эффективности рационального природопользования, являются инвестиции. В настоящее время принято различать следующие виды инвестиций в природоохранные мероприятия: инвестиции в физические (реальные) активы и инвестиции в нематериальные активы (Поляков, 2012). Инвестиции в реальные активы подразделяются на следующие основные группы:

- инвестиции в существующие природоохранные мероприятия с целью повышения их эффективности и создания условий для снижения вредного техногенного воздействия на окружающую среду, снижения выбросов или сбросов загрязняющих веществ;
- инвестиции в новые природоохранные мероприятия или природоохранные сооружения;
- инвестиции для исполнения требований государственных органов контроля и управления с целью удовлетворения требованиям экологических стандартов либо экологической безопасности (Четвертаков, 2009).

Результатом проведения природозащитных мероприятий в большинстве случаев является создание объектов природоохранного назначения.

Основными природоохранными мероприятиями, когда возможны или целесообразны инвестиции в нематериальные активы, являются: подготовка и переподготовка кадров, экологическое обучение персонала, совершенствование методического обеспечения производственной, научно-исследовательской работы по производственной экологии, совершенствование правовой базы природопользования.

Показатели для определения целесообразности инвестиций в природоохранные мероприятия можно условно подразделить на следующие группы:

- показатели проводимых природоохранных мероприятий;
- показатели природохозяйственной системы, в интересах которой будет осуществляться проект;
- показатели условий реализации природоохранных мероприятий («внешние» условия).

Особое значение такой анализ приобретает при определении эффекта от инвестиций в природоохранные мероприятия, поскольку эффективность проводимых мероприятий определяется в течение длительного срока и при отсутствии четко выраженных эколого-экономических и социальных эффектов (Буздалов, 2001).

При принятии решения об инвестировании в природохозяйственную деятельность основные показатели целесообразно рассматривать в следующей последовательности:

- а) целевые (соответствие проводимых мероприятий основным направлениям природоохранной деятельности и политики);
- б) социальные и правовые (соответствие нормативно-методической документации, наличие соответствующих лицензий, направленность реакции общественного мнения, изменение социальных выплат за ущерб здоровью и временную нетрудоспособность, воздействие проекта на уровень занятости населения, перспективы использования экологических фондов и налоговых льгот);
- в) эколого-экономические (изменение масштабов вредных техногенных воздействий на окружающую природную среду, размеров выплат и штрафных санкций, чистый экономический эффект природоохранных мероприятий, который определяется в виде разности между экономическими результатами этих мероприятий и затратами на их осуществление, сравнительная экономическая эффективность природоохранных затрат, которая определяется величиной минимально необходимых совокупных эксплуатационных расходов и капитальных вложений в реализацию природоохранных мероприятий, приведенных к годовой размерности);
- г) научно-технические (соответствие решений новейшим достижениям, перспективы патентования и использования технических решений в других работах и отсутствие непредусмотренных побочных эффектов) (Магомадова, 2013).

Социально-экономический эффект от создания устойчивой природохозяйственной системы будет выражен в следующем:

1. Экологически регулируемое использование природных (земельных) ресурсов, повышение продуктивности почв до оптимального уровня в каждой конкретной зоне.
2. Увеличение производства в соответствии с темпами роста экономики, гарантированное обеспечение населения продуктами питания.
3. Улучшение социально-экономических условий жизни населения.
4. Создание благоприятного инвестиционного климата и повышение объема инвестиций в природопользование Российской Федерации.
5. Введение в оборот угодий за счет проведения мелиоративных работ.
6. Ведение рациональной природоохранной деятельности.

Усовершенствование природопользования, а также внедрение инноваций повышает производственные затраты, но дает более существенную экономию ежегодных издержек при ведении природохозяйственной деятельности за счет применения энерго- и ресурсосберегающих технологий. При этом инновации в природохозяйственную деятельность и обустройство мелиоративных систем связаны с ведением рационального природопользования.

Концепцию подобных инновационных решений можно определить следующим образом:

1. При проведении оценки природохозяйственной деятельности усовершенствованная оптимизационная модель принимает вид целевой функции, которая достигает экстремума при оптимизации природоохранной деятельности.
2. Направление природохозяйственной деятельности можно определить как взаимодействие с объектом в конкретных организационно-правовых и социо-эколого-экономических условиях с учетом достижения запланированных целей и намеченных результатов в соответствии с созданной программой развития.
3. Важнейшим фактором усовершенствования природопользования является создание условий для быстрого и качественного обмена информацией в автоматическом режиме, способствующих повышению продуктивности и эффективности работы всех составляющих звеньев, необходимых для ведения рациональной природохозяйственной деятельности (Kai-Uwe Grunberg, Torsten Lipp, 2004).
4. Реализация основных принципов программно-целевой модели проходит посредством отдельных функциональных блоков (систематизация, сбор, анализ, накопление, учет, хранение, контроль, обработка и передача информации). При этом управленческий объект, органы управления и регулирования, управляющие параметры перспективного и оперативного планирования, информационная система с блоком данных в совокупности образуют комплексную процессную систему технического, программного, организационно-правового и эколого-экономического обеспечения управленческой деятельности в области природохозяйственной деятельности.

5. Установление определенных функций каждого блока информационных систем, определенных проектом и другими нормативными документами по развитию и реализации рационального природопользования, что позволяет выполнить описание их моделей, являющихся составными частями всей моделируемой системы природопользования.

6. Инновационное моделирование позволяет провести оценку вариантов обустройства, охрану окружающей природной среды и выработать оптимальное управленческое решение с учетом эколого-мелиоративных и природоохранных требований (*Weltausstellung und Stadtteit Kronsberg, 2000*).

7. Формируются задачи усовершенствованной методики оценки рационального природопользования, на основе чего составляются алгоритмы их решения и осуществляются расчеты, по которым оцениваются итоговые показатели природохозяйственной деятельности.

Усовершенствованная методика оценки рационального природопользования предполагает наличие определенной иерархической системы, в которой периодически повторяются процессы получения и переработки информации о состоянии природных ресурсов, осуществляется принятие определенных решений, направленных на улучшение природохозяйственной деятельности. В свою очередь, система организации производственных процессов в природопользовании должна базироваться на гибком и оперативном взаимодействии всех связанных между собой компонентов природохозяйственной деятельности и охраны окружающей природной среды.

ЛИТЕРАТУРА

Александровская Л.А., Чешев А.С., Поляков В.В. (2011). Организационно-экономические аспекты агро-мелиоративного природопользования: монография. М.: Вузовская книга.

Баев Л.А., Шугуров В.Э. (1995). Системный подход к определению инновации // *Современные технологии в социально-экономических системах*. Челябинск: ЧГТУ, с. 34–37.

Буздалов И.Н. (2001). Выход из аграрного кризиса // *Аграрная наука*, № 3, с. 4–6.

Лойко П.Ф. (2000). Земельный потенциал мира и России: пути глобализации его использования в XXI веке: Учеб. пособие. М.: Федеральный кадастровый центр «Земля».

Магомадова Х.А. (2013). Инвестиционные проекты в формировании системы управления функционирования и реализации природоохранных мероприятий // *Инженерный вестник Дона*, № 2. Доступно на: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n2y2013/1613>.

Поляков В.В. (2012). Эколого-экономические факторы и их влияние на формирование агро-мелиоративных систем // *Инженерный вестник Дона*, № 1. Доступно на: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2009/250>.

Сулин М.А., Мордвинцев А.Л. (1988). Рациональное использование земель в агропромышленном комплексе. Л.: Лениздат.

Четвертаков И.М. (2009). Инновации, инвестиции и хозяйственный механизм развития сельского хозяйства: монография / Под общей ред. И.М. Четвертакова, В.П. Четвертаковой. Воронеж: Изд-во «Истоки».

Kai-Uwe Grunberg, Torsten Lipp (2004). Kommunale Landschaftsplanung in Mecklenburg-Vorpommern. Universitat Rostock.

Weltausstellung und Stadtteit Kronsberg (2000). (Der staedtebauliche Rahmen fuer die Expo 2000, Hannover). Hannover.

REFERENCES

Aleksandrovskaia L.A., Cheshev A.S., Polyakov V.V. (2011). Organizational and economic aspects of environmental management of agromeliorative: monograph. Moscow. Higher Educational Institutions book. (In Russian.)

Baev L.A., Shugurov V.E. (1995). Systematic approach to the definition of innovation. *Modern technologies in socio-economic systems*. Chelyabinsk CSTU, pp. 34–37. (In Russian.)

Buzdalov I.N. (2001). Output of the agricultural crisis. *Agricultural Science*, no. 3, pp. 4–6. (In Russian.)

Chetvertakov I.M. (2009). Innovation, investment and economic mechanism of development of agriculture: monograph. Voronezh. (In Russian.)

Kai-Uwe Grunberg, Torsten Lipp (2004). Kommunale Landschaftsplanung in Mecklenburg-Vorpommern. Universitat Rostock.

Loiko P.F. (2000). Plot of the potential of the world and Russia: the way globalization of its use in the XXI century: a tutorial. Moscow. Federal Cadastral Center "Earth". (In Russian.)

Magomadova H.A. (2013). Investment projects in the formation of a control system functioning and implementation of environmental measures. *Engineering Gazette of Don*, no. 2. Available at: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n2y2013/1613>. (In Russian.)

Polyakov V.V. (2012). Environmental and economic factors and their influence on the formation of melioration systems. *Engineering Gazette Don*, no. 1. Available at: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2009/250>. (In Russian.)

Sulin M.A., Mordvintsev A.L. (1988). Rational use of land in the agricultural sector. Lenizdat. (In Russian.)

Weltausstellung und Stadtteit Kronsberg (2000). (Der staedtebauliche Rahmen fuer die Expo 2000, Hannover). Hannover.

ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) В РФ

СОЗАНОВ В.В.,

аспирант,

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,

e-mail: vv.sozanov@mail.ru

В статье раскрываются особенности функционирования российского института медиации как альтернативного способа разрешения споров, проводится компаративный анализ транзакционных издержек проведения медиации и судебных процедур, что позволяет выявить антикризисный потенциал медиативных услуг в системе отношений несостоятельности (банкротства).

Ключевые слова: институциональный подход; институт медиации; институт банкротства; альтернативные способы разрешения споров.

INSTITUTE OF MEDIATION IN THE RELATIONS INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF THE RUSSIAN FEDERATION

SOZANOV V.V.,

Graduate student,

North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov,

e-mail: vv.sozanov@mail.ru

This article describes the features of the functioning of the Russian institute of mediation as an alternative dispute resolution method, carried out a comparative analysis of the transaction costs of mediation and judicial procedures, which allows to identify potential anti-crisis mediation services in the insolvency (bankruptcy).

Keywords: institutional approach; the institution of mediation; the bankruptcy; alternative dispute resolution.

JEL classification: G33.

Институт медиации в РФ является относительно новым посредническим институтом, с широким функциональным набором технологий по альтернативному разрешению споров хозяйствующих субъектов, в том числе и в рамках института банкротства. Институт медиации призван снизить нагрузку на арбитражные суды в делах по несостоятельности хозяйствующих субъектов. Необходимость применения механизмов медиации как элемента антикризисного управления обусловлена формированием согласованной реализации экономических интересов хозяйствующих субъектов для снижения дисфункциональности развития института банкротства как базового элемента рыночной экономики.

С этих позиций целесообразно провести компаративный анализ издержек проведения медиации и судебных процедур, позволяющий раскрыть специфику медиативной деятельности в РФ, а также выявить антикризисный потенциал медиативных услуг.

Из имеющегося многообразия моделей урегулирования споров именно медиация как форма альтернативного разрешения споров оформилась в отдельную процедуру, стала широко применяться в США, Великобритании, а затем была адаптирована в странах Европы. Институт медиации на сегодняшний день функционирует также в Китае, Корее, Индии, Австрии, Японии и других странах. В отличие от западной традиции медиации, имеющей длительную историю неформального этапа развития «снизу», российский институт медиации формируется «сверху», что сразу задает правовые рамки и границы применения данного института.

В соответствии с п. 2 ст. 2 Закона № 193-ФЗ (Закона о медиации) указывается, что «медиация – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» (*Федеральный закон от 27 июля 2010...*). В европейской традиции медиация трактуется шире, прежде всего, как процесс ведения переговоров с участием посредника: «медиация означает любой процесс вне зависимости от его обозначения, в котором две или более стороны спора прибегают к помощи третьей стороны с целью достижения соглашения о разрешении их спора, и вне зависимости от того, был ли этот процесс инициирован сторонами, предложен или назначен судом или предписывается национальным законодательством государства – члена ЕС» (*Директива 2008/52/ ЕС Европейского парламента и совета от 21 мая 2008*). Именно переговорная часть медиативной деятельности придает ей те отличительные особенности, которые позволяют сторонам конфликта найти взаимовыгодное решение, что особенно важно для участников отношений несостоятельности, которые в большей части находятся в состоянии конфликта (*Аллахвердова, Карпенко, 2010; Клер, 2006; Рондарь, 2007*).

Одной из отличительных черт медиации указывается самостоятельность разрешения спора сторонами конфликта, поскольку «медиация представляет собой самостоятельное разрешение конфликта его сторонами при поддержке нейтрального третьего лица, не обладающего полномочиями по разрешению спора» (*Семеняко, 2009*). В определении С.М. Маркова отмечается, что: «медиация – неформальное, т. е. негосударственное, конфиденциальное, равноправное, открытое, но уважительно-деликатное разрешение споров в форме диалога-диспута (однако не исключающее эмоционально-психологические методы доказывания своей правоты), толерантное (компромиссное) обсуждение и урегулирование конфликта (спора) с целью поиска взаимовыгодных интересов для последующего заключения мирового соглашения (или примирения)» (*Марков, 2010*).

Медиация рассматривается и как альтернативная судебному разбирательству форма досудебного/судебного или внепроцессуального разрешения споров и урегулирования конфликтов (а также обеспечивающий ее комплекс механизмов и технологий и процесс ее реализации), добровольно избираемая спорящими сторонами, исходя из солидарного стремления к достижению соглашения, или назначаемая уполномоченным органом и предусматривающаяся в рамках структурированной процедуры (*Каменева, 2011; Кузюнов, 2010; Шамликашвили, 2010*).

Медиативная деятельность понимается и как универсальная процедура примирения конфликтующих сторон путем их вступления в добровольные переговоры в присутствии нейтрального лица-медиатора (посредника) с целью достижения взаимопонимания и составления договора, разрешающего конфликтную ситуацию, применимую во внешней и внутренней среде предприятия (между руководителем предприятия и его работниками, между акционерами и др. стейкхолдерами компании) (*Евсеев, 2013; Бройсс, 2004*).

Одной из особенностей медиации выступает ее характеристика в качестве «коллективного управленческого решения, последовательно реализуемого в рамках специальных инструментов, технологий и сценариев по преодолению неизбежно возникающих в экономической деятельности субъектов рыночного хозяйства противоречий, предотвращению конфликтов интересов, которые возможно предотвратить посредством заключения мировых соглашений» (*Исраилова, 2009*).

Медиация имеет схожие и отличительные черты с различными другими формами посреднической деятельности в ходе разрастания конфликтов, такими как переговоры, консультирование, арбитраж, омбудсмен, мини-суд.

Переговоры как правило проводятся без участия посредника, самими «собственниками» конфликта, при этом предполагается, что стороны способны сами осуществить взаимодействие друг с другом вследствие того, что обладают необходимыми знаниями в той или иной области и/или вследствие небольшой степени разногласий (например, деловые переговоры не всегда предполагают конфликт, но в то же время переговоры в зависимости от уровня конфликта уже не могут проводиться без посредника).

В ходе *консультирования* конфликт разбирается с помощью третьей стороны – консультанта, без непосредственной встречи сторон. Данный процесс не структурирован, действия консультанта зависят от потребностей клиентов.

Арбитражное (третейский суд) – это урегулирование спора уполномоченным лицом (арбитром или группой арбитров), которое, рассмотрев обстоятельства конфликта, выносит обязательное для сторон решение.

Аппарат *омбудсмен* как форма альтернативного разрешения споров предполагает участие посредника, который, являясь должностным уполномоченным представителем какой-либо организации (например, университета, больницы, редакции газеты и т. д.), расследует различные жалобы и споры. Омбудсмен, выслушав стороны, рекомендует им то или иное решение конфликта. При этом стороны не обязаны следовать этим рекомендациям.

Мини-суд применяется для урегулирования коммерческих споров – процесс обладает внешним сходством с судебной процедурой (это своеобразная «репетиция суда») и представляет собой урегулирование спора с участием руководителей корпораций, юристов и третьего независимого лица, возглавляющего слушание дела.

Различные подходы в трактовке института медиации как посреднической деятельности в разрешении конфликтов и споров отражены на рис. 1¹.

Рис. 1. Различные подходы в трактовке института медиации как посреднической деятельности в разрешении конфликтов и споров

Следует отметить, что различные подходы к пониманию института медиации отражают различные аспекты данного системного явления, включая процессные элементы (процесс ведения переговоров), функциональную форму (альтернативная судебной форме разрешения споров), улавливают последовательность определенных структурных элементов (процедурные механизмы и способы урегулирования споров), подчеркивается универсальность медиации и ее добровольность. В экономическом аспекте наиболее важной выступает сущностная характеристика медиации как управленческих решений по согласованию интересов хозяйствующих субъектов. Таким образом, институт медиации как системное и многоплановое явление может рассматриваться с различных сторон, имея как экономическую, правовую, так и социальную специфику реализации своей сущностной природы.

Рассматривая медиацию как особую форму управленческих решений по согласованию интересов хозяйствующих субъектов, отметим ряд особенностей, которые контрастируют с традиционным судебным процессом, часть из них рассматривается специалистами как преимущества. В ходе анализа литературы был составлен перечень таковых в сравнении с особенностями способа разрешения конфликтов, основанного на правовом регулировании в суде. Сравнительный анализ медиации и судебного разбирательства отражен в табл. 1²

¹ Составлено автором.

² Составлено автором по: Азбука медиации, 2011; Архипкина, 2011; Пель, 2009.

Таблица 1

Сравнительный анализ медиации и судебного разбирательства

Характеристики/критерии	Судебное разбирательство	Медиация
1. Репутационные риски	Высокие, т. к. имеет место открытость, публичность процесса	Минимальные риски публичного оглашения спора
2. Цель	Цель – выиграть процесс, привлечь на свою сторону суд, присяжных, свидетелей и т. д.	Цель – разрешить конфликт, примириться, достичь консенсуса, урегулировать спор
3. Участники	Участники подчиняются требованиям регламента, нормам поведения в суде, не имеют права принимать решения и выбирать судью. Процесс может начаться вопреки воле одной из сторон	Участники могут регулировать порядок процедуры примирения (или вовсе отказаться от нее в любой момент), имеют право принимать решения и выбирать посредника. Добровольность участия. Выбор медиатора, СРО медиаторов
4. Время и затраты процедуры	Длительный процесс (от нескольких месяцев до года). Затраты на судебное разбирательство значительны (уплата госпошлины, гонорары за представительство в суде)	Оперативный процесс медиации (1–3 дня). Затраты на медиацию незначительны. Оплата услуг медиатора – по согласованию сторон
5. Решение	Решение принимается в соответствии с нормами права	Решение принимается в рамках закона, но с учетом интересов сторон
6. Место проведения	Место проведения – зал судебных заседаний, жесткий регламент	Место проведения – гибкое. Нейтральная территория по выбору сторон, нежесткий регламент. Медиативная комната. Использование Интернет-технологий позволяет проводить процедуру в любое время и в любом месте
7. Язык процедуры	Сухой язык права, не всегда понятный непрофессиональным участникам (наличие клише и речевых штампов)	Понятный для участников сессии язык
8. Основной принцип	Принцип состязательности – победа одной из сторон (суд, как правило, принимает сторону участника с более весомым правовым аргументом)	Принцип состязательности и совещательности – удовлетворение интересов обеих сторон, компромисс, соавторство спорящих сторон
9. Сохранение взаимодействия сторон	Только в рамках судебных процедур	Медиация применяется в досудебном, судебном, постсудебном взаимодействии сторон
10. Результат	Результат – вынесение судебного авторитарного решения, определение вины и ответственности одного участника в пользу другого. Неудовлетворенность сторон. Результат мало предсказуем	Результат – выработка медиативного соглашения отражающего взаимоприемлемое решение спора, нет проигравших. Взаимная удовлетворенность сторон. Результат предсказуем

Сравнительный анализ разрешения споров с применением процедур медиации и судебных споров показал, что в определенных ситуациях и по ряду критериев процедура медиации более предпочтительна, чем судебное разбирательство. Среди данных критериев следует отметить возможность сокращения сроков, взаимную удовлетворенность сторон, сохранение контроля над конфликтом участников спора, сохранение и поддержание деловых отношений в перспективе, низкие репутационные риски.

Итак, медиация, представляющая собой одну из форм альтернативного разрешения споров, развилась в самостоятельную технологию и стала рассматриваться в качестве узаконенной примирительной процедуры, альтернативы по отношению к официальному правосудию, к судебной системе государства.

Российский институт медиации еще достаточно новое образование, а для отношений несостоятельности, имеющих повышенную конфликтность, он не просто целесообразен, а крайне необходим, поскольку обладает значительным антикризисным потенциалом для участников института банкротства. Институт банкротства в РФ имеет ярко выраженную ликвидационную направленность, высокую степень остроты конфликта при ликвидации имущества должника, что приводит к дисфункциональности развития всего института банкротства, низкой эффективности в реализации его восстановительной и предупредительной функций.

Однако добровольность медиации для российских «собственников» конфликта иногда выступает недостаточным основанием для его применения. Введение обязательной медиации в отношениях несостоятельности является вполне закономерным результатом развития института банкротства, с учетом многосубъектности, сложности и дороговизны судебных процедур, остроты конфликтов между должником и кредиторами.

Кроме того, в отношениях несостоятельности (банкротства) медиативная деятельность необходима при решении специфических задач в рамках данного института, а именно при рассмотрении жалоб на действия арбитражного управляющего, при оспаривании сделок должника, при привлечении к субсидиарной ответ-

ственности, оспаривании решений собраний кредиторов и т. д. Более того, профессиональный медиатор необходим и самому арбитражному управляющему, испытывающему существенное давление со стороны «собственников» конфликта – должника и кредиторов, это позволит сохранить баланс интересов и кредитора, и должника.

Таким образом, развитие института медиации в отношениях несостоятельности (банкротства) является необходимым условием снижения его дисфункциональности, повышения его восстановительной и предупредительной функций.

ЛИТЕРАТУРА

Азбука медиации (2011). Сост., ред. С. Ташевский, Ц.А. Шамликашвили. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования.

Архипкина А.С. (2011). Институт медиации в современном праве // *Сибирский юридический вестник*, no. 1. Иркутск: Изд-во ИГУ, с. 167–170.

Аллахвердова О.В., Карпенко А.Д. (2010). Медиация – переговоры в ситуации конфликта. СПб., с. 130.

Бройсс Б. (2004). Школа – поле конфликтов // Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями; сост. Г. Мета, Г. Похмелкина; пер. с нем. Г. Похмелкиной. М.: VERTE, с. 119–123.

Директива 2008/52/ ЕС Европейского парламента и совета от 21 мая 2008 г. относительно некоторых аспектов медиации в гражданских и коммерческих делах // Сайт Медиатор. Доступно на: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-2308>.

Евсеев А.С. (2013). Медиация – универсальная технология разрешения споров / А.С. Евсеев. Доступно на: <http://www.mosmediator.narod.ru>.

Исраилова Э.А. (2009). Механизм согласования экономических интересов субъектов рыночного хозяйства: автореф. дис. ... канд. экон. наук. 08.00.01. Ростов н/Д.

Каменева П.В. (2011). Медиация в России, или Альтернативная процедура урегулирования спора с участием посредника // *Юрист-правовед*. Ростов н/Д.: Рост. юрид. ин-т МВД РФ, № 3, с. 45–48.

Клер Э. (2006). Нотариат и медиация // *Нотариат за рубежом: позитивный опыт. Центр нотариальных исследований: Материалы и статьи*, № 7, с. 180.

Кузянов А.В. (2010). Медиация как альтернативный порядок рассмотрения споров // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, № 12, с. 292–295.

Марков С.М. (2010). Медиация – альтернативный метод разрешения конфликтов (споров) // *Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права*. Хабаровск: Изд-во ХГАЭП, № 3, с. 42–59.

Пель М. (2009). Приглашение к медиации: практическое руководство о том, как эффективно предложить разрешение конфликта посредством медиации. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования.

Рондарь Н.В. (2007). Направления совершенствования организационно-правового механизма регулирования института банкротства // *Экономика и управление собственностью*, № 2, с. 35.

Семеняко М.Е. (2009). Посредничество (медиация) в системе альтернативных способов разрешения конфликтов // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. М., № 1, с. 43–47.

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)» (2002). Консультант Плюс: справ. Правовая система. Интернет-версия. Доступно на: <http://nalog.consultant.ru/doc1250>.

Шамликашвили Ц. (2010). Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров. Что необходимо знать судье, чтобы компетентно предложить сторонам обращение к процедуре медиации. М., Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, с. 160.

REFERENCES

The ABCs of Mediation (2011). Moskva. Interregional Centre management and policy advice. (In Russian.)

Arkhipkina A.S. (2011). Institute of mediation in modern law. *Siberian Law Gazette*, no. 1. Irkutsk, pp. 167–170. (In Russian.)

Allakhverdova O.V., Karpenko A.D. (2010). Mediation – negotiations in a conflict situation. SPb., p. 130. (In Russian.)

Broyss B. (2004). School field conflicts. Mediation – the art of resolving conflicts. Familiarity with the theory, methods and professional technologies. Moscow. pp., 119–123. (In Russian.)

Claire E. (2006). Notary and mediation. *Notary abroad: positive experience. Center notarial studies*, № 7, p. 180. (In Russian.)

Directive 2008/52 / EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 concerning certain aspects of mediation in civil and commercial matters. Site mediators. Available at: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-2308>. (In Russian.)

Israilov E.A. (2009). The mechanism of coordination of economic interests of the market economy: the Abstract. Rostov-on-Don. (In Russian.)

Kamenev P.V. (2011). Mediation in Russia, or an alternative dispute settlement procedure involving a mediator. *Lawyers*. Rostov-on-Don, no. 3, pp. 45–48. (In Russian.)

Kuzyanov A.B. (2010). Mediation as an alternative dispute settlement procedure. *Actual problems of the humanities and the natural sciences*, no. 12, pp. 292–295. (In Russian.)

Markov S.M. (2010). Mediation is an alternative method of resolving conflicts (disputes). *Bulletin of Khabarovsk State Academy of Economics and Law*. Khabarovsk, no. 3, pp. 42–59. (In Russian.)

Pel M. (2009). Invitation to mediation: a practical guide on how to effectively offer conflict resolution through mediation. Moscow. (In Russian.)

Rondar N.V. (2007). Directions for improving the organizational and legal mechanism for regulating the institution of bankruptcy. *Economy and management of the property*, no. 2, p. 35. (In Russian.)

Semenyako M.E. (2009). Mediation (mediation) in the alternative ways of resolving conflicts. *Proceedings of the Russian Academy of lawyers and notaries*. Moscow, no. 1, pp. 43–47. (In Russian.)

Shamlikashvili C. (2010). Mediation as an alternative dispute resolution procedure. What you need to know the judge is competent to invite the parties to an appeal to the mediation procedure. Moscow. *Interregional Centre management and policy advice*, p. 160. (In Russian.)

The Federal Law of July 27, 2010 no. 193-FZ "On the Alternative Dispute Resolution involving mediation (mediation procedure)" (2002). Consultant Plus. Internet version. Available at: <http://nalog.consultant.ru/doc1250>. (In Russian.)

Yevseyev A.C. (2013). Mediation universal technology of dispute resolution. Available at: <http://www.mosmediator.narod.ru>. (In Russian.)

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ КЛАСТЕРНЫХ ИНИЦИАТИВ

КАПЛИНА А.В.,

кандидат экономических наук, доцент, докторант,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
e-mail: nastasiy84@mail.ru

В статье «Стратегическая диагностика региональной системы финансирования кластерных инициатив» реализуется концепция полиаспектной оценки региональной системы финансирования проектов кластеризации и предлагается методический инструментарий стратегической диагностики ее состояния с целью определения финансово обоснованных направлений формирования кластеров в регионе.

Ключевые слова: финансирование; кластерные проекты; стратегическая диагностика; региональная система.

STRATEGIC DIAGNOSTICS OF REGIONAL SYSTEM OF FINANCING OF CLUSTER INITIATIVES

KAPLINA A.V.,

PhD, Associate Professor,
Rostov state economic university (RSEU),
e-mail: nastasiy84@mail.ru

In the article «Strategic Diagnostics of Regional System of Financing of Cluster Initiatives» the concept of a polyaspect assessment of regional system of financing of projects of a clustering is realized and the methodical tools of strategic diagnostics of its state for the purpose of definition of financially reasonable directions of formation of clusters in the region are offered.

Keywords: financing; cluster projects; strategic diagnostics; regional system.

JEL classification: O16, O18.

Формирование конкурентоспособных кластеров непосредственно связано с состоянием системы финансирования соответствующих проектов в регионах, поскольку позволяет определять финансово обоснованные варианты региональной кластеризации. В то же время в современной российской науке не выработано единой модели оценивания системы финансирования какого-либо направления регионального развития, несмотря на то, что осуществление любого проекта в рамках региональной политики всегда сопровождается оценкой его результативности. Как правило, отечественные экономисты, проводя оценку финансового состояния региона, сращивают данное понятие с оценкой бюджетной эффективности. Это обусловлено тем, как отмечает С.В. Зенченко, что большинство исследователей рассматривают бюджет как главный источник ресурсной базы региона, не рассматривая при этом другие источники финансирования (Зенченко, 2008). Вместе с тем именно в процессах региональной кластеризации наиболее активно (а при качественном управлении – наиболее эффективно) осуществляется пространственное регулирование ресурсных потоков, которое может

быть представлено как обеспечение связывания ресурсов на определенной территории в заданном объеме (в соответствии с потребностями в них проектов кластеризации) и в установленные сроки. Учитывая постоянный динамизм и перманентную изменчивость факторов, определяющих величину и структуру внутри- и межрегиональных ресурсных потоков, одной из важных задач региональной экономики является разработка формализованного инструментария для проведения объективной оценки финансового потенциала региона с целью его ориентации на использование в проектах кластеризации (Матвеева, Чернова, 2013).

Отметим в данной связи, что наиболее распространенная в практике управления стратегическим развитием регионов Методика комплексной оценки финансового положения и качества управления финансами субъектов РФ и муниципальных образований, разработанная Министерством финансов РФ, № 223 от 02.08.2004 г., также основана на принципах оценки бюджетной эффективности. Данная методика предполагает использование системы индикаторов, для каждого из которых установлены критические значения максимального риска неплатежеспособности (наихудшее качество управления финансами) и минимального риска неплатежеспособности (оптимальное качество управления финансами). Если значение индикатора находится за пределами критического значения максимального риска неплатежеспособности, то оценка индикатора равна 0, если за пределами критического значения минимального риска неплатежеспособности, – оценка равна 1, если между двумя критическими значениями – индикатору присваивается оценка от 0 до 1. Максимально возможное количество баллов, характеризующее наилучшее финансовое положение и качество управления финансами, равно 30.

Очевидно, что специфика финансовых отношений при реализации кластерной политики в регионе не предполагает возможности использования данной методики для характеристики состояния системы финансирования кластерных инициатив. Оценка эффективности финансирования отдельных направлений регионального развития в настоящее время является объектом исследования многих ученых и, учитывая споры о достоверности результатов, полученных с применением той или иной методики, остается актуальной проблемой и в настоящее время.

В данной статье предлагается трехшаговая методика стратегической диагностики состояния региональной системы финансирования кластерных инициатив (см. рис. 1).

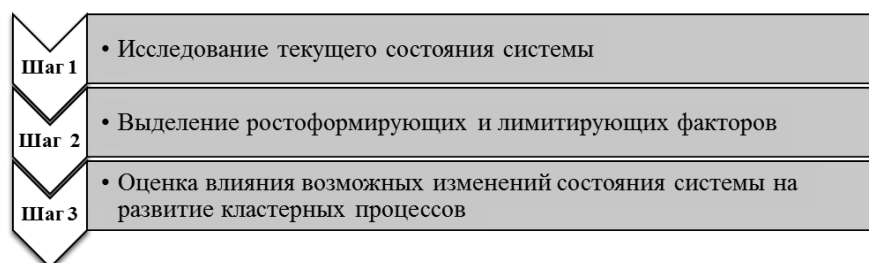

Рис. 1. Этапы диагностики состояния региональной системы финансирования кластерных инициатив

Шаг 1. Исследование текущего состояния системы.

Учитывая, что кластерные проекты представляют собой достаточно сложную систему взаимосвязанных разноаспектных компонент, задача оценки состояния системы финансирования кластерных инициатив относится к типу слабоструктурированных многокритериальных задач, для решения которых могут быть использованы методы анализа иерархий. Формирование иерархической модели позволяет определить множество показателей, характеризующих в совокупности состояние системы финансирования, что предполагает выделение следующих комплексных групп показателей оценки уровня организации системы финансирования, отличающихся высоким уровнем агрегации:

1. *Организационно-управленческий блок* – группа показателей, характеризующих деятельность субъектов, которые осуществляют функции пространственно-временной координации финансовых потоков для реализации кластерных инициатив.

2. *Организационно-инфраструктурный блок* – группа показателей, определяющих уровень развития отношений финансирования между субъектами, формирующими кластер.

3. *Институциональный блок* – группа показателей, описывающих уровень институционализации процессов финансирования кластерных инициатив в регионе.

4. *Результативный блок* – группа показателей, характеризующих соответствие потенциала системы финансирования целям реализации кластерной политики в регионе с учетом современных тенденций модернизации и инновационного развития национальной экономики.

Показатели, на основании которых производится оценка каждого блока, могут иметь количественную или количественно-качественную форму. Иными словами, предлагаемый методический подход к проведению оценки системы финансирования кластерных инициатив в регионе позволяет сформировать модель состояния данной системы через совокупность количественных и качественных показателей, которые отражают ее способность к финансовому обеспечению процессов кластеризации в регионе. При определении состава показателей С.В. Зенченко рекомендует учитывать следующие требования:

- возможность оценивания различных направлений и сфер развития региональной системы финансирования;
- применение оценочно-аналитических показателей на различных уровнях управления развитием системы финансирования;
- обеспечение в результате оценочно-аналитических процедур стимулирования регионов к наращиванию их финансового потенциала;
- проведение оценки, не требующее специальных знаний и специальной подготовки по работе с математическим и статистическим аппаратом в связи с ограниченностью квалифицированных кадров на региональном и местном уровне (Зенченко, 2008).

Шаг 2. Выделение ростоформирующих и лимитирующих факторов развития финансовой системы.

Осуществление данного этапа имеет большое значение для повышения эффективности управления функционированием и развитием системы, поскольку в соответствии с одним из универсальных законов теории организации, известным как закон наименьших, суммарная устойчивость целого определяется наименьшей его частичной устойчивостью (Богданов, 2009). То есть эффективность системы финансирования кластерных инициатив будет зависеть от того, в какой мере используется и вовлекается в процесс ее функционирования каждая составляющая и насколько она «устойчива» по отношению к направленным на нее воздействиям. Поэтому выделение ростоформирующих и лимитирующих факторов развития системы является важным этапом диагностики ее состояния. При этом в стратегической диагностике первоочередным является выделение тех факторов, которые имеют определяющее значение, т. е. проведение процедуры ранжирования факторов по степени их важности для развития системы финансирования. Методическая последовательность проведения оценки важности факторов осуществляется в два этапа (см. рис. 2).

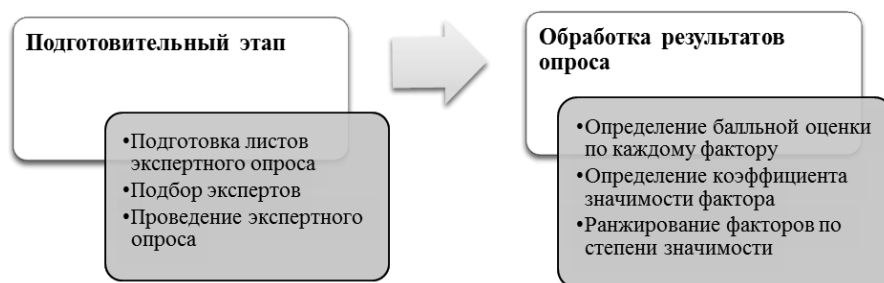

Рис. 2. Этапы оценки степени важности факторов

Перечень факторов, характеризующих в совокупности степень благоприятности условий для функционирования региональной системы финансирования, определяется в соответствии с ее иерархической моделью. Для оценки степени значимости факторов в развитии системы финансирования предполагается применение весовых коэффициентов.

На подготовительном этапе важно правильно сформировать экспертную группу, руководствуясь следующими методологическими принципами, обеспечивающими баланс интересов различных субъектов кластерной политики в регионе:

- в состав экспертной группы включаются специалисты, компетентные в области региональных финансов, регионального управления, финансового менеджмента (соответствие квалификационному уровню);
- группа экспертов состоит из представителей региональной и муниципальной власти, бизнес-сообщества, научно-образовательной сферы, заинтересованных в формировании кластеров (требования к составу);
- обеспечение «равноправия» мнений экспертов различного уровня компетенции.

Затем осуществляется обработка результатов экспертного опроса и агрегирование взвешенных оценок в итоговый балл.

Шаг 3. Оценка влияния возможных изменений состояния системы на развитие кластерных процессов.

Изменение состояния региональной системы финансирования может осуществляться как целенаправленно, в результате управляющих воздействий органов власти субъектов РФ, так и определяться изменениями внешней среды.

Внешнее влияние может оказывать воздействие со стороны спроса на услуги финансирования. В частности, речь идет об уровне развития инновационного предпринимательства, осуществляющего деятельность на территории региона. При оценке влияния фактора «финансовый потенциал инновационного предпринимательства в регионе» необходимо учитывать, что он представляет собой динамическую характеристику, детерминируемую, с одной стороны, внутренними возможностями хозяйствующего субъекта или группы взаимодействующих субъектов к реализации кластерных проектов, с другой стороны, – специфическими региональными условиями. Отметим, что в официальной статистике практически отсутствуют данные, характеризующие деятельность малого и среднего предпринимательства, что не способствует точности проводимых оценок. Например, значение такого важного индикатора развития малого бизнеса, как численность малых предприятий, в разных источниках информации различается в несколько раз. Еще менее изученными и относимыми к числу наиболее сложных задач являются вопросы оценки инновационной деятельности предприятий и организаций, в том числе в сфере реализации кластерных проектов. Тем не менее, не вызывает сомнений, что даже приближенные характеристики представляют ценность для принятия решений, ориентированных на стимулирование процессов формирования и развития региональных кластеров.

Уровень финансового потенциала инновационного предпринимательства как компонента инновационного поля, определяющего спрос на услуги финансирования кластерных инициатив в регионе, целесообразно оценивать в следующих аспектах:

- наличие у предприятий и организаций финансовых возможностей к реализации проектов модернизации и инновационного развития;
- проявление инновационной активности, включая проведение научных исследований и разработок, получение патентов, создание и использование передовых производственных технологий;
- полученные результаты инновационной деятельности (товары, работы и услуги).

Для оценки финансового потенциала инновационного предпринимательства предлагается использовать данные Роскомстата, являющиеся наиболее надежным и доступным источником информации, а также данные о результатах реализации региональных Программ социально-экономического развития территории, размещенные на официальных сайтах органов власти субъектов РФ. В их числе: сумма прибыли организаций; удельный вес прибыльных организаций; затраты на технологические инновации; поступление патентных заявок; число созданных и используемых передовых производственных технологий; инновационная активность организаций (предприятий); доля инновационной продукции в общем объеме производства товаров, работ, услуг.

Также внешнее воздействие может быть оказано со стороны предложения услуг финансирования кластерных инициатив. Влияние данных факторов может проявляться в изменении следующих показателей:

- количество объектов финансовой инфраструктуры, предоставляющих услуги финансирования кластерных проектов;
- объем бюджетов венчурных фондов;
- объем бюджетных средств, выделяемых в рамках федеральных и региональных программ для финансирования кластерных инициатив;
- доля налоговых кредитов и льгот, предоставленных субъектам кластера, в общем объеме налоговых поступлений.

Оценивая степень воздействия изменений состояния системы финансирования на развитие кластерных инициатив в регионе, следует определить, в какой мере они влияют на спрос и предложение финансовых ресурсов. На основании этого анализа принимается решение о необходимости осуществления управляющих воздействий для повышения уровня сбалансированности развития системы. Как правило, в основе данных воздействий лежит либо необходимость преодоления ограничивающего воздействия изменений внешней среды, либо обеспечение функциональной преемственности ростопоподдерживающих факторов. Обоснование целесообразности изменения тех или иных факторов основывается на их ранжировании по величине коэффициента значимости. Алгоритм процедуры стратегической диагностики системы финансирования кластерных инициатив в регионе представлен в виде ряда этапных действий (см. рис. 3).

Рис. 3. Алгоритм процедуры стратегической диагностики состояния региональной системы финансирования кластерных инициатив

Таким образом, стратегическая диагностика представляет собой один из важных инструментов повышения эффективности функционирования региональной системы финансирования кластерных инициатив, позволяющих на основе оценки ее состояния, выявления факторов, оказывающих ростоформирующее и лимитирующее воздействие и обуславливающих изменения данного состояния, выработать действенные меры по формированию благоприятных условий для реализации кластерной политики в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов А.А. (2009). Очерки организационной науки // Lib.ru/Классика. Доступно на: http://az.lib.ru/b/bogdanow_aleksandr_aleksandrowich/text_0030.shtml.
- Зенченко С.В. (2008). Анализ методов оценки финансового потенциала региона // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Экономика», № 8.
- Матвеева Л.Г., Чернова О.А. (2013). Моделирование процессов управления ресурсными потоками в целях развития периферийных территорий // Terra economicus, № 3.

REFERENCES

- Bogdanov A.A. (2009). Sketches of organizational science. Lib.ru/classics. Available at: http://az.lib.ru/b/bogdanow_aleksandr_aleksandrowich/text_0030.shtml. (In Russian.)
- Matveeva L.G., Chernova O.A. (2013). Modeling of management processes by resource streams for development of peripheral territories. Terra economicus, no. 4. (In Russian.)
- Zenchenko S.V. (2008). Analysis of methods of an assessment of financial capacity of the region. Collection of scientific works of NCSTU. Economy series, no. 8. (In Russian.)

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ КАЗНАЧЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САРАНЦЕВ В.Н.,

кандидат экономических наук, доцент,
Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
e-mail: kvnraritet@mail.ru

Организация и обеспечение кассового исполнения федерального бюджета, контроль за использованием бюджетных средств и формирование бюджетной отчетности – ответственный этап бюджетного процесса. Роль Федерального казначейства в его исполнении трудно переоценить. На современной стадии реформирования бюджетной системы становятся особенно актуальными вопросы формирования целостной концепции казначейского исполнения бюджета и проработки теоретических и методологических вопросов эффективного механизма реализации Казначейством России своих функций.

Ключевые слова: государственные финансы; казначейство; бюджет; функции.

THE MODERN MODEL OF THE ORGANIZATION OF THE TREASURY SYSTEM OF BUDGET EXECUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

SARANTSEV V.N.,

PhD, associate Professor of the Department of Finance, credit and taxation,
Volga Region Institute of Management named after Stolypin P.A.
(the branch of RANKhGS under the President of Russian Federation), Saratov,
e-mail: kvnraritet@mail.ru

Organization and provision of cash execution of the Federal budget, control over the use of budget funds and budget reporting important stage of the budget process. The role of the Federal Treasury in its execution is difficult to overestimate. At the current stage of reforming the budget system become especially topical issues of formation of an integral conception of the Treasury execution of the budget and elaboration of theoretical and methodological questions of the effective mechanism of realization of the Treasury of Russia, its functions.

Keywords: public Finance; the Treasury; the budget; functions.

JEL classification: P43, H61.

В систему органов, обладающих полномочиями в сфере исполнения бюджета, входят финансовые органы, органы денежно-кредитного регулирования и органы государственного (муниципального) финансового контроля, каждый из которых выполняет свои задачи и действует в рамках установленных полномочий.

Ведущую роль в процессе исполнения бюджета играют казначейские органы.

Казначейство России находится в ведении Министерства финансов РФ и является федеральным органом исполнительной власти (федеральной службой), осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации правоприменительные функции по обеспечению исполнения федерального бюджета, кассовому обслуживанию исполнению бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, предварительному и текущему контролю за ведением операций со средствами федерального бюджета главными распорядителями, распорядителями и получателями средств федерального бюджета (рис. 1).

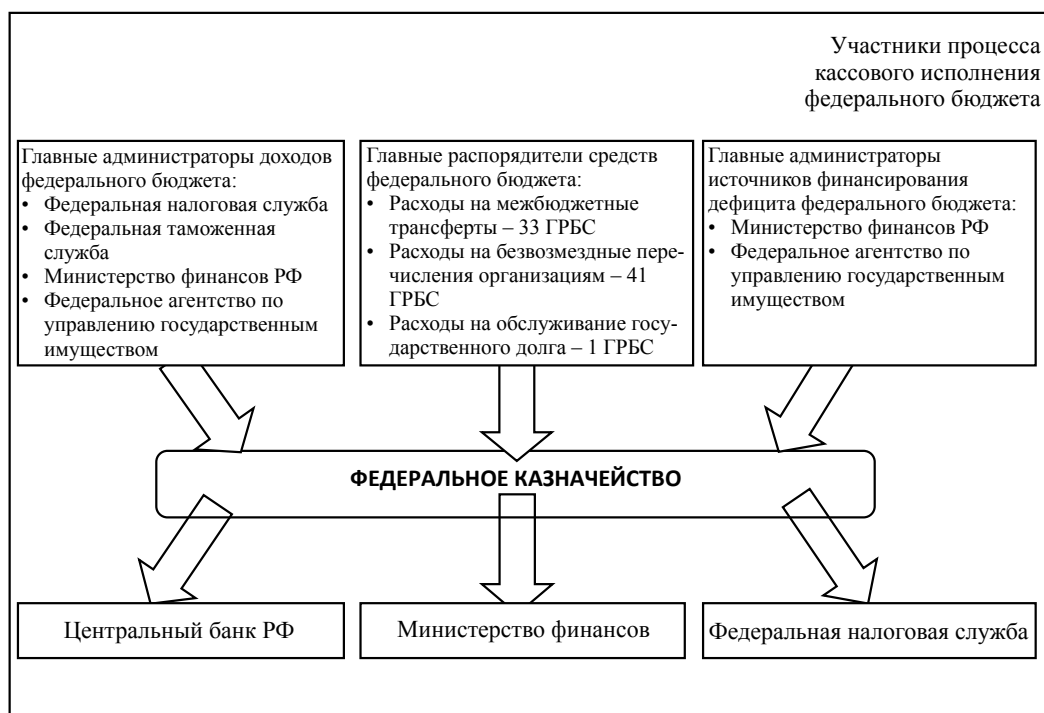

Рис. 1. Взаимодействие участников процесса составления кассового плана исполнения федерального бюджета

Федеральное казначейство осуществляет деятельность через свои территориальные органы во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, Центральным банком Российской Федерации, общественными объединениями и иными организациями (рис. 2).

С момента создания казначейской системы в России технологии, используемые Федеральным казначейством, существенно изменились. К наиболее значимым нововведениям следует отнести:

- внедрение инновационных платежных технологий, повлекшее за собой централизацию функций, возложенных на казначейские органы;
- ввод в эксплуатацию принципиально нового программного обеспечения автоматизированной системы Федерального казначейства, приведший к снижению трудоемкости казначейских операций (Прокофьев, 2013. С. 10).

Данные обстоятельства породили необходимость оптимизации функциональной структуры Федерального казначейства, которая на сегодняшний день уже практически завершилась.

Рис. 2. Место целей и задач развития Федерального казначейства в системе развития государственного управления

Целью оптимизации функциональной структуры Федерального казначейства являлось в первую очередь повышение эффективности и результативности деятельности казначейской системы путем исключения дублирования функций на разных уровнях органов Федерального казначейства и сокращения излишних административно-хозяйственных расходов (Лукашов, 2012. С. 28).

К основным задачам, которые необходимо было выполнить для оптимизации функциональной структуры Федерального казначейства, относятся:

- оптимизация структуры, функциональной и организационной деятельности ЦАФК, УФК и ОФК;
- сокращение количества участников бюджетного процесса¹;
- сокращение расходов на содержание казначейской системы с учетом инфляции не менее чем на 10% годовых лимитов бюджетных обязательств (Каишурина, 2013. С. 50).

В ходе проведения операций по оптимизации функциональной структуры Федерального казначейства должны быть достигнуты следующие основополагающие результаты.

Во-первых, важнейшей *стратегической задачей оптимизации* было создание принципиально нового специализированного государственного финансового учреждения для концентрации ряда операционных функций. Такой организацией стало **Межрегиональное операционное управление Федерального казначейства (МОУ)**. Потребность создания подобного учреждения в России была вызвана, в первую очередь, необходимостью децентрализации и концентрации операционных функций в едином органе с обеспечением высокого уровня качества обслуживания клиентов. Клиентами МОУ являются: главные распорядители бюджетных средств (ГРБС); главные администраторы бюджетных поступлений (ГАБП); главные администраторы источников финансирования бюджетного дефицита (ГАИФД); органы управления государственных внебюджетных фондов (ГВБФ).

Во-вторых, возникновение насущной необходимости оптимизации структуры уже существующих органов Федерального казначейства было вызвано потребностью ликвидации третьего уровня казначейской системы России (отделений Федерального казначейства) путем присоединения их в качестве структурных подразделений (отделов) к УФК. Основной задачей этих отделов становится осуществление взаимодействия с участниками бюджетного процесса, при этом все остальные переданы на уровень УФК. Этот шаг вызван в первую очередь развитием информационных и платежных технологий (Саранцев, 2010).

Таким образом, новая структура Федерального казначейства в результате завершения оптимизации его структуры представлена двумя уровнями, на первом из которых располагается Центральный аппарат Федерального казначейства, на втором – Управление Федерального казначейства на местах, а также новообразованный орган Межрегиональное операционное управление Федерального казначейства (МОУ).

Функции органов Федерального казначейства, как и казначейское исполнение бюджетов, в своей основе исходят из принципов единства фонда денежных ресурсов государства и единства их кассы, выражающихся в том, что все поступления в бюджетную систему страны и их расходование, осуществляемые через единые счета федерального и территориальных (региональных и местных) бюджетов, учитываются в едином государственном органе – системе органов Федерального казначейства, представляющего интересы государства, под постоянным надзором которого должно находиться движение этих средств, обеспечивая их кассовое обслуживание и контроль за соблюдением требований единства бюджетной системы государства (по существу, единых принципов бюджетной системы) (Шмидт, 2014. С. 45).

Типологизировать функции Федерального казначейства мы предлагаем, выделив функции, характерные для Российской Федерации в целом и для публично правовых образований.

Казначейство России – один из наиболее динамично развивающихся финансовых органов Российской Федерации. В ходе реализации Концепции оптимизации структуры и функций Федерального казначейства упраздняются утратившие актуальность и выводятся новые функции. Исходя из этого, мы предлагаем свою *группировку функций Федерального казначейства*, подразделив их на четыре основные группы, такие как операционные, учетные, контрольные, дополнительные.

Мы предлагаем все функции разделить на следующие группы: (рис. 3): Операционные, Учетные, Контрольные, Дополнительные.

В соответствии с перечисленными функциями, общий механизм модели организации казначейской системы исполнения бюджета представлен на рис. 4. Основных участников бюджетного процесса, включая Федеральное казначейство, и их роль в данном процессе можно охарактеризовать следующим образом:

1. Правительство РФ (Минфин):
 - 3-летний план расходов в 11 разделах ст. 21 Бюджетного кодекса (бюджетная «горизонталь»);
 - классификация расходов: функциональная, ведомственная, программная, экономическая.
2. Бюджетирование (Минфин, Федеральное казначейство):
 - высший уровень: агрегатные лимиты расходов;
 - средний уровень: лимиты для каждого раздела (Федеральное казначейство);
 - низший уровень: автономия (Федеральное казначейство в пределах лимитов).
3. Управление результативностью (Минфин, Федеральное казначейство, Минэкономразвития):
 - оценка результативности программ;
 - усиление связи результативности программ с бюджетом.
4. Цифровой бюджет и бюджетный учет (Федеральное казначейство):
 - программное бюджетирование;
 - учет капитальных затрат методом начисления;
 - компьютеризация учета.

¹ По главе 100 «Федеральное казначейство», количество участников бюджетного процесса насчитывает 2190 (по состоянию на 01.10.2010).

Рис. 3. Предлагаемая группировка функций Казначейства России

В результате реализации предложенной модели осуществление Федеральным казначейством данной подгруппы функций позволит обеспечить *взаимоувязку и неразрывность процессов исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, проведение государственных (муниципальных) закупок и учета государственных (муниципальных) контрактов*, а также полноту контроля и анализа процессов размещения государственных (муниципальных) заказов, заключение и исполнение государственных (муниципальных) контрактов. Понятия контракта и государственной услуги мы относим к ключевым моментам программного бюджета.

Совершенствование функциональной структуры казначейской системы исполнения бюджета дает возможность увеличить эффективность всей системы управления государственными финансами. Рассмотренные нами расширения полномочий Федерального казначейства дают возможность выйти на качественно новый уровень не только этапа исполнения бюджета, но и фазы его формирования (планирования). Более того, подобное преобразование казначейской системы, основанное на модели активной системы исполнения бюджета с использованием в качестве инструмента помимо лимитов бюджетных средства бюджетных ассигнований с широким функциональным набором, наиболее полно, с нашей точки зрения, отражает происходящий процесс бюджетного реформирования – переход к программному бюджету.

ЛИТЕРАТУРА

- Кашурина Л.В. Отдельные вопросы формирования бюджетной отчетности // *Бюджетный учет*, 2013, № 10.
 Лукашов А.И. Эволюция кассового обслуживания исполнения региональных и местных бюджетов // *Финансы*, 2012, № 8.
 Прокофьев С.Е. Кассовое обслуживание расходной части федерального бюджета: состояние и перспективы // *Финансы*, 2013, № 4.
 Саранцев В.Н. Сравнительный анализ функций казначейских органов зарубежных стран // *Бюджет*, 2010, № 1, Режим доступа: <http://bujet.ru/article/69253.php>.
 Шмидт Ю.В. Роль и функции органов Федерального казначейства в контрактной системе // *Экономика Алтайского края*, 2014, № 1 (29).

REFERENCES

- Kashurina L.V. (2013). Some questions of formation of budget reporting. *Budget accounting*. 2013, no. 10, pp. 48–55. (In Russian.)
 Lukashov A.I. (2012). Evolution cash service of execution of regional and local budgets. *Finance*. 2012, no 8, pp. 25–29. (In Russian.)
 Prokofiev S.E. (2013). Cash service of the expenditure side of the Federal budget: the state and prospects. *Finance*. 2013, no. 4, pp. 4–13. (In Russian.)
 Sarantsev V.N. (2010). Comparative analysis of the functions of Treasury bodies of foreign countries. *Budget*. 2010, no. 1. Available at: <http://bujet.ru/article/69253.php>. (In Russian.)
 Schmidt J.V. (2014). Role and functions of the bodies of the Federal Treasury in the contract system. *Economics of the Altai territory*. 2014, no. 1 (29), pp. 44–49. (In Russian.)

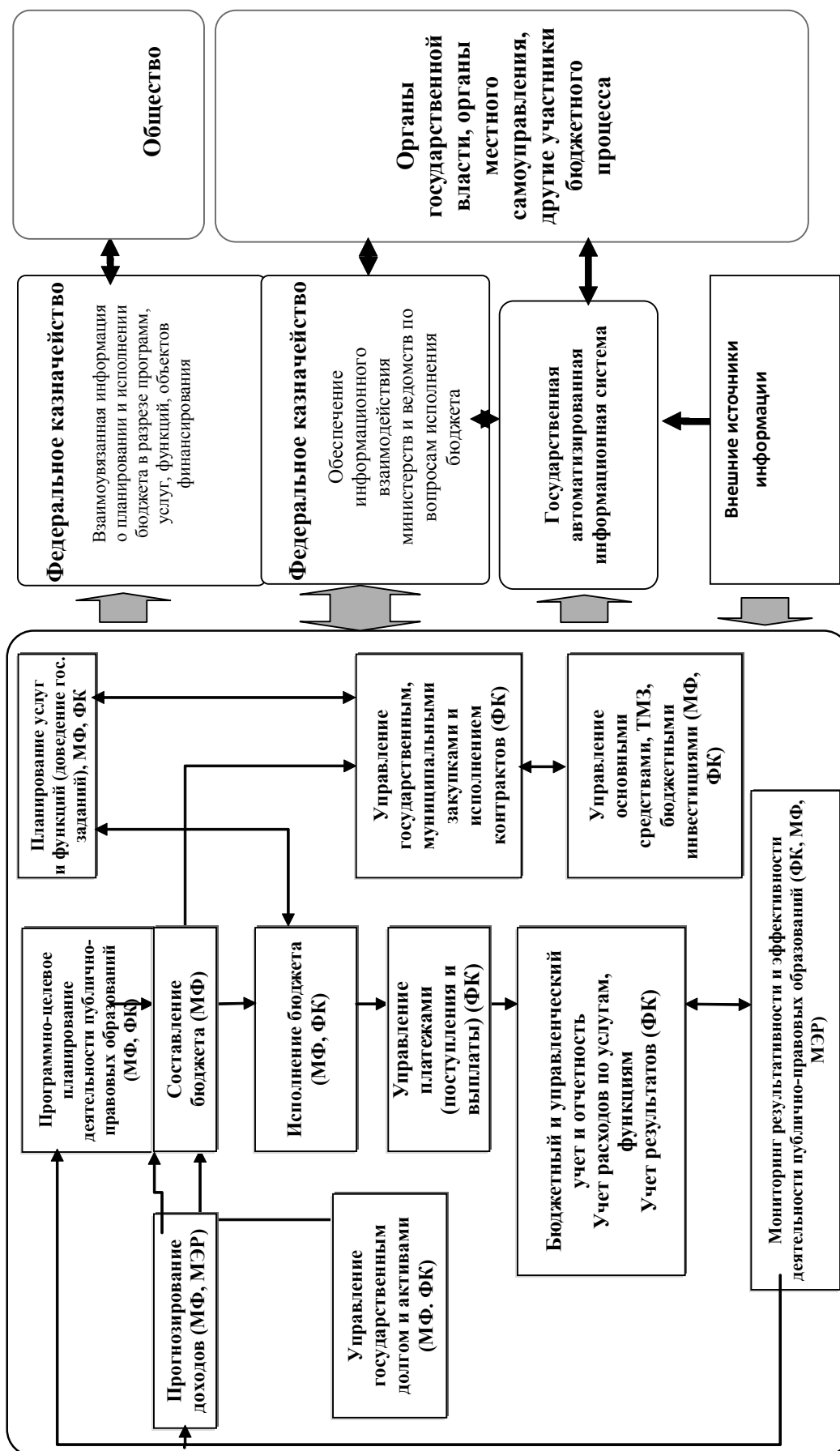

Рис. 4. Механизм модели организации казначейской системы исполнения бюджета

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА И ПРИОРИТЕТЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В АГРОБИЗНЕСЕ

КАЗАКОВА И.Н.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Ставропольский институт кооперации (филиал),
e-mail: in-kazakova@inbox.ru;

МИРГОРОДСКАЯ О.А.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Ставропольский институт кооперации (филиал),
e-mail: mirg-olga@mail.ru

В статье приведены экономические особенности развития инновационного процесса в агробизнесе, определена его специфика, расставлены приоритеты развития инновационных процессов в региональном агробизнесе.

Ключевые слова: инновация; инновационный процесс; конкурентоспособность продукции; аграрная экономика; инновационная экономика.

ECONOMIC FEATURES OF THE INNOVATION PROCESS AND ITS DEVELOPMENT PRIORITIES IN AGRIBUSINESS

KAZAKOVA I.N.,

PhD, Associate Professor, Department of Economics,
Belgorod University of Cooperation, Economics Law,
Stavropol Institute of Cooperatives (branch),
e-mail: in-kazakova@inbox.ru;

MIRGORODSKAYA O.A.,

PhD, Associate Professor, Department of Economics,
Belgorod University of Cooperation, Economics Law,
Stavropol Institute of Cooperatives (branch),
e-mail: mirg-olga@mail.ru

The paper presents the development of the economic characteristics of the innovation process in agribusiness, its specificity is defined, prioritized the development of innovative processes in the regional agribusiness.

Keywords: innovation; innovation process; product competitiveness; agrarian economy; innovative development.

JEL classification: O13, O16.

Неравномерность развития экономики регионов, социальная дифференциация населения, глобальные и социальные преобразования заставляют ученых и политиков искать новые пути развития российской эко-

номики. Один из приоритетных путей развития экономики страны – это инновационный путь. Проблема инноваций является в последнее время довольно актуальной, однако в литературе данное понятие трактуется по-разному и иногда отождествляется с другими терминами.

В мировой экономике оно интерпретируется следующим образом: «Инновация – это преобразование потенциального научно-технического прогресса в реальный, который представляется в новейших продуктах и технологиях» (Казакова, 2013).

В исследованиях российских экономистов понятие «инновация» стало широко применяться с переходом к рыночным экономическим отношениям, до этого же в отечественной экономической литературе проблемы нововведений освещались лишь в рамках исследований научно-технического прогресса (НТП), развития науки и техники. Собственно говоря, именно развитие НТП способствовало тому, что российская экономика на современном этапе имеет инновационную направленность.

Исходя из вышеизложенного, можно определить инновацию, как новый или усовершенствованный продукт или технологию, созданную в результате использования новшества и реализуемую на рынке или внедренную в производственную, управленческую или иной вид деятельности (Ушачев, 2005).

Между тем, инновация должна обязательно обладать определенными свойствами иметь новизну, применимость в любой сфере деятельности человека, она должна быть реализована на рынке, приносить экономический и другие виды эффекта.

Применительно к агробизнесу, инновации представляют собой внедрение в хозяйственную практику сельскохозяйственных предприятий результатов исследований и разработок в виде новых сортов растений, пород и видов животных и кроссов птицы, новых или существенно улучшенных продуктов питания, сельхозматериалов, новых технологий в растениеводстве, животноводстве и перерабатывающей промышленности, новых удобрений и средств защиты растений и животных, новых методов профилактики и лечения животных и птицы, новых форм организации, а также управления различными сферами экономики, новых подходов к сфере социальных услуг, позволяющих повысить эффективность производства в агробизнесе.

По предмету и сфере применения в агробизнесе можно выделить четыре основных типа инноваций, способствующих инновационному процессу (рис. 1).

Рис. 1. Типы инноваций по предмету и сфере применения в агробизнесе

Инновационный процесс – это процесс преобразования научного знания в инновацию. Он включает следующие стадии (рис. 2):

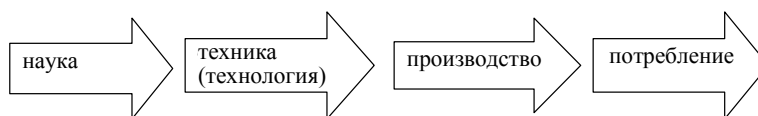

Рис. 2. Стадии инновационного процесса

Инновационный процесс в агробизнесе – это процесс постоянного потока превращения научных исследований и разработок в новые или существенно улучшенные продукты и материалы, новые технологии, новые формы организации и управления, а также внедрение их в производство с целью получения экономического эффекта.

Активизация инновационных процессов будет способствовать выходу аграрной экономики страны из кризисного состояния, в котором она находится, устойчивому функционированию отраслей сельского хозяйства и других сфер агробизнеса, обеспечению конкурентоспособности отечественных продовольственных программ.

Анализ социально-экономических процессов в аграрно-промышленном секторе в последние годы свидетельствует, что чаще всего в нем применяются устаревшие технологии, сорта растений и пород скота, несовершенные формы и методы организации производства и управления. Зачастую в нем отсутствуют отработанные механизмы внедренческой деятельности, система научно-технической информации, соответствующая открытой рыночной экономике, нет эффективной апробированной схемы взаимодействия научных учреждений со структурами внедрения разработок, при этом, в данном секторе наблюдается очень низкая активность инновационной деятельности, которая также связана с несовершенством организационно-экономического механизма освоения инноваций. Это усугубляет деградацию отраслей агропромышленного комплекса, ведет к росту себестоимости и снижению конкурентоспособности выпускаемой продукции, тормозит социально-экономическое развитие не только сельской местности, но и страны в целом, кроме того, резко снижает качество жизни населения на селе (*Ильенкова, 2013*).

Инновационные процессы в агропромышленной сфере имеют определенную специфику, так как они отличаются многообразием организационных, технологических, региональных, отраслевых и функциональных особенностей. Анализ условий и факторов, влияющих на инновационное развитие агробизнеса, позволил подразделить их на отрицательные, сдерживающие инновационное развитие (сложность и особенности аграрного производства; ведомственная разобщенность, ослабление научного потенциала аграрной науки; диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию; низкий уровень оплаты труда в сельском хозяйстве, дефицит квалифицированных рабочих кадров, специалистов и руководителей; сжатие внутреннего спроса на продовольствие; отсутствие системы управленческих и координационных структур инновационного развития и др. факторы) и положительные, способствующие ускорению инновационных процессов (многообразие форм хозяйствования; сохраняющийся научно-образовательный и производственный потенциал; емкий продовольственный рынок; применение технологий и др.)

Таким образом, условиями и факторами, которые могут способствовать инновационному развитию агробизнеса, являются переход к рыночному способу хозяйствования, наличие уникальных природных ресурсов, значительный научно-образовательный потенциал, емкий внутренний продовольственный рынок, возможность производить натуральные, экологически безопасные продукты питания.

В качестве негативных условий и факторов можно отметить ведомственную разобщенность, ослабление научного потенциала аграрной науки. Для российской аграрной науки характерны черты, которые не могут способствовать инновационному развитию агробизнеса: высокая степень сложности организационной структуры и ведомственная разобщенность; многообразие форм научно-технической и инновационной деятельности; значительный удельный вес в научных исследованиях проблем, которые имеют региональный, отраслевой и межотраслевой характер; большая продолжительность исследования и внедрения различных разработок, связанных с воспроизводственным процессом. Такая специфика создает определенные трудности в управлении научными аграрными исследованиями и аграрной наукой в целом. Кроме того, недостаточное финансирование науки приводит к оттоку молодых ученых из этой сферы. Поэтому, одно из самых основных препятствий перехода аграрной экономики к инновационному развитию – это острая нехватка квалифицированных руководителей и специалистов (*Ушацев, 2005*).

Одна из особенностей сельского хозяйства состоит в том, что здесь в экономических и воспроизводственных процессах вместе с промышленными средствами производства принимают активное участие живые организмы (животные и растения), развитие которых подчинено действию естественных законов и зависит от таких естественных факторов, как климат, погода, тепло, влага, свет и пища. Таким образом, можно сделать вывод, что расширенное воспроизводство в сельском хозяйстве протекает во взаимодействии экономических и биологических процессов. Следовательно, при управлении инновациями нужно учитывать требования не только экономических законов, но и законов природы: равнозначности, незаменимости и совокупности жизненных факторов, законов минимума, оптимума и максимума.

Закон незаменимости факторов производства проявляется прежде всего в том, что, к примеру, селекцией невозможно компенсировать удобрения, сортом нельзя возместить пробелы агротехники, племенным делом не заменить корма. Согласно закону минимума, рост производства сдерживается тем фактором, который находится в минимуме (например, уровень продуктивности скота определяется тем веществом, наибольшее количество которого находится в кормовом рационе). В соответствии с законом максимума превышение какого-либо одного питательного вещества сверх потребности животного не приведет к повышению его продуктивности. Комплексный характер инноваций в агробизнесе предъявляет определенные специфические требования к инновационному механизму (нормативно-правовой базе инновационного развития, организации и управлению, инновационному маркетингу, развитию инновационной структуры).

Как известно, в сельском хозяйстве любая ошибка или даже малейшее упущение может быть чревато нежелательными последствиями. Сложность аграрного производства и его специфические особенности определяют своеобразие подходов и методов управления инновационным процессом, сочетание различных типов инноваций, усиления роли государства в стимулировании инноваций в агробизнесе.

Между тем, необходимо отметить, что сложность и особенности аграрного производства характеризуются высоким уровнем рисков инновационных процессов в аграрном секторе. К таким рискам можно отнести риск финансирования научно-производственных результатов, риск временного разрыва между затратами и результатами, неопределенность спроса на инновационную продукцию, – все это не заинтересовывает частных инвесторов вкладывать капитал в развитие сельского хозяйства.

Для того чтобы активизировать инновационные процессы в агробизнесе, необходимо обеспечить условия для расширенного воспроизводства в аграрной сфере, прежде всего улучшив финансовое и социально-экономическое состояние сельскохозяйственных предприятий.

К условиям и факторам, которые тормозят освоение инноваций в агробизнесе, относятся также сжатие внутреннего спроса на продовольствие, сокращение господдержки аграрного сектора и государственного финансирования научно-технических программ, неразвитость системы кредитования, высокие ставки по кредитам, отсутствие инновационной инфраструктуры и государственной инновационной политики и стратегии, недостаточный уровень подготовки кадрового персонала организаций агропромышленного сектора в области инновационного менеджмента.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что к основным приоритетным направлениям развития инновационных процессов в региональном агробизнесе относятся следующие: технологическое переоснащение организаций агропромышленного комплекса; энерго- и ресурсосберегающие технологии производства, хранения и переработки сельскохозяйственной продукции; воспроизводство плодородия почв и предотвращение всех видов их деградации, разработка адаптивных технологий агроэкосистем и агроландшафтов; развитие производства органической продукции сельского хозяйства, а также создание и внедрение современной системы информационного и инфраструктурного обеспечения инновационной деятельности в агробизнесе.

Разработка инновационной политики и стратегии развития инноваций не только на федеральном, но и на региональном уровне, нацеленных на становление прогрессивных технологических укладов, также является приоритетной задачей в процессе развития инноваций.

Неотъемлемой частью устойчивого развития инновационного процесса является формирование организационно-экономического механизма функционирования агробизнеса на инновационной основе и усиление роли государственных органов власти в активизации инновационной деятельности, а также разработка и внедрение региональных и муниципальных инновационных программ, способствующих развитию агробизнеса.

Инновационный тип развития аграрной экономики во многом определяется прежде всего научно-технической политикой каждого региона страны, формированием регионального инновационного механизма, совершенствованием системы подготовки кадров, которые смогли бы обеспечить повышение инновационной активности организаций и коммерциализацию результатов научных исследований в сфере сельского хозяйства. Экономическим субъектам принадлежит важная роль в реализации антикризисной программы, поскольку используются нововведения селекционно-генетического, технологического, организационно-управленческого и социального типа.

ЛИТЕРАТУРА

Инновационный менеджмент (2013): Учебник для вузов / С.Д. Ильенкова, Л.М. Гохберг, С.Ю. Ягудин и др. / Под ред. проф. С.Д. Ильенковой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, с. 9.

Казакова И.Н. (2010). Роль инноваций в процессе формирования стратегии хозяйствующих субъектов // *Вестник университета*, № 25. М., с. 85.

Нарожная Г.А. (2013). Система продовольственного обеспечения как сложное социально-экономическое формирование / Г.А. Нарожная, О.А. Миргородская // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*, № 2, с. 249–253.

Ушачев И.Г. (2005). Проблемы формирования системы управления инновационной деятельностью в АПК // *Материалы международной научно-практической конференции «Инновационная деятельность в АПК: опыт и проблемы» (13–14 января 2005 г.)*. М., с. 3.

REFERENCES

Innovation Management (2013). Textbook for high schools. Moscow, p. 9. (In Russian.)

Kazakov I.N. (2010). The role of innovation in the process of strategy formation of business entities. *University Bulletin*, Moscow, no. 25, p. 85. (In Russian.)

Narozhnaya G.A. (2013). Food supply as a complex socio-economic formation. *Herald of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, no. 2, p. 249–253. (In Russian.)

Ushachev I.G. (2005). Problems of formation of innovation governance system in agriculture. *Proceedings of the international scientific – practical conference “innovation activities in agriculture: experience and problems” (13–14 January 2005)*. Moscow, p. 3. (In Russian.)

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УЧЕТА КРЕДИТНОГО РИСКА ДЛЯ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

КУЗЬМИНОВ А.Н.,

доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры «Управление человеческими ресурсами»,
Южный федеральный университет,
e-mail: akuzminov@sfnedu.ru;

КОРОСТИЕВА Н.Г.,

соискатель, заместитель директора Ростовского регионального филиала
Открытого акционерного общества «Российский сельскохозяйственный банк»,
Азово-Черноморский инженерный институт,
e-mail: nata_korostieva6@mail.ru

В статье рассматриваются особенности кредитного риска для предпринимательского субъекта. Предлагается опираться на систему критериев платежеспособности предпринимателей. Анализируются существующие подходы к такой оценке. Обоснована необходимость использования модели ценологического анализа. Банком должны учитываться и особенности деятельности субъектов предпринимательства при управлении кредитным риском, а отсутствие целостной научно-обоснованной системы управления кредитным риском при кредитовании субъектов предпринимательства требует формирования новых методологических конструкций.

Ключевые слова: кредитный риск; ценологический анализ; платежеспособность предпринимателей.

EXAMPLES OF IMPROVING THE ACCOUNTING SYSTEM OF CREDIT RISK FOR BUSINESSES

KUZMINOV A.N.,

Doctor of Science, Professor,
Southern Federal University,
e-mail: akuzminov@sfnedu.ru;

KOROSTIEVA N.G.,

Deputy director, Rostov regional branch of joint stock company «Russian agricultural bank», competitor,
Azov-Black Sea State Agroengineering Academy,
e-mail: nata_korostieva6@mail.ru

In this paper, discusses the features of the credit risk for the enterprise. It is proposed to rely on the system's solvency criteria entrepreneurs. Analyzes existing approaches to such an evaluation. The necessity of using models coenosis analysis. Bank should take into account and features of business entities in the management of credit risk, and the lack of an integrated science-based system for managing credit risk in lending to business entities requires the formation of new methodological designs.

Keywords: credit risk; price logical analysis; solvency entrepreneurs.

JEL classification: G21, G32.

Модернизация экономической инфраструктуры современной России в настоящее время имеет важнейшее значение, снимая естественный ограничитель необходимой динамики, что особенно актуально в условиях существующих глобальных мировых тенденций и с учетом принимаемых усилий государства, направленных на масштабный рост производства продукции российских компаний.

В указанных условиях одним из недостатков, с которым столкнулись субъекты предпринимательства, является недостаточная доступность финансовых услуг. Одним из главных условий расширения кредитной деятельности банков в сфере предпринимательства остается снижение рисков, которые часто остаются вне поля научных исследований.

Особенностью функционирования кредитного предприятия является наличие особого фактора воздействия – кредитного риска, который, несмотря на различие в толковании российских и зарубежных источников, представляет собой некоторую совокупность онтологического восприятия исследователей, предлагаемую расширить за счет общепризнанных феноменов самоорганизации.

Научные и правовые источники рассматривают кредитный риск с точки зрения невозможности погашения долга и процентов по нему (*Банковский менеджмент: учебник, 2010. С. 353; Глушкова, 2005. С. 334; Ларионова, 2014*), отождествляют с риском невозврата долга (*Wilson Sy, 2007*) или риском просрочки платежа по банковской ссуде (*Manoj Kumar Meher, 2012. P.1121–1133*); определяют его как риск невыполнения заемщиком своих обязанностей (*Тарасенко, 2012. С. 119*), в частности вследствие неисполнения, несвоевременного либо неполного исполнения должником финансовых обязательств перед кредитной организацией в соответствии с условиями договора. Ряд авторов обуславливают наличие морального риска в структуре кредитного, так как находят связь с неспособностью или нежеланием субъекта отношений исполнять договор.

Большой интерес, на наш взгляд, представляет позиция ученых-экономистов, проецирующих эффекты негативных последствий кредитного риска на сокращение стоимости активов кредитного предприятия и снижения его экономической устойчивости (*Демчук, 2009. С. 104*), целевым алгоритмом которого предлагается руководствоваться при выборе решений по сокращению подобных рисков.

Обратившись к положениям экономической теории, следует отметить, что с точки зрения движения ссудного капитала, кредитный риск представляет собой одну из форм движения кредита, и, следовательно, онтологически может возникнуть в любой из его точек (стадий) состояния ссужаемой стоимости (размещение кредита – получение кредита заемщиком – использование кредита – возврат кредита – высвобождение ресурсов предприятия в ходе кругооборота средств для возврата ссуды – получение кредитором средств, размещенных в форме кредита). В таком случае кредитный риск получает набор потенциальных состояний утраты ссудного капитала и нарушения целостности движения ссужаемой стоимости, обусловленной влиянием различных рискообразующих факторов, отражающихся негативно на каждом субъекте указанного движения.

С целью дальнейшего рассмотрения проблемы необходимо остановиться на еще одной составляющей кредитного риска, которая, по мнению ряда экономистов, представляет собой оправданные недостатки оценки платежеспособности как вероятность того, что стоимость части активов банка, в особенности кредитов, уменьшится или сведется к нулю (*Банковское дело: учебник, 2004. С. 687–689; Роуз Питер, 1995. С. 142; Фрост, 2006. С. 229*), и убытки по кредитам рассматриваются с точки зрения ожидаемых убытков и непредвиденных убытков (*Грюшинг, Брайошич, 2004. С. 123*); либо это опасность того, что дебитор не сможет осуществить процентные платежи или выплатить основную сумму кредита в соответствии с условиями, указанными в кредитном соглашении, что может быть связано с возникновением таких событий, когда должник не желает или не в состоянии погасить долг либо в связи с изменением качества кредита (рейтинга заемщика).

Экономисты «*Global Association of Risk Professionals*» допускают также неоправданные потери, возникающие в случае отказа заемщика выполнять свои договорные обязательства по погашению долга в соответствии с согласованными условиями (*Bindseil, Han van der Hoorn, Nyholm, Schwartzlose, 2007*), которые возникают в результате недостаточной его оценки, неэффективного мониторинга, нежелания заемщика выполнять обязательства, а также каких-либо внешних факторов. В иностранной литературе часто встречается трактовка кредитного риска банка как риска дефолта контрагента, т. е. неопределенности, связанной с возможностью выплаты процентов и номинала заемщиком (*Credit Risk Management. Chapter 1, 2012*).

Таким образом, исходя из постулата о взаимосвязи кредитного риска банка и онтологического «кредитора» (уникального кредитного договора) можно заключить, что они не могут быть идентифицированы в процессе проектирования кредитного продукта.

Эта проблема обусловлена бесконечно разнообразным ростом числа возможных действующих на кредитора факторов, препятствующих своевременному исполнению кредитного договора, что, на наш взгляд, связано с усложнением существующих экономических практик предпринимательской деятельности, ростом конкуренции и ростом разнообразия типов производимой продукции (оказываемых услуг).

В попытках упорядочить и прогнозировать возможные риски созданы системы классификации, которые отличаются методологическими подходами и целеполаганием. Так, модель управления рисками «MarkToFuture» компании *Algorithmics* основана на таблице попарного сопоставления различных групп рисков и воздействующих на них факторов, которых в ней представлено около 200 (*Mark-To-Future: Technical Document...*, 2001).

Представляет интерес преобладающая в научной практике модель систематизации факторов риска в две большие группы, дифференцированные внутри по степени взаимодействия с внешней и внутренней средой (О.И. Лаврушин, А.М. Тавасиев, М.Н. Тоцкий, А.В. Славянский) (*Банковские риски: учебное пособие*, 2007. С. 32; *Банковское дело. Управление и технологии*, 2005. С. 174; Тоцкий, 2012; Славянский, 2008).

Другая модель, предполагающая группировку рискообразующих факторов по степени влияния банка на воздействие этих факторов (Романов, Бутуханов, 2010. С. 10–12), использует понятия «объективные факторы», не зависящие от действий кредитной организации, и «субъективные факторы», потенциально регулируемые банком.

По направлению влияния на риск предполагается подразделять на факторы прямого воздействия (непосредственно влияющие на кредитный риск) и факторы косвенного воздействия, которые оказывают опосредованное воздействие на кредитный риск, т. е. приводят к возникновению прямых факторов (Костюченко, 2010. С. 61).

Зарубежные источники предлагают рассматривать следующие группы факторов кредитного риска банка: 1) личные качества заемщиков; 2) профессиональная характеристика заемщика; 3) финансовые характеристики заемщика; 4) особенности кредитной сделки (Пропекая, 2012. С. 41–46).

В американской банковской практике используется инструментарий оценки рисков «Система красных сигналов», позволяющая по 25 характеристическим показателям ранжировать кредиторов по уровню надежности (Chapman. 1940. P. 109–139).

Аналогичная российская банковская система, например профессора Русанова, относит к индикаторам риска следующие: 1) неполная информация, ее несоответствие стандартным требованиям или особенностям продукта, 2) несоблюдение сроков поставки информации, 3) снижение или прекращение выплаты дивидендов, 4) уклонение от контактов руководителей фирмы, 5) частая смена юридического адреса фирмы и т. п. (Русанов, 2012. С. 70–75).

Таким образом, признавая, что на возникновение и уровень кредитного риска влияют множество разнообразных факторов, правильная оценка наблюдаемых существенных становится важнейшей задачей, позволяющей снизить негативные риски еще на стадии принятия решения о предоставлении кредитного продукта.

Согласно Государственному стандарту РФ ГОСТ Р 51897-2002 «Менеджмент риска. Термины и определения» управление риском – это скоординированные действия по руководству и управлению организацией в отношении риска, включает в себя оценку риска, обработку риска, его принятие и коммуникацию (*Государственный стандарт РФ ГОСТ Р 51897-2002...*). При этом целью управления рисками банка является создание, защита и рост богатства акционеров с помощью управления факторами неопределенности, которые могут как негативно, так и положительно повлиять на достижение организацией своих целей (DeLoach, 2000. P. 5).

В свою очередь, под системой управления банковскими кредитными рисками мы понимаем совокупность приемов (способов и методов) работы персонала банка, позволяющих обеспечить положительный финансовый результат при наличии неопределенности в условиях деятельности, прогнозировать наступление рискованного события и принимать меры к исключению или снижению его отрицательных последствий (Бартон, Шенкир, Уокер, 2008. С. 15).

Общепризнанно, что кредитование субъектов предпринимательства обладает специфичными чертами, которые отражаются в формах и типах кредитного риска, обусловленные рядом факторов, таких как: отраслевая структура предпринимательства, региональные особенности предпринимательской деятельности, уровень конкуренции, рыночные факторы и т. д., которые усугубляются ограничениями, связанными с получением кредитов.

Во-первых, очевидна проблема недостаточности и достоверности информации о субъектах предпринимательства (непрозрачность бизнеса) (Веретенцев, 2012. С. 75–81).

Во-вторых, отмечается тенденция неадекватной оценки финансового состояния предприятия со стороны самих стейкхолдеров (Кашин, 2002). Это обусловлено не только кадровыми и инструментальными причинами, но и многообразием методологической базы и приемов оценки, которые не всегда позволяют принимать адекватные оценки.

В-третьих, отмечается высокая инерция обновления знаний руководителями и специалистами предприятий по финансово-экономическим направлениям (Русанов, Агаев, 2009. С. 44–47).

В-четвертых, отсутствие государственной системы технологического прогнозирования, в условиях реализации инноваций, нацеленных на производственные, технологические, инфраструктурные, организационные и коммерческие нововведения, повышает их рисковый профиль.

Вышеизложенные обстоятельства объясняют повышенные кредитные риски для банка, что является одной из основных причин недостаточности кредитования данной категории заемщиков. Таким образом, выявленные особенности деятельности субъектов предпринимательства должны учитываться банком и при управлении кредитным риском, а отсутствие целостной научно обоснованной системы управления кредитным риском при кредитовании субъектов предпринимательства требует формирования новых методологических конструкций, среди которых, на наш взгляд, приоритетное значение принадлежит самоорганизационным теориям. Их использование позволит расширить инструментарий объективной системной оценки состояния промышленного предприятия с точки зрения кредитного риска, так как оно даст возможность прогнозировать долгосрочные тренды его структуры затрат и капиталозффективности (Кузьминов, 2014. С. 89–94).

ЛИТЕРАТУРА

Банковские риски (2007): Учеб. пособие / Под ред. д-ра экон. наук, проф. О.И. Лаврушина и д-ра экон. наук, проф. Н.И. Валенцевой. М.: КноРус, с. 32.

Банковский менеджмент (2010): Учебник / Колл. авторов; под ред. д-ра экон. наук, проф. О.И. Лаврушина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, с. 353.

Банковское дело. Управление и технологии (2005): Учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / Под ред. проф. А.М. Тавасисва. 2-е изд., перераб. и доп. М., с. 174.

Банковское дело (2004): Учебник / Под ред. д-ра экон. наук, проф. Г.Г. Коробовой. М.: Экономист, с. 687–689.

Бартон Т., Шенкир У., Уокер П. (2008). Риск-менеджмент. Практика ведущих компаний / Пер. с англ. М.: Вильямс, с. 15.

Веретенцев Д.В. (2012). Система кредитования малого и среднего бизнеса в России: современное состояние, актуальные проблемы и пути совершенствования // *Финансовый менеджмент*, № 2, с. 75–81.

Глушкова Н.Б. (2005). *Банковское дело: Уч. пособие*. М.: Академический Проект; Альма Матер, с. 334.

Государственный стандарт РФ ГОСТ Р 51897-2002 «Менеджмент риска. Термины и определения» (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 30 мая 2002 г.).

Грюнинг Х. Ван, Брайович Братанович С. (2004). Анализ банковских рисков. Система оценки корпоративного управления и управления финансовым риском. М.: Весь Мир, с. 123.

Демчук И.Н. (2009). О теории рисков и классификации банковских рисков // *Банковское дело*, с. 104.

Кашин В. (2002). Управление рисками при кредитовании субъектов малого предпринимательства // *Банковские технологии*. Доступно на: http://www.cfin.ru/investor/small_business_risk.still (дата доступа: 25.06.2014 г.).

Костюченко Н.С. (2010). Анализ кредитных рисков / Н.С. Костюченко. СПб.: ИТД «Скифия», с. 61.

Кузьминов А.Н. (2014). Ценологические императивы управления крупномасштабными экономическими системами // *Экономика развития*, № 1(69), с. 89–94.

Ларионова И.В. (2014). Риск-менеджмент в коммерческом банке. Монография. М.: Из-во КноРус.

Пропакая Н.С. (2012). Модернизация системы риск-менеджмента в банке: факторный подход // *Финансы и кредит*, № 14(494), с. 41–46.

Романов В., Бутуханов А. (2010). Рискообразующие факторы: характеристика и влияние на риски // *Моделирование и анализ безопасности, риска и качества в сложных системах*, СПб.: НПО «Омега», № 3, с. 10–12.

Роуз Питер С. (1995). *Банковский менеджмент*. М.: Дело ЛТД, с. 142.

Русанов Ю.Ю., Агаев Э.Г. (2009). Банковские риски в работе с малым бизнесом // *Банковское дело*, с. 44–47.

Русанов Ю.Ю. (2012). Инструменты ранней предварительной ориентации мониторинга банковских рисков // *Банковское дело*, № 2, с. 70–75.

Славянский А.В. (2008). О некоторых способах оценки и методах управления кредитных рисков // *Аудит и финансовый анализ*, № 1. Доступно на: http://www.mfpa.nj/general/upload/comentsjournal/audit_i_finansovyi_analiz.doc (дата доступа: 07.11.2013 г.).

Тарасенко О.Д. (2012). Банковская система Российской Федерации и антикризисное регулирование: Учеб. пособие / Тарасенко О.А., Хомсенко Е.Г. М.: Норма, с. 119.

Тоцкий М.Н. (2012). Методологические основы управления кредитным риском в коммерческом банке. Доступно на: <http://www.finrisk.ru/article/totskiy/tolskiy2.html> (дата доступа: 18.01.)

Фрост С. (2006). Настольная книга банковского аналитика: деньги, риски и профессиональные приемы. Днепропетровск: Баланс Бизнес Бук, с. 229.

Шапкин А.С. (2003). Экономические и финансовые риски. Оценка, управление, портфельное инвестирование. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», с. 217.

Bindseil U., Han van der Hoorn H., Nyholm K., Schwartzlose H. (2007). The use of portfolio credit risk models in central banks, Task Force of the Market Operations // *Occasional Paper Series*, no. 64 Committee of the European System of Central Banks, July, p. 43. Доступно на: www.ccbJnt or from the Social Science Research Network electronic library at <http://ssrn.com/abstracMd-977355>.

Chapman Jolin M. (1940). Commercial Banks and Consumer Instalment Credit // *The National Bureau of Economic Research*, pp. 109–139. Доступно на: <http://www.nber.org/chapters/c4732>.

Credit Risk Management. Chapter 1 (2012). Credit Risk Assessment // *GLOBAL ASSOCIATION OF RISK PROFESSIONALS*. Доступно на: <http://www.gaq.org/mcdia/489989/credit%20slides.pdf>.

DeLoach James V.V., Jr. (2000). Enterprise-Wide Risk Management – Strategies for Linking Risk and Opportunity (Ultdon: Financial Times), p. 5.

Manoj Kumar Meher (2012). An Inventory Model with Weibull Deterioration Rate under the Delay in Payment in Demand Decling Market // *Applied Mathematical Sciences*, vol. 6, no. 23, pp. 1121–1133.

Mark-To-Future: Technical Document, *ALGORITHMICS Incorporated, 1998–2000*. (2001). Toronto, Canada.

Wilson Sy. (2007). A Causal Framework for Credit Default Theory. WP, Australian Prudential Regulation Authority.

REFERENCES

Banking risks: a Tutorial (2007). Moscow. KNORUS, p. 32. (In Russian.)

Bank management: a Textbook (2010). Moscow. KNORUS, p. 353. (In Russian.)

Banking. Management and Technology: Textbook for students enrolled in the economic fields (2005). Ed. prof. A.M. Tavisiva. Moscow, p. 174. (In Russian.)

Banking: a tutorial (2004). Ed. prof. G.G. Korobova. Moscow. *Economist*, pp. 687–689. (In Russian.)

Barton T., Shenkir W., Walker P. (2008). Risk management. The practice of leading companies. Moscow. Williams, p. 15.

Bindseil U., Han van der Hoorn H., Nyholm K., Schwartzlose H. (2007). The use of portfolio credit risk models in central banks, Task Force of the Market Operations. *Occasional Paper Series*, no. 64, Committee of the European System of Central Banks, July, p. 43. Available at: www.ccbJnt or from the Social Science Research Network electronic library at <http://ssrn.com/abstracMd-977355>. (In Russian.)

Chapman Jolin M. (1940). Commercial Banks and Consumer Instalment Credit. The National Bureau of Economic Research, pp. 109–139. Available at: <http://www.nber.org/chapters/c4732>. (In Russian.)

Credit Risk Management. Chapter 1 (2012). Credit Risk Assessment. *GLOBAL ASSOCIATION OF RISK PROFESSIONALS*. Available at: <http://www.gaq.org/mcdia/489989/cgredit%20slides.pdf>. (In Russian.)

DeLoach James V.V., Jr. (2000). Enterprise-Wide Risk Management – Strategies for Linking Risk and Opportunity (Ultdon: Financial Times), p. 5. (In Russian.)

Frost S. (2006). Handbook of Banking Analyst: money, risk, and professional techniques. Dnepropetrovsk: Balance & Buck, p. 229.

Glushkov N.B. (2005). Banking: Textbook. Moscow. Academic Project; Alma Mater, p. 334. (In Russian.)

Gryuning X. Wang, Brayoshich Bratanovich S. (2004). Analysis of banking risks. System of corporate governance and financial risk management. Moscow, p. 123.

Demchuk I.N. (2009). On the theory of risk l classification of banking risks. *Banking*, p. 104. (In Russian.)

Kashin V. (2002). Risk management in small business lending. *Banking technology*. Available at: http://www.cfin.ru/investor/small_business_risk.still (access date: 25.06.2014 r). (In Russian.)

Kostjuchenko N.S. (2010). Credit risk analysis. Petersburg, p. 61. (In Russian.)

Kuzmin N. (2014). Price logical imperatives of managing large-scale economic systems. *Development Economics*, no. 1(69), pp. 89–94. (In Russian.)

Larionov I.V. (2014). Risk management in a commercial bank. Monograph. Moscow. (In Russian.)

Manoj Kumar Meher (2012). An Inventory Model with Weibull Deterioration Rate under the Delay in Payment in De-mand Decling Market. *Applied Mathematical Sciences*, vol. 6, no. 23, pp. 1121–1133.

Mark-To-Future: Technical Document, *ALGORITHMICS Incorporated, 1998–2000*. (2001). Toronto, Canada.

Propekaya N.S. (2012). Modernization of the system of risk management in the bank factorial approach. *Finance and Credit*, no. 14(494), pp. 41–46. (In Russian.)

Romanov V., Butuhanov A. (2010). Risk-making factors: characteristics and impact on the risks. Modeling and analysis of security, risk and quality in complex systems, St. Petersburg. *NGO "Omega"*, no. 3, pp. 10–12. (In Russian.)

Rose Peter S. (1995). Bank management. Moscow, p. 142.

Rusanov Y.Y., Agaev E.G. (2009). Banking risks in working with small business. *Banking*, pp. 44–47. (In Russian.)

- Rusanov Y.Y. (2012). *Tools early preliminary orientation monitoring banking risks Banking*, no. 2, pp. 70–75. (In Russian.)
- Shapkin S. (2003). *Economic and financial risks. Assessment, management, portfolio investment*. Moscow, p. 217. (In Russian.)
- Slavyanskii A.V. (2008). Some methods of assessment and credit risk management techniques. *Audit and financial analysis*. № 1. Available at: http://www.mfpa.nj/general/upload'comentsjournal/audit_i_finansovyi_analiz.doc (access date: 07.11.2013g.). (In Russian.)
- State Standard GOST R 51897-2002 RF "Risk management. Terms and definitions" (adopted and put into effect Russian State Standard Resolution dated 30 May 2002). (In Russian.)
- Tarassenko O.D. (2012). *The banking system of the Russian Federation and crisis management: training book*. Moscow, p. 119. (In Russian.)
- Totskiy M.N. (2012). Methodological foundations of credit risk management in the commercial bank. Available at: <http://www.finrisk.ru/article/totskiy/tolskiy2.html> (access date: 18.01.). (In Russian.)
- Veretentsev D.V. (2012). The system of lending to small and medium-sized businesses in Russia: current status and the challenges and the improvement. *Financial Management*, no. 2, p. 75–81. (In Russian.)
- Wilson Sy. (2007). *A Causal Framework for Credit Default Theory*. WP, Australian Prudential Regulation Authority.

ЭФФЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

МИРГОРОДСКАЯ О.А.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
Белгородский университет кооперации, экономики и права (филиал, г. Ставрополь),
e-mail: mirg-olga@mail.ru;

САВЕЛЬЕВА Е.А.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры маркетинга и менеджмента,
Белгородского университета кооперации, экономики и права (филиал, г. Ставрополь),
e-mail: lensav@yandex.ru

Устойчивое развитие региональной экономики способно стабилизировать социально-экономическое развитие субъектов России, так как именно от него зависит формирование основной части доходов региональных бюджетов, занятость населения, формирование социальной инфраструктуры в регионе, а также обеспечение платежеспособного спроса. Все это служит стимулом к дальнейшему развитию промышленности, предпринимательства, торговли, и, как следствие, – к росту качества жизни населения страны. Эффективное управление устойчивым развитием экономики региона заключается в ее сбалансированном становлении, достижении региональной системой качественно нового состояния, обеспечивающего сохранение и приращение экономического, человеческого, инвестиционного и экологического потенциала региона.

Ключевые слова: устойчивое экономическое развитие; региональная экономика; эффективное управление; уровень жизни населения; дифференцированное развитие.

EFFECTIVE MANAGEMENT AS A FACTOR OF SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT

MIRGORODSKAYA O.A.,

PhD, Associate Professor of Chair of Economics,
Stavropol Institute of Cooperatives (branch), Belgorod University of Cooperation Economics rights,
e-mail: mirg-olga@mail.ru;

SAVELYEVA E.A.,

Ph.D., Associate Professor, Chair of Marketing and Management,
Stavropol Institute of Cooperatives (branch), Belgorod University of Cooperation Economics rights,
e-mail: lensav@yandex.ru

The sustainable development of the regional economy is capable of stabilized socio-economic development of Russia, as it depends on the formation of the main part of incomes of regional budgets, employment, formation of social regional infrastructure, as well as ensuring effective demand. It all serves as a stimulus to the further development the industry, business, trade, and, consequently increase life quality of the population. Efficient managing-of sustainable development of the economy in the region consists in its balanced development, reaching by a regional system a qualitatively new state, ensuring the preservation and increment of economic, human, ecological and investment potential of the region.

Keywords: *sustainable economic development; regional economy; efficient managing; the standard of living of the population; differential development.*

JEL classification: *O11, O32, O43.*

Сегодня, в век инновационной экономики, особое внимание уделяется вопросам исследования управления устойчивым развитием экономики как страны в целом, так и ее территориальных образований. Ограниченное количество природных и производственных ресурсов, снижение инвестиционной активности, особенно иностранных инвесторов, предопределяют активизацию регионов по поиску новых возможностей для формирования конкурентных преимуществ. Практически все регионы рассчитывают на инвестора в лице государства, который будет «подавать руку помощи» и способствовать развитию наиболее перспективных территорий, владеющих большими производственными мощностями и высоким уровнем управления экономическим развитием. В настоящее время частные инвесторы более скрупулезно ведут отбор инвестиционных проектов, особенно на региональном уровне, при этом наибольшим спросом пользуются регионы со стабильно благоприятным инвестиционным климатом и высоким показателем инвестиционного потенциала. Что касается международных инвестиций, то инвесторами анализируются такие показатели, как криминальная активность, уровень инфляции и административного управления, наличие развитой региональной нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы инвестиционного законодательства.

Разработка направлений обеспечения устойчивого развития региональной экономики – это первоочередная задача, которую призваны решать экономисты, потому что сохранение динамического равновесия социально-экономической системой гарантирует безопасность, стабильность, надежность, целостность развития субъекта Российской Федерации (Нарожная, 2013). Создание аргументированного научного фундамента механизма эффективного управления устойчивым развитием экономики региона дает возможность решить проблему устойчивости социально-экономической системы. Исследуемая проблема требует прежде всего тщательного изучения теоретических основ устойчивости. В этой связи уточнение семантического аспекта в части раскрытия сущности определения механизма эффективного и грамотного управления в процессе стабилизации региональной экономики с позиции использования ее адаптационных возможностей позволяет обеспечить дальнейшее формирование теории устойчивого развития социально-экономических систем.

По мнению И.А. Масюты, «...механизм управления устойчивым развитием экономики региона – это совокупность действий, объединяющая комплексное использование административных, экономических, социальных, правовых, управленческих, стимулирующих инструментов, методов управления» (Масюта, 2014). По нашему мнению, устойчивое функционирование региональной экономики может обеспечиваться с целью сохранения стабильности региональной экономической системы посредством совокупности локальных ресурсных средств, способных поддерживать ее целостность, динамическое равновесие и адаптацию к прямым и косвенным воздействиям среды в процессе реализации стратегии социально-экономического развития региона.

Способность к сохранению устойчивого экономического положения и обеспечение качественного роста уровня жизни населения, наряду с продолжением дальнейшего устойчивого развития, при изменении внешних и внутренних условий и факторов дает в целом характеристику устойчивости региона. При всем этом добиться устойчивого развития региона невозможно применением только экономических или только административных методов, так как в принципе довольно часто нельзя установить степень влияния внешних и внутренних условий и факторов воздействия на региональную экономику.

Специфика нынешней региональной экономики определяется неустойчивым развитием рыночного хозяйства, неусовершенствованной региональной правовой базой и отсутствием отлаженного механизма финансирования региональных программ, что приводит к дифференцированному развитию регионов России.

Основным проявлением дифференцированного развития выступает существенная разнохарактерность структуры бюджетных доходов и расходов, а также присутствие высокого уровня межрегиональных различий по показателям, отражающим качество жизни населения.

Наряду с этим, концепции и программы стратегического развития регионов, в своей основе, отражают цели и задачи, которые направлены на достижение устойчивого развития экономики региона, повышение социально-экономического качества жизни, стабилизацию демографической ситуации, экономический рост, совершенствование имеющейся инфраструктуры, обеспечение безопасности и развития эффективного управления во всех производственных и непроизводственных сферах.

При реализации стратегии развития территории удастся убедиться в факте достижения устойчивости регионального развития, так как все составляющие учтены и по мере реализации программ проводится мониторинг результатов на основании количественных и качественных показателей, которые конкретизируют

долю государственного участия в регулировании данного процесса. Со стороны федеральных органов власти большое внимание уделяется наличию разработанных стратегических планов на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу, повышение уровня инвестиционной привлекательности территории, увеличение количества бизнес-структур, увеличение количества рынков сбыта продукции и услуг местных производителей, определение приоритетных для региона отраслей и осуществление их поддержки. Учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что теоретические и практические вопросы разработки механизма управления устойчивым развитием экономики являются актуальными.

Устойчивое развитие предполагает нахождение региональной системы в динамическом равновесии, определяемом с помощью расчета совокупности количественных и качественных показателей, и их положительным приростом. Стабильное развитие экономики субъектов Российской Федерации, обеспечение ее динамичного и сбалансированного развития достигается за счет оптимизации региональной политики, нахождения региональных пропорций воспроизводственного процесса в целом. При этом особого внимания заслуживают имеющиеся проблемы социального и экономического характера, влияющие на развитие регионов и на достижение основной цели – увеличения вклада каждого региона в прирост национального богатства, в улучшение условий и повышение качества жизни регионального социума (Ганопольский, 2012).

Показатели социально-экономического развития региона позволяют оценить устойчивость развития экономики региона, достигаемую за счет модернизации традиционных для него отраслей, формирования постиндустриальных сегментов экономики в разрезе решения следующих задач: повышения инвестиционной привлекательности области, создания условий для предпринимательской инициативы и развития малого бизнеса, повышение конкурентоспособности высокотехнологичных и базовых отраслей промышленности, снижения ресурсоемкости производства.

Исследуя социально-экономическое положение региона, мы пришли к мнению, что следует уделить особое внимание показателям оценки устойчивости развития региональной экономики. На состояние устойчивости развития экономики региона оказывают влияние такие показатели: слабая инвестиционная активность при наличии высокого инвестиционного потенциала; нерациональное использование земельных ресурсов; низкое развитие уровня услуг жилищно-коммунального хозяйства; недостаточное развитие региональной правовой базы для расширения деятельности инвесторов и бизнес-структур.

Результаты проводимого исследования позволили определить возможности стабилизации развития экономики региона. Следует развивать исключительно те отрасли, которые являются основными для региона и составляют основу его хозяйственной жизни. С целью повышения конкурентоспособности региона, обеспечения занятости населения и увеличения поступления доходов в региональный бюджет важно создать соответствующие условия для предприятий перспективных отраслей как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Мобилизация имеющихся преимуществ и возможностей у региона позволяет повысить конкурентоспособность отраслей, имеющих значительный потенциал к развитию, особенно предприятий агробизнеса, а именно растениеводство и животноводство, которые в большей степени обеспечивают занятость населения региона. Это станет возможным при условии перехода региональных предприятий на освоение и внедрение инновационных форм и методов автоматизации труда, позволяющих сократить издержки производства, тем самым обеспечив эффективное управление прибылью.

Стратегически важным для любого региона нашей страны является проведение интенсивной государственной политики регионального развития, основными направлениями которой будут являться: улучшение качественного состояния экономического пространства через формирование региональной инфраструктуры, сглаживание межрегиональных отличий в уровне развития и, как результат – достижение устойчивости региональных социально-экономических систем (Нарожная, 2013). Таким образом, управление стабильным развитием экономики территории призвано повысить эффективность реализации социальных и экономических интересов региона, направлено на сочетание региональных интересов с интересами страны в целом, тем самым обеспечивая устойчивость как региональных, так и национальной социально-экономических систем. Но для этого необходимо создать механизм управления устойчивым развитием экономики территории, отвечающий современным потребностям совершенствования форм и методов воздействия государства на развитие субъектов РФ. Одной из важных характеристик региональной политики федерального центра должна стать ориентация в прогнозировании и регулировании пространственного развития страны на территории опережающего развития, формирующие основной вклад в устойчивое развитие субъектов РФ.

Как правило, подобными территориями являются крупные города, транспортно-логистические узлы, зоны развития промышленности и сельского хозяйства, зоны развития территориально-отраслевых кластеров, зоны инновационного развития и создания высоких технологий, рекреационные и оффшорные зоны. Выделение территорий опережающего развития с определением основных направлений их специализаций позволит наиболее точно и системно прогнозировать основные результаты их развития и исходя из этого

осуществлять рациональное размещение государственной и локальной инфраструктуры, а также применять эффективные меры регулирования, призванные обеспечить создание благоприятных условий для реализации имеющегося у них потенциала.

Для стабилизации и устойчивого развития экономики Северо-Кавказского федерального округа целесообразно: провести анализ существующего финансово-экономического положения региона, а также разработать возможные направления диверсификации производства основных предприятий. Со стороны региональной власти реализация мер повышения инвестиционной привлекательности округа должна предполагать создание качественной инфраструктуры, разработку бизнес-планов развития других направлений экономики региона, не связанных с основными развитыми отраслями, а также поиск инвесторов. Предлагаемые меры по усилению устойчивого развития экономики региона могут способствовать увеличению производительности труда, росту объемов производства в целом и, самое главное, повышению уровня жизни населения.

ЛИТЕРАТУРА

Ганопольский М.Г. (2012). Устойчивое развитие региона: вопросы методологии / М.Г. Ганопольский // *Налоги. Инвестиции. Капитал*, № 1–2, с. 4.

Глаз О.В. (2014). Развитие мобильности кадров инновационной экономики в системе управления профессиональными компетенциями / Е.А. Савельева, О.В. Глаз // *Креативная экономика*, № 5(89), с. 57–69.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года. Доступно на: <http://government.ru/content/governmentactivity/rfgovernmentdecisions/archive/2/>.

Масюто И.А. (2013). Механизм управления устойчивостью экономики региона / И.А. Масюто // *Экономика и предпринимательство*, № 12, с. 408–410.

Нарожная Г.А. (2013а). Система продовольственного обеспечения как сложное социально-экономическое формирование / Г.А. Нарожная, О.А. Миргородская // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*, № 2, с. 249–253.

Нарожная Г.А. (2013б). О факторах устойчивого развития агробизнеса / Г.А. Нарожная, О.А. Миргородская // *Сборник научных статей по материалам II-й Международной научно-практической конференции. Ставрополь*, с. 110–113.

Об утверждении порядка разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация: Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 1995 г., № 594 (с изменениями от 23 августа 2011 г.). Российская Федерация. Правительство. Доступно на: <http://www.garant.ru>.

REFERENCES

Ganopolskii M.G. (2012). Sustainable development of the region: questions of methodology. Ganopolskii M.G. *Taxes. Investment. Capital*, no. 1–2, p. 4. (In Russian.)

Glaz O.V. (2014). Development of staff mobility innovative economy in the management of professional competences. E.A. Savelyev, O.V. Glaz. *Creative Economy*, no. 5(89), pp. 57–69. (In Russian.)

Masyuto I.A. (2013). The mechanism controlling the stability of the region's economy. *Economy and Entrepreneurship*, no. 12, pp. 408–410. (In Russian.)

Narozhnaya G.A. (2013a). The food system as a complex socio-economic formation. G.A. Narozhnaya, O.A. Mirgorodskaya. *Herald Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, no. 2, pp. 249–253. (In Russian.)

Narozhnaya G.A. (2013b). Factors of Sustainable Development of Agribusiness. G.A. Narozhnaya, O.A. Mirgorodskaya. *Collection of scientific articles based on the II-nd International Scientific and Practical Conference*. Stavropol, pp. 110–113. (In Russian.)

On approval of the design and implementation of federal target-O programs and intergovernmental programs, the implementation of which the Russian Federation: Russian Federation Government Resolution of June 26, 1995, no. 594 (as amended on August 23, 2011). Russian Federation. Government. Available at: <http://www.garant.ru/>. (In Russian.)

The concept of long-term socio-economic development of the Russian-Federation until 2020. Available at: <http://government.ru/content/governmentactivity/rfgovernmentdecisions/archive/2/>. (In Russian.)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РОСТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И ВЫЗОВОВ

КУШНАРЕНКО Т.В.,

кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита,
Донской государственной технической университет,
e-mail: tvkushnarenko@mail.ru

В статье обоснована важность конвергенции системного и дифференцированного подходов к формированию адаптивных региональных механизмов сохранения устойчивого роста в условиях внешних угроз; доказано, что концептуальные основы управления региональными инновациями как потенциалом конкурентоспособности хотя и отражают общеэкономические императивы, они формируются под воздействием особенностей конкретной территории в рамках единого национального рыночного пространства.

Ключевые слова: региональный механизм; устойчивое развитие; глобальные вызовы; санкции; региональные инновационные альянсы.

THE REGIONAL MECHANISM OF PRESERVATION OF STEADY GROWTH IN THE CONDITIONS OF GLOBAL PROBLEMS AND CALLS

KUSHNARENKO T.V.,

PhD, Chair of Accounting, Analysis and Audit,
Don State Technical University,
e-mail: tvkushnarenko@mail.ru

In article importance of convergence of the system and differentiated approaches to formation of adaptive regional mechanisms of preservation of steady growth in the conditions of external threats is proved; it is proved that conceptual bases of management of regional innovations as competitiveness potential, though reflect all-economic imperatives, are formed under the influence of features of the concrete territory within uniform national market space.

Keywords: regional mechanism; sustainable development; global challenges; sanctions; regional innovative alliances.

JEL classification: O18, O19.

В нынешней ситуации крупномасштабных структурных изменений в глобальном мире, обусловленных кризисом на Украине, расширяющимися экономическими санкциями Запада и ответными мерами России, решение вопросов сохранения и поддержания устойчивого развития региональных экономических систем напрямую зависит от создания эффективной системы институтов модернизации, инноваций, конкуренции, гражданского общества, иными словами, – от адаптивных региональных механизмов, в которых объективно необходимо повышение роли регулирующих и стимулирующих функций государства. Усиление перечисленных акцентов в региональной политике связано с тем, что практическое воплощение в границах отдельных территорий парадигмы устойчивого развития и концепции социально-консервативного синтеза затруднено

высокой дифференциацией их социально-экономического, инвестиционного и инновационного потенциала, что делает отсталые регионы наиболее уязвимыми к воздействию глобальных вызовов и наименее готовыми к эффективной реакции на них.

Так, опыт кризиса 2008 г. показал высокую зависимость российской экономики от мирового финансового рынка. Глобальные экономические трансформации и потрясения, которые пришли на смену длительному экономическому подъему развитых стран (закономерное проявление длинных циклов экономической активности Кондратьева), с новой силой выявили необходимость увеличения инновационного потенциала нашей страны и ее отдельных территорий для противостояния этим вызовам в рамках нового (шестого) технологического уклада, в основе которого лежит комплекс нано-, информационно-коммуникационных и биотехнологий.

Как отмечает академик С.Ю. Глазьев, выход из нынешней депрессии будет сопровождаться масштабными геополитическими и экономическими изменениями. При этом лидирующие страны демонстрируют неспособность к совместным кардинальным институциональным нововведениям, которые могли бы канализировать высвобождающийся капитал в структурную перестройку экономики на основе нового технологического уклада, и продолжают воспроизводить сложившуюся институциональную систему и обслуживать воплощенные в ней экономические интересы (Глазьев, 2014).

В данном контексте с целью выравнивания потенциала устойчивого развития российских территорий необходимо создать им свободный доступ к новым технологиям, а для обеспечения добросовестной конкуренции на инновационном поле – ввести межрегиональный механизм пресечения злоупотреблений крупных корпораций монопольным положением на рынке.

Подчеркивая большую роль государства в этих процессах, следует, однако, отметить, что должна быть оставлена достаточная свобода регулирования региональных экономик в целях выравнивания уровней социально-экономического развития регионов. Наряду с уже действующими в субъектах механизмами защиты внутреннего рынка от недобросовестной внешней конкуренции, инструментами такого выравнивания являются разнообразные механизмы стимулирования НТП и государственной поддержки инновационной и инвестиционной активности; установление государственной монополии на использование природных ресурсов; удержание под государственным контролем важнейших секторов региональной экономики; другие формы повышения региональной конкурентоспособности, включая разного рода инновационные альянсы. Последние (кластеры) можно рассматривать как инновационную организационно-экономическую форму осуществления производственно-хозяйственной деятельности региона, способствующую развитию его внутреннего потенциала, модернизации основных элементов региональной экономической системы в условиях макроэкономической нестабильности (Матвеева, Никитаева, Чернова, 2014).

Но важно учитывать, что в условиях нарастания макроэкономической нестабильности, формирующей «внешний фон» инновационных альянсов, генерируемые ими позитивные эффекты тесно сопряжены с формированием внутреннего механизма перехода к инновационному развитию региональных экономик. При этом количество и величина указанных эффектов зависит от того, насколько формы межфирменного сотрудничества адекватны целям хозяйствующих субъектов и экономических систем более высокого уровня, сложившимся и перспективным условиям хозяйствования (Алешин, 2011). Очевидно в этой связи, что разрабатываемые российскими регионами долгосрочные стратегии социально-экономического развития и используемые программные методы управления приоритетными секторами региональной экономики должны корректироваться с учетом возможных последствий экономических санкций. Поэтому в контексте формирования дееспособных кластеров существенный практический интерес представляет анализ, во-первых, накопленного в их границах инновационного потенциала и степени его вовлечения в социально-экономические процессы; во-вторых, практики господдержки межрегиональных кластеров в долгосрочных стратегиях; в-третьих, уровня согласования региональных программ и стратегий; в-четвертых, направлений государственного стимулирования институтов развития инноваций в каждом отдельном макрорегионе.

Макрорегионы, в отличие от других пространственных образований, обладают ярко выраженными качествами саморегулируемости, основанными на возможности координации деятельности и формировании общей экономической политики входящих в их состав регионов. Кроме того, являясь своего рода квазигосударственными образованиями, они не только призваны укреплять федеральную вертикаль власти, но и способны активизировать процессы инновационного развития регионов.

С использованием официальной статистики по макрорегионам страны был проведен сравнительный анализ их «инновационной платформы» для сохранения устойчивого экономического роста в условиях внешних вызовов.

По совокупности ключевых показателей инновационного потенциала (рис. 1, 2), подтверждающих «инновационную полярность» федеральных округов, методом многомерного статистического анализа рассчитаны информативные интегральные показатели (табл. 1).

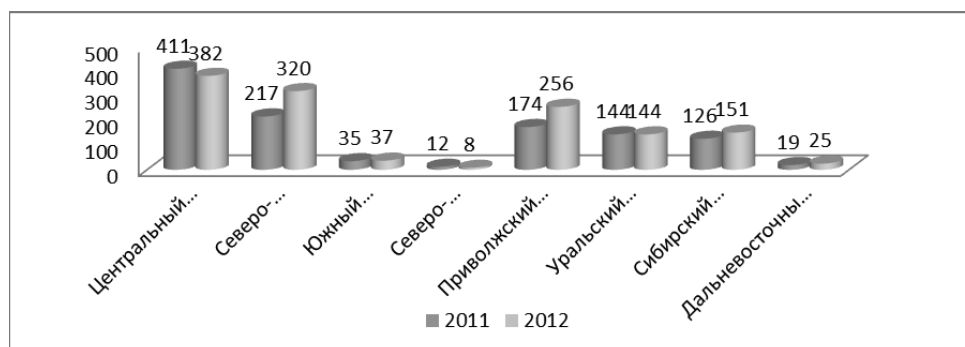

Рис. 1. Число созданных передовых производственных технологий (ед.)

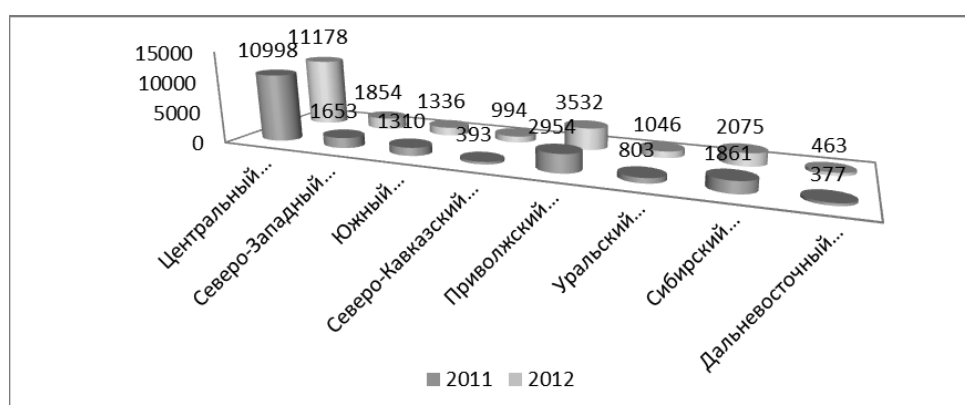

Рис. 2. Число выданных патентов на изобретения в субъектах РФ (ед.)

Как видно, в целом по России изобретательская активность имеет положительную динамику, однако, во-первых, она сильно варьирует в макрорегиональном разрезе, во-вторых, слабо коррелирует с показателями практического использования инноваций (рис. 3, 4).

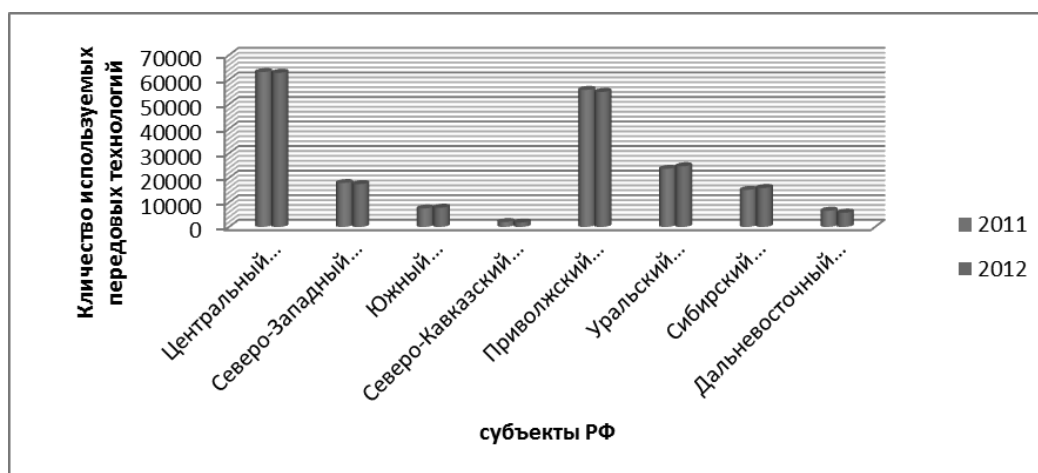

Рис. 3. Число используемых передовых производственных технологий в субъектах РФ за период 2011–2012 гг. (ед.)

Кроме того, «инновационные возможности» макрорегионов (табл. 1) в достаточной степени реализуются только в Центральном, Уральском и Сибирском федеральных округах, что свидетельствует о необходимости существенной модернизации как механизмов управления инновационными процессами в регионах страны, так и в целом региональной политики в сфере инноваций. Положительная динамика интегральных показате-

лей восточных регионов свидетельствует о значительном усилении этого направления как стратегического для российской экономики в контексте санкций.

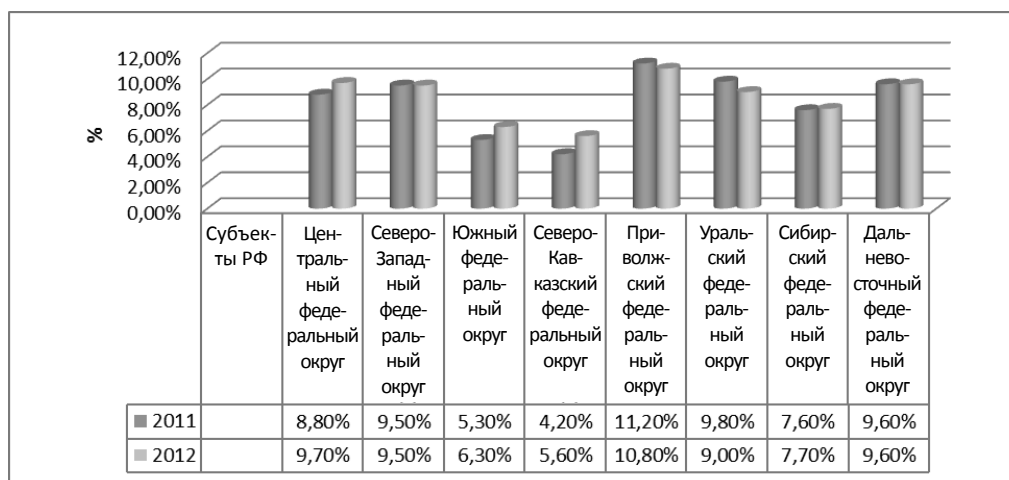

Рис. 4. Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в 2011–2012 гг. (%)

Таблица 1

Интегральный показатель инновационной активности макрорегионов РФ в 2011–2012 гг.

Субъекты РФ	Инновационные возможности		Результаты инновационной деятельности		Спрос на инвестиции в инновации	
	2011	2012	2011	2012	2011	2012
ЦФО	1,28	1,34	1,41	1,34	1,22	1,2
СЗФО	0,92	1,07	0,86	1,02	0,94	0,8
ЮФО	0,42	0,5	0,56	0,56	0,56	0,64
СКФО	0,14	0,22	0,14	0,5	0,14	0,3
ПФО	0,56	0,76	0,84	1,06	1,34	1,2
УФО	1,16	1,28	0,73	0,64	1,08	1,06
СФО	0,7	0,56	0,7	0,84	0,78	1,36
ДФО	0,98	1,06	0,22	0,36	0,85	0,82

Одним из слабейших регионов является СКФО, все показатели которого существенно ниже средних по регионам. Но именно в периоды глобальных изменений и технологических сдвигов возникает «окно» возможностей для отстающих территорий вырваться вперед. Для этого необходим мощный иницирующий импульс, позволяющий сконцентрировать имеющиеся ресурсы на перспективных направлениях, создании кластеров технологически связанных новых производств (длинных технологических цепочек разработки и производства наукоемкой продукции). Их необходимо ориентировать на становление ядра нового технологического уклада и достижение синергетического эффекта, что предполагает подчиненность макро- и мезоэкономической политики приоритетам долгосрочного технико-экономического развития. Вместе с тем, необходимо учитывать, что стратегия опережающего развития может быть реализована в освоении только передовых технологий. В отстающих отраслях должна реализовываться стратегия динамического нагнывания, предполагающая широкое заимствование современных технологий за рубежом и их освоение с дальнейшим совершенствованием. В перерабатывающих отраслях это может дать многократное увеличение выхода готовой продукции с единицы сырья, которое для лесоперерабатывающей и нефтехимической промышленности составляет десятикратную величину, для металлургической и химической промышленности – пятикратную, для агропромышленного комплекса – трехкратную (Глазьев, 2010). Необходимо также повышать эффективность институтов развития, направляя их активность на поддержку проектов, предусматривающих лидерство региона в производственно-технологической кооперации.

ЛИТЕРАТУРА

Алешин А.В. (2011). Формы и технологии реализации партнерских отношений малых, средних и крупных предприятий в региональной экономике // *Социально-экономические и гуманитарные науки*, № 6.

Глазьев С.Ю. (2014) Как не проиграть в войне. Доступно на: www.glazev.ru. Московский экономический форум. Доступно на: www.me-forum.ru/media/news/2561.

Глазьев С.Ю. (2010). Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика.

Liudmila G. Matveeva, Anastasia Y. Nikitaeva, Olga A. Chernova (2014). Prospects of development of the Southern Russian regions in the context of macroeconomic instability // *Pensee Journal (Paris)*, vol. 76, issue. 9.

REFERENCES

Alyoshin A.V. (2011). Forms and technologies of realization of partnership of the small, medium-sized and large enterprises in regional economy. *Social and economic and the humanities*, no. 6. (In Russian.)

Glazyev S.Yu. (2014) How not to lose in войне. Available at: [http: www.glazev.ru](http://www.glazev.ru). Moscow economic forum. Available at: www.me-forum.ru/media/news/2561. (In Russian.)

Glazyev S.Yu. (2010). Strategy of advancing development of Russia in the conditions of global crisis. М.: Economy. (In Russian.)

Liudmila G. Matveeva, Anastasia Y. Nikitaeva, Olga A. Chernova (2014). Prospects of development of the Southern Russian regions in the context of macroeconomic instability. *Pensee Journal*, vol. 76, issue. 9.

РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

РОДИОНОВА Н.Д.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория»,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
e-mail: zontik-slonik@mail.ru

В статье обосновывается повышающаяся роль качества экономического пространства в обеспечении расширенного воспроизводства и инновационного развития региональных социально-экономических систем, показана актуальность разработки системы показателей для оценки качества экономического пространства как фактора экономического развития современных российских регионов и предлагается авторский подход к ее формированию.

Ключевые слова: регион; воспроизводственная система; региональная инновационная система; качество экономического пространства.

DEVELOPMENT OF AN INDICATOR SYSTEM TO MEASURE THE QUALITY OF ECONOMIC SPACE IN THE REGION

RODIONOVA N.D.,

Associate Professor of Chair of Economic Theory, Ph.D.,
Rostov State Economic University,
e-mail: zontik-slonik@mail.ru

The article explains the rising role of the quality of economic space in providing expanded reproduction and innovative development of the regional social and economic systems, the urgency of developing an indicator system to assess the quality of economic space as a factor in economic development of modern Russian regions and offers the author's approach to its development.

Keywords: region; reproductive system; regional innovation system; quality of economic space.

JEL classification: O18, R11, R12.

Включение России в процессы глобализации и международной регионализации требуют нового осмысления фактора пространства в настоящем и будущем страны. Пространственные проблемы России отражаются в громадных внутренних контрастах, неэффективной региональной структуре экономики, унаследованной от прошлого, депопуляции и экономической маргинализации большей части окраин России, в произошедшем в 1990-е гг. сужении зоны ее политического и экономического влияния в мире. Немалую угрозу целостности российского пространства создает усиление его внутренних социально-экономических различий в ходе рыночной трансформации и глобализации экономики. Эти различия или контрасты, измеряемые величиной отклонений от средних значений параметров регионального развития, предстают в виде территориальных диспропорций экономики и социальной сферы (Вардомский, 2006).

Большой физический размер пространства сегодня, как и ранее, дает важные стратегические преимущества в военно-политическом плане, с точки зрения контроля мирового воздушного и космического пространства, выхода к разным океаническим акваториям, широкого соседства с зарубежными государствами. Однако глобальное позиционирование страны показывает, что «количество» пространства не обеспечивает ей устойчивых конкурентных преимуществ как в экономике, так и политике (Колосов, Мироненко, 2001. С. 25). В связи с этим в последнее время все большее значение для устойчивого развития социально-экономических систем российских регионов, в том числе для их перехода к инновационным стратегиям развития, приобретает качество их экономического пространства.

В контексте проблематики развития региональных инновационных систем качество экономического пространства региона является одним из определяющих факторов, обеспечивающих условия для взаимодействия субъектов инновационной деятельности. Низкое качество экономического пространства будет препятствовать процессам активизации такого взаимодействия, приводя к дополнительным финансовым и временным издержкам непосредственных его участников, снижению эффективности осуществляемой на территории региона предпринимательской инновационной деятельности, ограничивая возможности экономического роста в регионе.

В связи с этим необходимо иметь целостную систему показателей, на основе которой можно оценить качество экономического пространства на территории конкретного региона, выявить его наименее развитые элементы, определить необходимые меры для их развития и проанализировать действенность управленческих решений, принятых на предыдущих этапах процесса управления. Для разработки такой системы показателей целесообразно определить, какая информация должна быть в ней представлена. В нашем случае мы предлагаем выяснить это исходя из существующих основных подходов к определению понятия «экономическое пространство»¹ (табл. 1).

Таблица 1

Основные требования к содержанию системы показателей оценки качества экономического пространства региона исходя из существующих подходов к содержанию понятия²

Подход	Сущность подхода	Требования к содержанию системы показателей оценки качества экономического пространства региона
Геополитический (геоэкономический) (Вардомский, 2006)	Сохранение или формирование единого (или общего) экономического пространства, конструируемого посредством глобального и регионального межгосударственного сотрудничества	Должна отражать нормы, правила и принципы использования пространства в регионе(-ах), быть удобной для принятия решений по унификации и гармонизации правил и норм (институтов) предпринимательской деятельности в регионах(странах)-участниках, обеспечению свободы трансрегионального движения людей, товаров, услуг и капиталов
Хозяйственно-правовой (Вардомский, 2006)	Отражен в трактовке экономического пространства, даваемого Конституцией РФ, где главный акцент делается на его целостность и единство	Должна выявлять дифференциацию регионов по условиям ведения предпринимательской деятельности в целом, в контексте параметров, определяющих предпринимательский климат на той или иной части единого пространства
Системно-структурный (Гранберг, 2000. С. 25)	Насыщенная территория, вмещающая множество экономических объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети	Должна отражать качество связей между экономическими объектами региональной воспроизводственной системы, в т. ч. эффективность взаимодействия ее субъектов; общий уровень его освоенности и развития
Информационный (Бияков, 2004; Иванов, 2003; Сыроежин, 1986; Паринов, 2001)	Трактуется через информационную составляющую экономического процесса	Должна отражать условия движения информационных потоков между субъектами региональной системы
Процессный (Бияков, 2004)	Отношение между экономическими процессами субъектов хозяйствования и совокупным экономическим процессом (V-процессом) по формированию возможных результатов экономической деятельности; выделяет следующие основные элементы, образующие экономическое пространство: совокупный экономический процесс, экономическое время, экономическая конкуренция	Должна отражать информацию об общей институциональной среде реализации экономических процессов субъектов хозяйствования, включающую стоимость транзакций, время транзакций, их территориальную концентрацию

¹ Более подробный анализ подходов к определению понятия «экономическое пространство» представлен в (Родионова Н.Д., 2012).

² Составлено автором.

Как показано в табл. 1, существующие подходы дополняют друг друга с точки зрения требований к разработке системы показателей оценки качества экономического пространства региона. Однако в центре внимания, по нашему мнению, в контексте нашей проблематики целесообразно рассматривать системно-структурный и процессный подходы.

В рамках первого качество экономического пространства определяется рядом характеристик и параметров, такими как: плотность (численность населения, валовый региональный продукт, природные ресурсы, основной капитал и т. д. на единицу площади пространства); размещение (показатели равномерности, дифференциации, концентрации, распределения населения и экономической деятельности, в том числе существование хозяйственно освоенных и неосвоенных территорий); связанность (интенсивность экономических связей между частями и элементами пространства, условия мобильности товаров, услуг, капитала и людей, определяемые развитием транспортных и коммуникационных сетей) (*Шарони-на, 2003*).

В таком понимании качество и порядок экономического пространства определяются общим уровнем его освоенности и развития (включая показатели их дифференциации), структурными особенностями хозяйства (соотношение основных видов хозяйственной деятельности, отдельных частей пространства, его центров и периферии), экономической и социальной связанностью его отдельных частей (развитие коммуникаций, мобильность населения, переплетение и интенсивность производственных, бытовых и финансовых связей) (*Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), 2012*).

При процессном подходе важной характеристикой экономического пространства является уровень его концентрации, который определяется отношением количества частных экономических процессов, входящих в V-процесс, к общему количеству частных процессов, реализуемых субъектами хозяйствования. Чем выше концентрация экономического пространства, тем меньше время, необходимое для завершения транзакции. Длительность транзакции в общем случае определяется ее отклонением от формы и содержания ограничений, накладываемых институциональной средой. Если транзакция вписывается в институциональную среду, то время ее завершения совпадает с физическим временем, определяющим процесс ее завершения, а издержки соответствуют принятому уровню. Уровень концентрации экономического пространства определенным образом влияет на конкурентоспособность субъекта хозяйствования, она повышается относительно аналогичного субъекта, не входящего в данный уровень концентрации пространства (*Бияков, 2004*).

Таким образом, анализ основных подходов к определению понятия «экономическое пространство» позволяет выделить следующие основные направления, отражающие содержание системы показателей оценки его качества: она должна давать возможность оценить транзакционные издержки хозяйствующих субъектов воспроизводственной системы региона на осуществление своей деятельности; она должна давать информацию об условиях обмена информацией при осуществлении экономических транзакций; она должна давать возможность оценки общей освоенности и развития пространства; она должна предоставлять возможность оценки территориальных аспектов развития экономического пространства региона (как для внутренней, так и для внешней среды).

Кроме того, при разработке системы показателей оценки качества экономического пространства региона целесообразно использовать следующую систему критериев отбора показателей (индикаторов), применяемую в зарубежной практике при разработке различных систем показателей (индикаторов) (*Горшкова, 2006*).

1. Приемлемость для принятия решений: показатель должен играть эффективную роль в отслеживании прогресса (регресса) и побуждать пользователей реагировать на отражаемые им реальности; должен характеризовать ход эволюции во времени, степень чувствительности к изменениям и направленность (положительную или отрицательную) происходящих изменений, а также непременно сопровождаться оценкой причин, объясняющих его динамику; должен обладать информативностью, доступностью для понимания и полезностью для пользователей, простотой передачи информации (например, с помощью инструментов статистики или графического представления данных).

2. Аналитическая важность: показатель должен быть теоретически и научно обоснован; набор индикаторов должен соответствовать международным (глобальным) и национальным подходам, требованиям и стандартам.

3. Измеряемость и достоверность: информационной основой для получения (определения) индикаторов устойчивого развития должна выступать имеющаяся государственная статистическая и официальная ведомственная информация; выбор показателей должен основываться на наличии соответствующих данных, на достоверности, точности, надежности (двойная проверка одного и того же результата, или подтверждение из двух источников) информации, отражении реальной ситуации по рассматриваемому вопросу, частоте сбора данных, согласованности во времени.

В контексте всего вышесказанного нами предлагается следующая система показателей оценки качества экономического пространства региона (табл. 2).

Таблица 2

Система показателей оценки качества экономического пространства региона³

Блок	Показатели	Ед. измерения
I. Стоимость экономических транзакций	Средняя стоимость услуг сотовой связи для юридических лиц	руб./мин.
	Средняя стоимость услуг стационарной телефонной связи	руб./мес.
	Средняя стоимость интернет-услуг для юридических лиц	руб./мес. на одно юрлицо
	Средняя стоимость почтовых услуг (письма, посылки): – Почта России; – частные почтовые услуги	руб./письмо руб./кг посылки
	Стоимость грузоперевозочных услуг для юридических лиц	руб./тыс. км
	Стоимость юридических услуг по сопровождению экономических транзакций	руб./транзакцию
	Стоимость информационных услуг для юридических лиц	руб./транзакцию
	Среднее время на переговоры по сотовой связи	мин./транзакцию
II. Издержки времени на осуществление транзакций	Среднее время на переговоры по городской телефонной связи	мин./транзакцию
	Среднее время на переговоры по междугородней телефонной связи	мин./транзакцию
	Среднее время на интернет-переговоры	мин./транзакцию
	Среднее время на осуществление почтовых и грузовых перевозок	мин./транзакцию
	Среднее время на оформление документов на осуществление транзакции	дней/транзакцию
	Среднее время на юридическую консультацию	час./транзакцию
	Среднее время на получение информационных услуг	час./транзакцию
	Обеспеченность объектами (вышками) сотовой связи	ед./км ²
III. Обеспеченность объектами транзакционной инфраструктуры	Обеспеченность стационарными телефонами	ед./1000 нас.
	Обеспеченность интернет-инфраструктурой	подключ./1000 нас.
	Обеспеченность объектами грузового транспорта (по видам транспорта)	ед./1000 нас.
	Обеспеченность объектами, предоставляющими юридические услуги	ед./1000 нас.
	Обеспеченность объектами, предоставляющими информационные услуги	ед./1000 нас.
	По аналогии с предыдущим блоком, все показатели рассматриваются в разрезе муниципальных образований и районов региона, на основе которых может быть составлена карта территориальной обеспеченности региона соответствующими объектами	
IV. Показатели территориальной обеспеченности объектами транзакционной инфраструктуры		

Предлагаемая система показателей состоит из четырех блоков, каждый из которых отражает отдельную сторону качества экономического пространства региона: стоимость экономических транзакций, временные издержки на их осуществление, обеспеченность соответствующими объектами инфраструктуры, а также их территориальное распределение.

Использование такой системы показателей может быть осуществлено применительно как к одному региону, так и к нескольким. В последнем случае возможно сравнение регионов между собой по уровню развития экономического пространства и его способствованию развитию хозяйственной и предпринимательской деятельности. Также на основе предлагаемой системы показателей возможно отследить результативность мер, осуществляемых в направлении повышения качества экономического пространства, как на региональном уровне, так и в разрезе территориального развития региона. К сожалению, значительная часть из предлагаемых показателей может быть получена только на основе опроса хозяйствующих субъектов региона, так как они не рассматриваются современной системой статистического учета. Однако некоторые могут быть рассчитаны на основе официальных данных Федеральной службы государственной статистики и ее региональных подразделений (например, обеспеченность стационарными телефонами, объектами транспорта, а также услугами сотовой связи и некоторые другие).

В целом же предлагаемая система показателей представляется довольно прозрачной и логичной и может быть использована как удобная база для принятия управленческих решений по развитию экономического пространства региона как условия для стабилизации и активизации предпринимательских процессов, в том числе в инновационной сфере.

³ Составлено автором.

ЛИТЕРАТУРА

- Бияков О.А. (2004). Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. Томск: Изд-во Том. ун-та.
- Вардомский Л.Б. (2006). Российское экономическое пространство: вопросы единства в условиях глобализации / Научный доклад. Институт экономики РАН, Центр стран СНГ и Балтии. М. Доступно на: [www.imepi-eurasia.ru/baner/ward1.doc](http://imepi-eurasia.ru/baner/ward1.doc).
- Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (2012). № 4(40), декабрь. Доступно на: www.do.gendocs.ru/docs/index-294068.html.
- Горшкова Ю.О. (2006). Научно-методические подходы к формированию системы индикаторов устойчивого развития: Калужская область // *На пути к устойчивому развитию*, № 33.
- Гранберг А.Г. (2000). Основы региональной экономики, ГУ ВШЭ, М., с. 25.
- Иванов Е. (2003). Информация как категория экономической теории. Доступно на: <http://rvles.ieie.nsc.ru:8101/parinov/ivanov/ivanov1.htm>.
- Колосов В.А., Мироненко Н.С. (2001). Геополитика и политическая география, М.: Аспект пресс, с. 25.
- Паринов С. (2001). К теории сетевой экономики // *Проблемы новой политической экономики*, № 1.
- Родионова Н.Д. (2012). Интеграционный потенциал пространственно-сетевых взаимодействий субъектов инновационной системы региона: монография / Н.Д. Родионова; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Ростов н/Д.
- Сыроеждин И.М. (1986). Планомерность. Планирование. План. М.: Экономика.
- Сыроеждин И.М. (1978). Системный анализ экономической информации. Л.: Изд-во ЛФЭИ.
- Шаронина Л.В. (2003). Валовой региональный продукт как индикатор воспроизводственных пропорций мезоуровня экономики: вопросы теории и методологии. Дис. ... канд. экон. наук. Таганрог.

REFERENCES

- Biyakov O.A. (2004). The theory of economic space: the methodological and regional aspects. Tomsk. (In Russian.)
- Bulletin of the Rostov State Economic University (RINH) (2012), no. 4(40), december. Available at: do.gendocs.ru/docs/index-294068.html. (In Russian.)
- Gorshkov J.O. (2006). Scientific and methodological approaches to the formation of a system of indicators of sustainable development: Kaluga region. *Towards Sustainable Development*, no. 33. (In Russian.)
- Granberg A.G. (2000). Fundamentals of the regional economy, HSE, Moscow, p. 25. (In Russian.)
- Ivanov E. (2003). Information as a category of economic theory. Available at: <http://rvles.ieie.nsc.ru:8101/parinov/ivanov/ivanov1.htm>. (In Russian.)
- Koloso V.A., Mironenko N.S. (2001). Geopolitics and political geography, "Aspect press", Moscow, p. 25. (In Russian.)
- Parinov S. (2001). On the theory of network economy. *New issues of political economy*, no. 1. (In Russian.)
- Rodionova N.D. (2012). Integration potential of space-networking subjects of innovation system in the region. Rostov State Economic University (RINH). Rostov-on-Don. (In Russian.)
- Syroezhin I.M. (1986). The planned. Planning. Plan. Moscow. (In Russian.)
- Syroezhin I.M. (1978). Systems analysis of economic information. Leningrad. (In Russian.)
- Sharonin L.V. (2003). Gross regional product as an indicator of reproductive proportions mesa economy: theory and methodology. Taganrog. (In Russian.)
- Vardomsky L.B. (2006). Russian economic space: the question of unity in the context of globalization. Scientific Report. Institute of economic Sciences, Center of the CIS and Baltic countries. M. Available at: imepi-eurasia.ru/baner/ward1.doc. (In Russian.)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО СТАТУСА ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ

ТРАВНЕВ Л.Н.,

соискатель,
Институт экономики и управления,
e-mail: trvnev_l@list.ru

В статье проанализированы социально-экономические особенности развития городских агломераций в условиях современных тенденций урбанизации. Проведенное исследование проблем развития муниципального образования (далее – МО) «Город Пятигорск» было направлено на выявление индикаторов повышения его инвестиционной привлекательности и выработку рекомендаций для необходимых действий администрации города с целью повышения его инвестиционного статуса.

Ключевые слова: урбанизация; город; инвестиционный потенциал; социально-экономические проблемы; респонденты; сбалансированное развитие.

PROBLEMS INCREASE INVESTMENT STATUS OF CONURBATIONS

TRAVNEV L.N.,

Competitor,
Institute of Economics and Management,
e-mail: trvnev_l@list.ru

The article analyzes the socio-economic characteristics of urban agglomerations in contemporary urbanization trends. This study concerns the development of the municipality «City Pyatigorsk» was aimed at identifying indicators enhance its attractiveness and make recommendations for appropriate action of the city administration in order to increase its investment status.

Keywords: urbanization; city; investment potential; socio-economic problems; the respondents; balanced development.

JEL classification: O16, O18.

Процесс урбанизации, обусловленный технологическим развитием промышленности и сельского хозяйства, создал новые возможности для экономического роста, социального и интеллектуального развития населения большинства стран мира. В XXI в. стремительный рост городского населения планеты продолжается. Согласно прогнозам ООН и Всемирного Банка, в 2030 г. доля городского населения на планете достигнет 61%, причем в странах с высоким уровнем дохода она составит 84,7%, а в странах с низким – 45,3% (*Financing Urban Shelters Global Report of Human Settlements, 2005*). Это создает как новые возможности, так и потенциальные угрозы, связанные с истощением различного рода ресурсов, в первую очередь, природных, необходимых для обеспечения эффективной жизнедеятельности городских агломераций с высокой концентрацией жителей. Для интенсивного развития городов необходимо результативное использование внутреннего инвестиционного потенциала и создание высокого инвестиционного статуса каждого города.

Современная Россия, несомненно, является также страной динамично развивающихся городов (*Зверева, 2010*). В период ускоренного индустриального развития доля городского населения достигла 73,8%, и с тех пор

удерживается примерно на том же уровне (рис. 1), несмотря на то, что в абсолютных показателях численность городского населения в целом снизилась примерно на 5 млн чел. в 2007 г. по сравнению с 1991 г. (рис. 2).

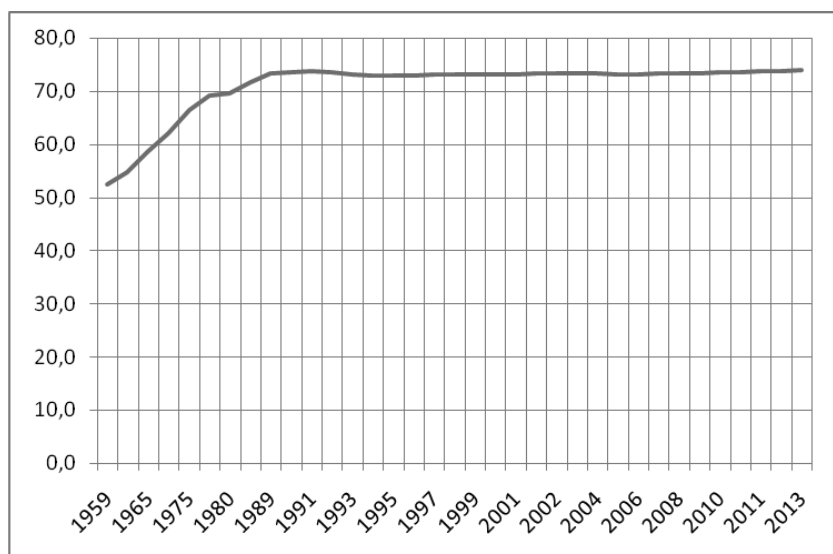

Рис. 1. Доля городского населения в России

(Составлено автором по данным «Демографический ежегодник России – 2013»)

В современных городах реально сосредоточен практически весь потенциал социально-экономического развития России в целом: финансовый, промышленный, культурный, интеллектуальный, инфраструктурный, политический и управленческий. При этом особое значение приобретает роль динамично развивающихся уникальных городов. Уникальная роль городов как драйверов экономического и культурного развития регионов мотивировала некоторых ученых-регионалистов XX и XXI вв. направить исследования на теоретическое осмысление проблем функционирования городских агломераций.

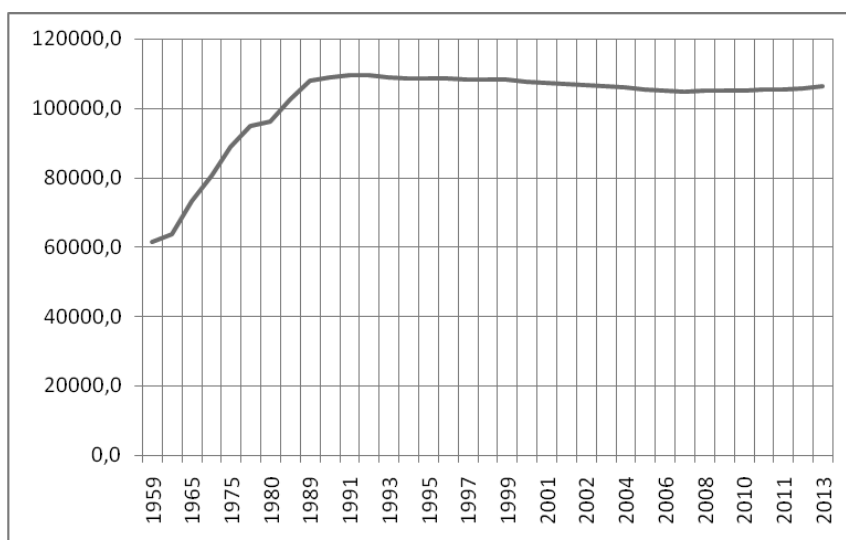

Рис. 2. Численность городского населения в России

(Составлено автором по данным «Демографический ежегодник России – 2013»)

В регионалистике уже определено, что есть города с высоким потенциалом социально-экономического развития, при этом их развитие требует не столько государственных дотаций и субсидий, сколько их стратегической ориентации на создание инвестиционных площадок (Зверева, 2010; Маркварт, 2010). Одним из таких городов в РФ является Пятигорск, самый крупный как по территории, так и по населению город Кавказских Минеральных Вод. Пятигорск как старейший бальнеологический и грязевой курорт федерального значения, ло-

гистический, торговый, образовательный, научный, культурный и туристский центр эколого-курортного региона «Кавказские Минеральные Воды», а теперь еще и административный центр, обладает высоким инвестиционным потенциалом. Инвестиционный статус города заметно повышает то обстоятельство, что с 19 января 2010 г. он, по решению федеральных властей, является центром Северо-Кавказского федерального округа.

Любую стратегию можно представить в виде пирамиды. В ее вершине лежит стратегическая доктрина – основные векторы и приоритеты развития до 2020 г. с прогнозом до 2030 г. Здесь главный тезис таков: ресурсы ограничены, потребности безграничны, поэтому нужно сконцентрироваться на выполнимом (Маркварт, 2010). Центральная часть пирамиды – это программа социально-экономического развития, конкретные механизмы и решения до 2015 г. Но главное – это то, что у стратегии должна быть основа, и части субъектов Северного Кавказа как раз не хватает именно этой нижней части пирамиды, так называемой системы мер.

В целях уточнения социально-экономической ситуации в муниципальном образовании (далее – МО) «Город Пятигорск» и определения комплекса мер для повышения его инвестиционной привлекательности был проведен опрос в формате структурированного интервью, в котором участвовали 113 жителей города. Принцип обратной связи в контексте выяснения мнений горожан по поводу проводимой городскими властями политики очень плодотворен, и время от времени, по мнению специалистов – ученых и практиков, – его надо реализовывать. Задаваемые вопросы были открытыми, респонденты имели возможность высказать собственное мнение по поводу социально-экономического состояния города и желательных, на их взгляд, направлений дальнейшего развития.

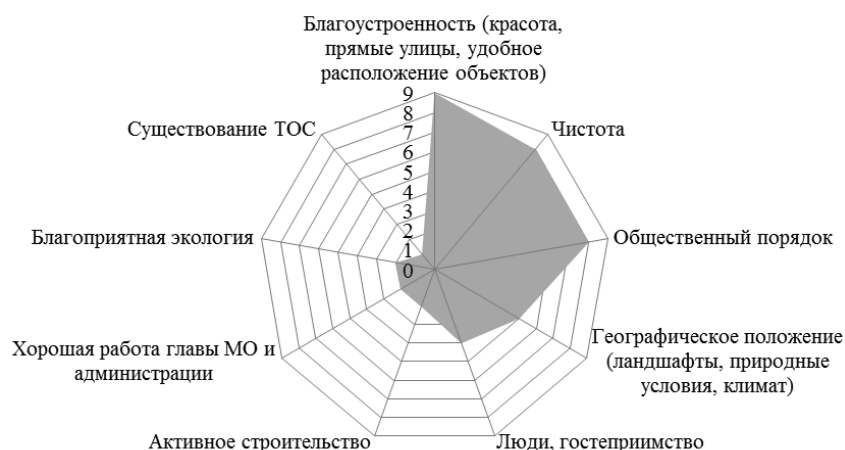

Рис. 3. Сильные стороны МО «Город Пятигорск», по мнению опрошенных жителей, март 2014

Среди опрошенных были 17 представителей организаций территориального общественного самоуправления, 14 народных депутатов муниципального образования «Город Пятигорск», 3 руководителя общественных организаций, 33 руководителя предприятий, 5 представителей вузовских администраций, 34 представителя молодежи, 2 руководителя органов СМИ, 5 представителей сферы культуры. По результатам этого опроса выяснено, что наиболее важными преимуществами муниципального образования являются его благоустроенность, чистота и общественный порядок (рис. 3). Меньшее число людей назвали в числе сильных сторон удачное географическое положение и гостеприимство людей.

Наиболее важной проблемой опрошенные считают недостаточный бюджет города (рис. 4), не позволяющий реализовать значимые проекты и недостаточный объем инвестиционных ресурсов. Также жителей Пятигорска беспокоит недостаточный уровень развития местной промышленности: они полагают, что предприятия практически перестают функционировать, и вынуждены работать на устаревшем оборудовании.

На рис. 4 не отражены проблемы, которые были названы лишь по одному разу, в том числе нехватка социальных учреждений (детских садов, школ, больниц), менталитет местного населения, неполное соответствие существующей инфраструктуры города статусу столицы Северо-Кавказского федерального округа, недостаточно развитая инфраструктура села, последствия системного кризиса, финансирование в основном через федеральный бюджет, малое количество значимых инвестиционных проектов.

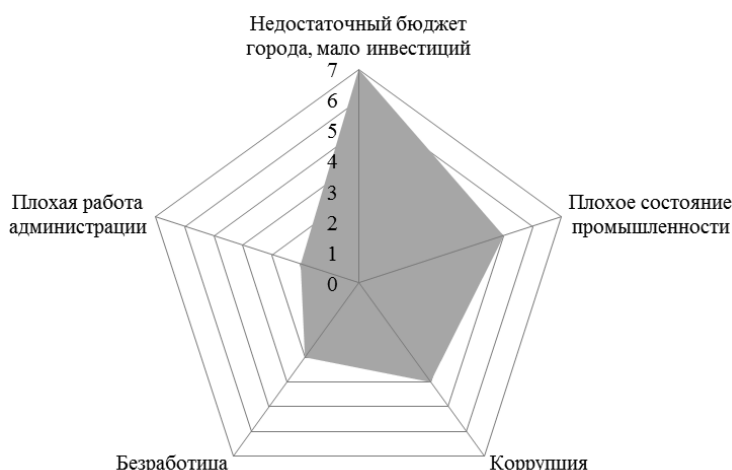

Рис. 4. Проблемы МО «Город Пятигорск», по мнению опрошенных жителей, март 2014

Некоторые респонденты не сочли для себя возможным предлагать варианты решения выявленных проблем, считая себя недостаточно информированными касательно перспектив развития города (рис. 5). Часть ответов, связанных с определением способов решения проблем, была увязана с созданием и развитием крупных компаний с высоким экологическим статусом, привлечением в город Пятигорск инвесторов с этой целью, и, как следствие этого, институциональными изменениями на рынке труда. Еще одним, как представляется, важным элементом, выступает развитие на Северном Кавказе в целом секторов экономики с высокой производительностью труда, не менее 1,5 млн руб. на человека в год, например, сборочных производств. По этому пути, в частности, пошла Карачаево-Черкесия, уже имеется положительный опыт и в городах Ставропольского края, сходных по институциональным условиям с Пятигорском.

Рис. 5. Способы решения проблем МО «Город Пятигорск», по мнению опрошенных жителей, март 2014

Помимо приведенных на рис. 5, были упомянуты следующие направления решения проблем:

- открытие детских садов;
- большее внимание к нуждам молодежи;
- инвестиции в развитие пригородного сельского хозяйства;
- развитие туризма и санаторно-курортного комплекса.

Опрошенные жители считают, что основные инвестиционные вложения необходимо делать, прежде всего, в санаторно-курортный комплекс, местную промышленность (рис. 6), сельское хозяйство, туризм и социальную инфраструктуру (детские сады, школы, медицинские учреждения). Респонденты отмечали, что ранее предприятия местной промышленности обеспечивали спрос населения МО, и теперь настало время восстановить их работоспособность.

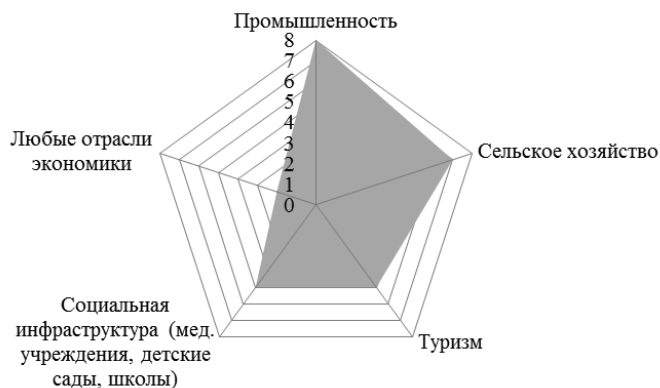

Рис. 6. Отрасли хозяйства МО «Город Пятигорск», требующие, по мнению опрошенных жителей, увеличения инвестирования, март 2014

Также в ответах упоминались такие традиционные для Пятигорска сферы, как образование, поддержка и развитие малого и среднего бизнеса и развитие санаторно-курортного комплекса. На вопрос о наличии в МО «Город Пятигорск» инновационного потенциала респонденты отвечали, что такой потенциал имеется в туризме и рекреации, промышленности, образовании и в пригородном сельском хозяйстве (рис. 7), однако он еще недостаточно используется при привлечении инвестиционных ресурсов в эти сферы.

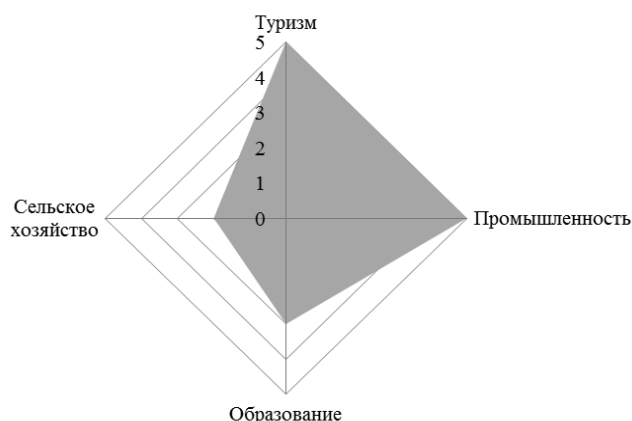

Рис. 7. Отрасли хозяйства МО «Город Пятигорск», имеющие, по мнению респондентов, инновационный потенциал, март 2014

Кроме указанных упоминались такие области, как сфера услуг, строительство, физкультура и спорт. Опрошенные жители указывали, что в городе ощущается нехватка объектов социальной инфраструктуры, а именно детских садов, школ, медицинских учреждений, спортивных сооружений, центров развития молодежи и кино-театров.

Весьма примечательным для городской администрации Пятигорска, рассматривавшей выступление команды КВН «Город Пятигорск» как элемент эффективного брендинга территории, является ее активное участие в развитии в городе такого популярного молодежного движения. Сам факт того, что две команды КВН талантливой молодежи из Пятигорска в условиях высокой конкуренции дважды с интервалом в одно десятилетие занимали первые места в РФ, заметно прибавил очков не только российскому, но и международному имиджу города, если учитывать обширную русскоговорящую целевую аудиторию Первого телеканала в ближнем и в дальнем зарубежье и высокий уровень интернационального интереса к этому молодежному движению. Несомненно, администрация МО «Город Пятигорск», активно поддерживая команду КВН «Город Пятигорск», выбрала верное направление работы не только с молодежью, но и с горожанами более старших возрастов, которые, испытывая чувство гордости за своих молодых земляков, проникались большим уважением к городским властным структурам, оказывающим всестороннюю спонсорскую помощь и поддержку молодым представителям города в этом вопросе. Несомненно, израсходованные городской администрацией средства на реализацию молодежной политики в этом направлении обязательно вернутся в город Пятигорск в ближайшее

время в гораздо большем объеме в виде укрепления его позитивного имиджа, притока туристов, рекреантов и инвестиций, а, значит, и расширенных поступлений в городскую казну.

Сейчас на Кавказских Минеральных Водах пока еще в дефиците специализированные площадки для проведения крупных конгрессных мероприятий, что является сдерживающим фактором для активного развития конгрессного туризма. В разработанный проект «Земляничные поляны» заложены создание в Пятигорске специализированного выставочно-конгрессного комплекса, а также современные туристско-рекреационная и урбанистическая зоны у подножья горы Бештау. Когда он будет реализован, у города, как и подобает его высокому административному статусу столицы макрорегиона, появится возможность на цивилизованном уровне организовывать региональные и трансграничные форумы, в том числе и инвестиционные, которые можно будет проводить постоянно (*Официальный сайт города Пятигорска*).

Респонденты считают, что для эффективного привлечения инвестиций необходима активная реклама МО как объекта инвестирования, в том числе участие в инвестиционных форумах и международных конференциях. Многие из опрошенных неплохо осведомлены об усилиях городской администрации в указанной сфере и высоко оценивают ее деятельность в этом направлении.

Таблица 1

**Необходимые действия администрации МО «Город Пятигорск»
для повышения его attractiveness, по мнению участников опроса, март 2014**

Распределение мнений о необходимых действиях администрации для привлечения инвестиций в %% к общему числу опрошенных		
1	Продвижение имиджа МО как объекта инвестирования (реклама, участие в форумах)	45
2	Развитие санаторно-курортного комплекса	34
3	Все делается правильно	13
4	Борьба с коррупцией	5
5	Повышение инвестиционного климата МО	5
6	Улучшение внешнего вида МО	4
7	Развитие сферы услуг	3
8	Развитие пригородного сельского хозяйства	2
9	Стимулирование внутренних инвестиций	1
10	Создание рабочих мест	1

По мнению респондентов, позиционирование МО «Город Пятигорск» для инвесторов следует строить на активном раскрытии туристического и санаторно-курортного потенциала города (рис. 8), а также акцентировать внимание на общественном порядке, который выгодно отличает город от других городов в районе Северного Кавказа. Однако часть опрошенных считают себя недостаточно компетентными для того, чтобы иметь обоснованное мнение по этому поводу, и доверяют принятие подобных решений администрации.

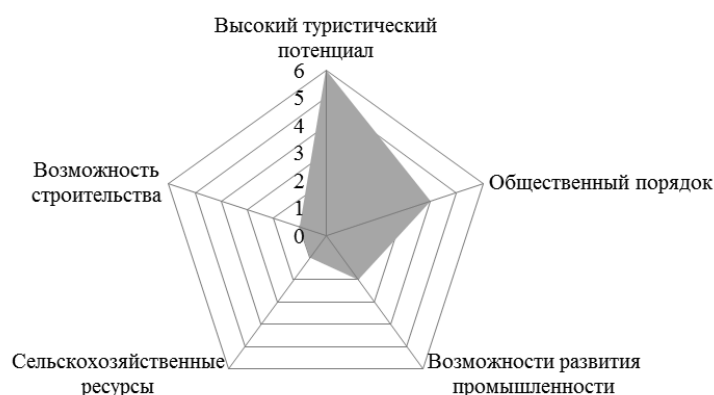

Рис. 8. Расстановка акцентов, по мнению опрошенных жителей,
при позиционировании МО «Город Пятигорск» в глазах потенциальных инвесторов, март 2014

Таким образом, результатом проведенного исследования является дополнительная, на практическом материале, аргументация тезиса о том, что развитие современного города зависит от инвестиционного климата

и своевременного решения проблем социально-экономического характера на фоне сохранения безопасной экологической обстановки, от постановки во главу угла экономических аспектов жизни населения города (Ревина, Довлатян, Неровня, 2011). Однако вопросы системного (включая векторы культурного, эстетического и интеллектуального) социально-экономического развития все еще остаются за пределами внимания специалистов. Другими словами, в российской регионалистике пока еще не сложилось стройной теории городского развития, отражающей все особенности процесса инвестиционного развития городов в России.

В ряде работ российских ученых отмечены такие факторы развития города, как природно-климатические условия и подверженность неблагоприятным воздействиям глобальных климатических изменений (Пахомова, 2012). Работа в направлении гармонизации последствий воздействия этих факторов на жизнедеятельность горожан, безусловно, также может (и должна) рассматриваться как потенциальное направление повышения инвестиционной привлекательности городских агломераций, особенно таких, как город Пятигорск.

Другой отличительной особенностью отечественной урбанистики является повышенное внимание к нормативно-правовым аспектам взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных властей (Зверева, 2010). Учитывая тот факт, что город Пятигорск является административным центром Северо-Кавказского федерального округа, его инвестиционная политика, как представляется, должна соответствовать стратегическим приоритетам развития как округа, так и муниципалитета, что есть крайне сложная задача в современных условиях развития (Официальный сайт города Пятигорска).

Нерешенность многих инфраструктурных и экономических проблем, отягощенная несовершенством межбюджетных отношений между муниципальными и другими уровнями власти, не позволяет напрямую без какой-либо адаптации внедрить концепцию инвестиционно привлекательных городов, представляющую одну из наиболее полных версий стратегии сбалансированного финансового обеспечения развития города, в практику муниципального управления (Маркварт, 2010).

Кроме того, высокая пространственная неравномерность развития российской экономики, при которой одни города и регионы находятся в процессе перехода от индустриального к устойчивому типу развития, а другие до сих пор не могут решить проблемы обеспечения минимального уровня качества жизни населения, не позволяет применить одни и те же стратегии ко всем городам России (Ревина, Довлатян, Неровня, 2011).

Поэтому разработка инвестиционной стратегии городов России, выделение различных стадий их инвестиционной привлекательности и разработка комплекса показателей уровня инвестиционного потенциала города на каждом из возможных этапов его развития для каждого типа города представляется как целесообразной, так и практически востребованной. От разработки стратегических проектов (концепций) развития на сегодняшний день требуется конструирование инструментов, необходимых для создания экономических структур города и средств изменения всей модели жизни горожан. Для формирования проектов развития города, в силу их масштабности и комплексного влияния, необходима поддержка субъектов, заинтересованных в брендинге таких проектов, а также консенсус интересов в совместной разработке стратегий (Маркварт, 2010). Как показывает практика последних лет, развитие и эффективность стратегий более высоки в тех городах, где властные структуры укомплектованы профессионально хорошо подготовленными высококвалифицированными и компетентными топ-менеджерами, владеющими необходимыми ресурсами и широкими полномочиями (Зверева, 2010).

ЛИТЕРАТУРА

- Демографический ежегодник России – 2013 (2014). М.: Росстат.
- Зверева С.А. (2010). Повышение конкурентоспособности крупнейшего города: институциональный аспект. Дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург.
- Маркварт Э. (2010). Хозяйственная деятельность муниципальных образований. НОУ ВПО «Пермский институт муниципального управления (ВШПП)». Пермь.
- Официальный сайт города Пятигорска. Доступно на: <http://pyatigorsk.org/ru/about>.
- Пахомова А.И. (2012). Пространственно-локализованная экономическая система в условиях адаптации региона к вызовам новой экономики. Дис. ... канд. экон. наук. Шахты.
- Ревина А.С., Довлатян Г.П., Неровня Т.Н. (2011). Институциональные условия и инструменты перехода субъектов региональной экономики на инновационную траекторию развития (концептуальный подход). Новочеркасск.
- Financing Urban Shelters Global Report of Human Settlements (2005). UN-HABITAT, p. 34–35.

REFERENCES

- Demographic Yearbook of Russia – 2013 (2014). Moscow. Statistics. (In Russian.)
- Financing Urban Shelters Global Report of Human Settlements. (2005). UN-HABITAT, pp. 34–35.

- Marquart E.* (2010). Economic activities of municipalities. Perm Institute of Municipal Administration (VSHPP). Perm. (In Russian.)
- Official site of the city of Pyatigorsk.* Available at: <http://pyatigorsk.org/ru/about> (In Russian.)
- Pakhomova A.I.* (2012). Spatially localized economic system in adapting to the challenges of the region's new economy. Shahty. (In Russian.)
- Revina A.S., Dovlatyan G.P., Nerovnya T.N.* (2011). Institutional conditions and tools transition subjects for innovative regional economy development trajectory (conceptual approach). Novocherkassk. (In Russian.)
- Zvereva S.A.* (2010). Improving the competitiveness of the largest cities in the institutional aspect. Yekaterinburg. (In Russian.)

БЛАГОУСТРОЙСТВО РЕГИОНА КАК ФАКТОР ОТРАЖЕНИЯ ЕГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

СЕРГИЕНКО В.Ю.,

аспирант кафедры «Национальная и региональная экономика»,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
e-mail: lev000007@mail.ru

В данной статье рассматривается процесс благоустройства региона (на примере Ростовской области) как один из факторов совершенствования и модернизации его инфраструктуры с целью эффективного устойчивого развития; выявлены, согласно социопросу, наиболее значимые факторы влияния на благоустройство региона социально-экономического разреза, оказывающие значительное влияние на установление устойчивых позиций региона, которые требуют дальнейшего анализа. Рассмотрен механизм взаимодействия государственных региональных органов с сектором реальной экономики и благоустройства и меры, направленные на повышение эффективности и совершенствования модернизации инфраструктуры обеспечения устойчивого развития региона.

Ключевые слова: модернизация инфраструктуры обеспечения устойчивого развития региона; благоустройство региона; административное обеспечение устойчивых позиций региона.

IMPROVEMENT OF THE REGION AS A FACTOR OF REFLECTION SUSTAINABLE DEVELOPMENT

SERGIENKO V.YU.,

Graduate student, Chair of «National and Regional Economies»,
Rostov State Economic University,
e-mail: lev000007@mail.ru

This article discusses the process of upgrading the region (for example, the Rostov region) as one of the factors of the improvement and modernization of its infrastructure for effective sustainable development; identified, according to the poll, the most significant factors influencing the improvement of the region's socio-economic section, with a significant impact on the establishment of stable position of the region that require further analysis. The mechanism of interaction of state regional bodies with the real sector of the economy and improvement and measures aimed at increasing efficiency and improving infrastructure modernization sustainable development of the region.

Keywords: modernization of infrastructure for sustainable development of the region; improvement of the region; administrative sustainable positions in the region.

JEL classification: R11, O13.

Сложившиеся условия в современном мире, в которых происходит развитие регионов, характеризуются сложной экономической ситуацией. Практически все отрасли экономики каждого региона затронули различ-

ные кризисы (финансовые, экономические, технологические), вследствие которых образовалось множество проблем, требующих безотлагательного решения. Как правило, в этой ситуации необходимо выработать наиболее эффективные пути регионального развития, направленные на «оздоровление» экономики, и определить механизмы их реализации. Одним из факторов, способных содействовать решению этой проблемы, является политика благоустройства региона, нацеленная на совершенствование модернизации его инфраструктуры, выступающая как катализатор экономической и социальной устойчивости региона и отражающая эффективность его деятельности.

Одной из наиболее важных задач современной политики совершенствования и модернизации инфраструктуры региона с целью его эффективного устойчивого развития является ориентация на следующие позиции:

- административное обеспечение устойчивого развития прилегающих периферийных территорий региона;
- долгосрочное видение социально-экономического и экологического аспекта региона;
- непрерывное усовершенствование механизмов и подходов к модернизации инфраструктуры региона;
- равновесие и взаимосвязь в социальной, финансовой, экологической и экономической позициях решения региональных вопросов.

Для решения поставленных вопросов и достижения цели необходимо конструктивное видение стратегий и механизмов модернизации инфраструктурного обеспечения, инновационно-технологического развития и сотрудничества реального сектора региона и его контролирующих институтов и органов управления, а также выработка и представление конкретных рекомендаций по решению ключевых проблем в этой области.

Проблему устойчивого развития региона часто ассоциируют с состоянием окружающей природной среды, недооценивая другие, не менее важные факторы устойчивого развития – экономические, социальные, политические, культурные, финансовые.

Под понятием «устойчивое развитие» (sustainable development) будем понимать такую модель социально-экономического развития, при которой реализуется высокий коэффициент будущего и достигается удовлетворение жизненных потребностей как нынешнего поколения людей, так и будущих поколений. Наиболее приемлемо определение, данное Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию (*Комиссия Брутланд, 1987*): «Прогресс, который удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности».

В соответствии с Планом мероприятий по реализации Концепции устойчивого развития территорий Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р, предусмотрена разработка федеральной и региональных программ устойчивого развития сельских территорий. Обеспечение устойчивости их развития является комплексной задачей, для решения которой необходимы скоординированные усилия министерств и ведомств, создающих условия для жизни в сельской местности в сочетании с социально ориентированной ответственной позицией бизнеса, работающего на сельских территориях, и активным участием населения, живущего на селе.

Фактором, благоприятствующим социально-экономическому развитию региона, является, в первую очередь, динамичная модернизация и развитие городов, не относящихся к статусу областного или краевого центра, как перспективного центра развития сферы той отрасли, которая наиболее благоприятна и эффективна для данного города.

Для оптимизации социально-экономических процессов и повышения эффективности органов местного самоуправления необходим системный подход к развитию территории, максимально учитывающий специализацию, ее уникальный ресурсный и рыночный потенциал. Дифференциация в уровне развития экономики, социальной инфраструктуры и систем жизнеобеспечения создает проблемы для самореализации населения в сельских поселениях, способствует оттоку из них трудовых ресурсов.

Таким образом, ключевыми проблемами, сдерживающими в настоящее время инновационное развитие на территории района, являются:

1. Низкая корреляция взаимосвязи реального сектора экономики с научным потенциалом исследовательских институтов.
2. Слабая деятельность производственных предприятий по созданию собственных инновационных разработок.
3. Низкая активность в сфере организации услуг и сервиса.

Схематичную модель устойчивого развития региона можно представить как совокупность следующих взаимосвязанных между собой составляющих компонент: экологической, экономической, социальной, политической, финансовой, этнической, культурной (см. рис. 1).

Рис. 1. Схематичная модель устойчивого развития региона¹

Экономический подход к устойчивому развитию региона предполагает оптимальное использование ограниченных ресурсов. Социальная составляющая ориентирована на сохранение социальной стабильности. Культурная компонента нацелена на творческо-инновационные и культурные подходы в глобальных масштабах. Экологическая компонента предполагает обеспеченность устойчивости природных систем и способность их самовосстановления и адаптации к меняющимся внешним условиям. Политическая составляющая подразумевает стабильное взаимодействие государственного аппарата и реального сектора экономики региона.

Для решения ключевых проблем и достижения стратегической цели развития научно-инновационной сферы необходима реализация следующих направлений и комплекса мер:

1. Формирование таких механизмов и государственно-частного партнерства, которые бы обеспечивали взаимодействие государственных региональных органов и бизнеса в выработке стратегий и приоритетов устойчивого развития региона и создание для этого благоприятных условий и соответствующей платформы.
2. Внедрение энергосберегающих технологий и других эко-технологий, связанных с технологическими инновациями;
3. Проведение реинжиниринга в области жилищно-коммунальных предприятий и обслуживающих институтов, а также сферы бизнеса.

Рассматриваемые мероприятия направлены на создание комфортных условий жизнедеятельности в регионе; стимулирование инвестиционной активности в сфере услуг и благоустройства региона; формирование экологичного и бережного отношения к территории проживания. При этом следует осуществлять дифференцированный подход к модернизации инфраструктуры различных территорий региона.

Модернизация инфраструктурного обеспечения устойчивого развития региона является действенным и перспективным направлением развития отдельных территорий и регионов, ориентированных на инициализацию и рост не только промышленного и производственного потенциала, но и сферы услуг, а также способных удерживать устойчивые лидирующие позиции в социально-экономическом и экологическом пространстве.

По результатам социологических опросов населения и значительному количеству обращений граждан и депутатов в органы исполнительной власти области одной из ключевых проблем социально-экономического развития Ростовской области является обустройство населенных пунктов в части развития социальной инфраструктуры, а также улучшения состояния объектов благоустройства и дворовых территорий.

Согласно опросу населения, недостаточное обустройство территорий входит в первую группу социально значимых проблем. Так, состоянием внутригородских и периферийных дорог обеспокоены 47% опрошенных жителей; состоянием тротуаров, благоустройством дворов, улиц, подъездов – 46%; обеспечением нормального уличного освещения – 40%.

Анализ мировых практик по содержанию объектов благоустройства показывает, что занимаются этим лишь отчасти городские власти, в остальном – к этой работе активно подключаются сами граждане.

¹ Составлено автором.

Например, Лондон является одним из самых богатых городов мира. За счет города содержится только 20% зеленых насаждений. Остальные 80% содержат различные общественные организации». Такая практика вполне применима и в донском регионе. При этом у региона вполне есть резервы, за счет которых можно было бы совершенствовать процессы благоустройства региона.

Основные показатели недостаточного благоустройства территорий, согласно соцопроса

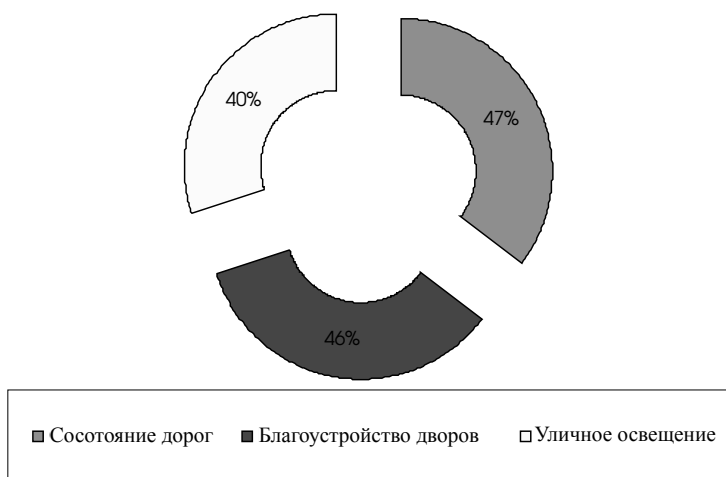

Рис. 2. Недостаточное обустройство территорий по данным соцопроса населения

Поэтому для устойчивого развития городов региона необходимо разработать индикаторы их развития, в частности, экологические, внедрить, в первую очередь, систему контроля за состоянием окружающей среды в функции аппарата городского и территориального управления; развивать экологическое сознание представителей власти. Индикаторы устойчивости развития региона, конечно же, не могут ограничиваться лишь сферой экологии, поскольку социально-экономические проблемы также играют важнейшую роль, и им должно быть уделено особое внимание.

Бесспорно, разработка и реализация эффективной региональной политики в области устойчивого развития региона предполагает наличие соответствующего технико-инструментального обеспечения, позволяющего количественно оценить эффективность реализуемых мер и предложений, а также степень достижения поставленных задач. В основе такого инструментария должна лежать система показателей, отражающих состояние модернизации инфраструктуры региона и его влияние на индикаторы устойчивого развития региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Комиссарова Л.А. (2010). ЖКХ как фактор устойчивого социально-экономического развития страны // Вестник НГИЭИ, вып. № 1, т. 1.
- Мацакова С. (2013). Индикаторы устойчивого развития – инструмент для оценки развития городов. Доступно на: http://spb.org.ru/ndc/work2_4.
- Огарков А. (2009). Главный приоритет в устойчивом развитии сельских территорий // Экономика сельского хозяйства России, № 7.
- План мероприятий по реализации Концепции устойчивого развития территорий Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р.
- Правительство России. Доступно на: <http://www.government.ru>.
- Региональный опыт разработки программ устойчивого развития сельских территорий (2012). М.: ФГБНУ «Росинформагротех».
- Экологическая культура как фактор устойчивого развития региона. Доступно на: <http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/54598/>.
- Яницкий О.Н. (2011). Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М.: ИС РАН, с. 32.

REFERENCES

- Ecological culture as a factor of sustainable development of a region.* Available at: <http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/54598/>. (In Russian.)
- Komissarova L.A. (2010). Housing as a factor of sustainable social-economic development of the country. *Bulletin of Nizhny Novgorod State Engineering and Economics Institute*, issue 1, vol. 1. (In Russian.)
- Matsakova C. (2013). Indicators of sustainable development is a tool for evaluation of urban development. Available at: http://spb.org.ru/ndc/work2_4. (In Russian.)
- Ogarkov A. (2009). Main priority in sustainable development of rural areas. *Economics of agriculture of Russia*, no. 7. (In Russian.)
- Regional experience in the development of programs for the sustainable development of rural areas* (2012). Moscow. (In Russian.)
- The plan of measures on realization of the Concept of sustainable development of territories of the Russian Federation for the period until 2020, approved by the government of the Russian Federation of November 30, 2010*, no. 2136-R. (In Russian.)
- The Russian Government.* Available at: <http://www.government.ru>. (In Russian.)
- Yanitskii O.N. (2011). *Ammodernare Russia: theory, practice, perspectives.* Moscow, p. 32. (In Russian.)

СИСТЕМНЫЕ ПАРАМЕТРЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

ФРОЛОВА И.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
e-mail: IraRostov@mail.ru

В статье рассматриваются системные параметры процессов моделирования устойчивым развитием региональных социально-экономических систем, предлагается модель инструментария поликомпонентного управления экономикой региона с учетом его непрерывности, целевой ориентации и результативность, что достигается за счет адаптации различных средств, методов и инструментов многомерного процесса управления региональной экономики.

Ключевые слова: региональная экономика; социально-экономические системы; устойчивое развитие.

SYSTEM VARIABLES OF MODELING OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION

FROLOVA I.V.,

PhD, Associate Professor,
Southern Federal University,
e-mail: IraRostov@mail.ru

The article deals with system variables of modeling processes of sustainable development of social and economic systems. The model of tools of multicomponent management of regional economy with due consideration of its continuity, goal orientation, efficiency achieved on account of adaptation of different methods and tools of multidimensional process of regional economy management is proposed.

Keywords: regional economy; social and economic systems; sustainable development.

JEL classification: O18.

Системные и воспроизводственные координаты регионального развития особо актуализируются необходимостью достижения устойчивости мезоэкономических субъектов хозяйствования (*Концептуальные основы и исторический опыт развития социального рыночного хозяйства, 2008*). Соотношение понятий «устойчивость» и «устойчивое развитие» получило в научных дискуссиях собственные категориальные рамки, постоянно уточняющиеся и развивающиеся с позиции различных научных подходов и школ. Непротиворечивость трактовок понятия «устойчивости», в частности, состоит в том, что во всех случаях они выполняются в рамках концепции согласования экономического, социального и экологического аспектов развития открытых социально-экономических систем (*Устойчивое развитие: методология и методики измерения, 2011*). В свою очередь «устойчивость развития» региональных подсистем хозяйствования рассматривается

в единстве системных и управленческих характеристик региона. Системные параметры региона, такие как равновесие, гомеостазис и стационарность режима функционирования, дополняются целевыми параметрами управления региональным развитием, что обеспечивает единство воспроизводственных процессов территориального развития (Иванова, 2012).

Эффективное управление экономикой региона как сложным многоуровневым объектом со сложноструктурированной системой управления на основе научного подхода требует разработки расширенного инструментария, в том числе формализованного в виде комплекса математических моделей, способных адаптированно учесть многомерность структуры, гибкость и открытость функционирования региональных экономических систем хозяйствования (Ускова, 2010). Исследование региона в качестве сложной социально-экономической системы с идентификацией его воспроизводственных характеристик позволяет комплексно рассматривать проблематику устойчивого развития региональной экономики, обеспечивая целостность исследования социально-экономических структур территории (Киселева, 2007).

Регионы как неоднородные объекты управления представляют собой поликомпонентные системные образования: с одной стороны, они вписаны в экономическое пространство макрорегионов, а с другой – имеют собственную многоуровневую структуру в единстве своих вертикальных и горизонтальных управленческих взаимодействий, что отражает структурно-функциональную многомерность процесса управления регионом (Гранберг, 2004).

В общем случае моделирование процессов управления нацелено на определение оптимальных его параметров, приводящих при заданных начальных условиях объект управления из текущего состояния в целевое с минимальными затратами средств и времени. С точки зрения управления региональной экономикой, подобная задача может формулироваться относительно параметров ее компонентов и метакомпонентов. При этом аналогичные по составу параметров и по структуре модели могут применяться для оптимизации управляющих воздействий на всех уровнях декомпозиции региональной экономики. Таким образом, может быть поставлена задача определения оптимальных параметров компонентов экономики региона, которые удовлетворяли бы заданному вектору критериев управления, в качестве части которых могут рассматриваться целевые ориентиры. Задача в подобной постановке описывается моделью следующего вида.

Требуется найти вектор функций управления Y , такой чтобы

$$ЦФ = f(X, Y, \Psi) \rightarrow \text{ext} \quad (1)$$

$$Q(X, Y) \geq 0, \quad (2)$$

где $ЦФ$ – целевая функция региональной экономики в предполагаемый момент достижения конкретной цели;

Q – ограничения на размер компонентов и их составляющих экономики региона;

X – матрица значений параметров компонентов экономики региона;

Y – вектор значимых функций управления;

Ψ – вектор значений характеристик влияний внешней среды.

В качестве целевой функции концептуально будем рассматривать некоторую функцию, аналогичную по структуре целевой функции благосостояния (*Моделирование народнохозяйственных процессов, 1990*), адаптированную автором в контексте парадигмы поликомпонентного управления региональной экономикой.

Целевая функция благосостояния рассматривается, как правило, в рамках экономики благосостояния или экономики общественного благосостояния (welfare economics) (*Классика экономической мысли..., 2000*) – теоретической концепции, основанной на нормативном подходе к экономике, предмет которой – описание экономического оптимума и выработка на этой основе рекомендаций по экономической политике государства. Экономика благосостояния исходит из принципа господства потребителя. Это означает, что предпочтения индивидуального потребителя и фирмы должны включаться в рациональный критерий экономического оптимума. Основные теоремы экономики благосостояния утверждают, что конкурентное равновесие оптимально по Парето и любое оптимальное по Парето распределение ресурсов может быть достигнуто в конкурентной экономике.

В отличие от классической целевой функции благосостояния, целевая функция региональной экономики определена не на множестве вариантов удовлетворения потребностей населения, а на множестве вариантов достижения целей экономики региона. Это расширяет трактовку целевой функции, позволяя включать туда не только потребности населения, но и иные социально значимые цели. При этом множество задается через значения параметров компонентов региональной экономики в сопряжении с вектором управлений, что позволяет наиболее широко представить в формализованном виде идею поликомпонентного управления. При этом данная функция должна строиться таким образом, чтобы ее значение возрастало при переходе от менее предпочтительного варианта к более предпочтительному, т. е. выражать упорядоченность вариантов общественного производства по степени достижения цели экономики региона.

При такой формулировке модели предполагается, что можно найти значимые функции управления, в качестве коих рассматриваются воздействия на управляемые характеристики системы региональной экономической системы, которые позволят достичь целей управления ею. При этом имеется в виду, что достижение целей региональной экономики может быть выражено через параметры ее компонентов. Время, затрачиваемое на достижение цели, в качестве управляемого параметра не рассматривается, полагаясь заданным на этапах планирования и прогнозирования управляющих воздействий, для которых проводится данная математическая формализация.

К основным параметрам данной модели на региональном уровне декомпозиции относятся матрица значений параметров компонентов региональной экономической системы в начальный момент управления и вектор значений характеристик влияний внешней среды. В качестве набора оптимизируемых переменных выступает вектор значимых допустимых функций управления экономикой региона. При этом матрица значений параметров компонентов экономической системы региона определяет внутреннее состояние экономики в первый с точки зрения данной системы момент времени.

Вектор воздействий внешней среды учитывает изменения в параметрах экономической системы региона как открытой системы, состояние которой в существенной мере детерминировано влиянием окружающей экономической, политической, демографической и прочих ситуаций в рамках макроэкономики.

На рис. 1 представлена концептуальная схема применения модельного инструментария поликомпонентного управления экономикой региона. Модельное обеспечение призвано выработать оптимальную систему воздействий на объект управления – экономическую систему региона с точки зрения реализации движения объекта по траектории для его перевода в целевое состояние, что достигается применением моделей двух типов: модели системной динамики и модели оптимизации структуры. Второй тип представляется комплексом аналогичных моделей на всех уровнях декомпозиции региональной экономики как объекта управления.

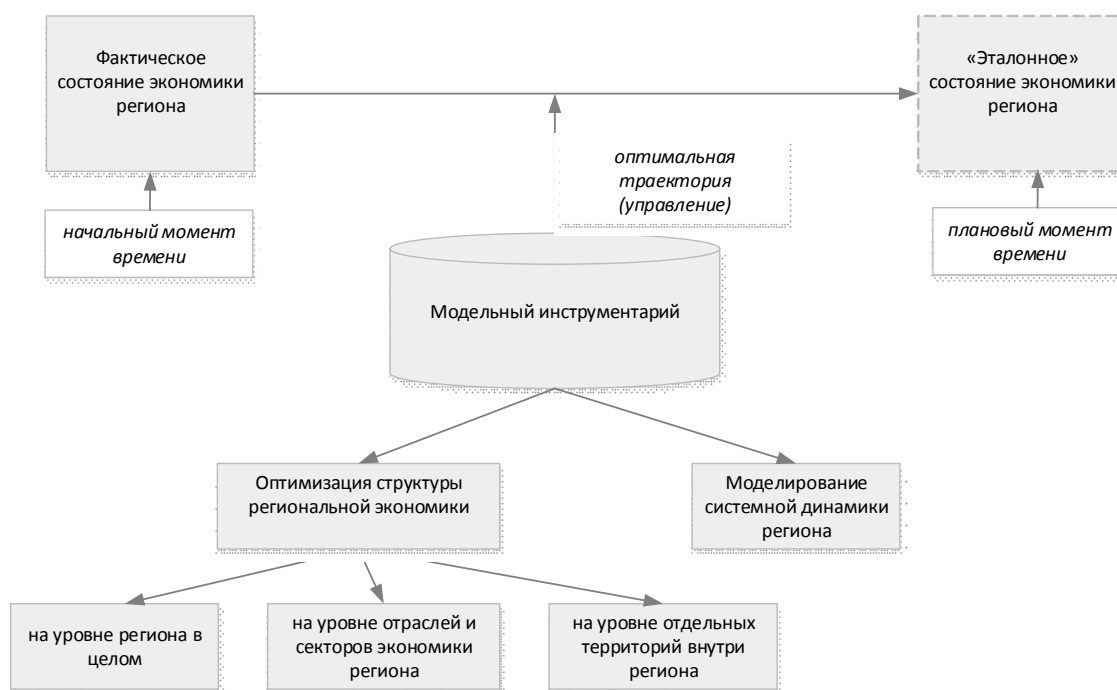

Рис. 1. Концептуальная схема применения модельного инструментария поликомпонентного управления региональной экономикой

Для рассмотренной модели, которая является базисной для построения комплекса декомпозиционных моделей, может быть проведено уточнение целевой функции с точки зрения входящих в нее параметров.

Параметры компонентов экономики региона могут принимать значения в определенном диапазоне, и очевидно, что существуют некоторые их предельные значения, так что, вообще говоря $X_{ij}^{min} \leq X_{ij} \leq X_{ij}^{max}$. В формулировке модели оптимизации структуры региональной экономики предполагается, что существуют некоторые (заранее неизвестные) значения параметров компонентов региональной экономической системы, наиболее соответствующие ее целям. При таком условии в общем виде целевая функция модели описывается соотношением:

$$\Pi\Phi = f(Y_t, Y_t, X_{ijt}, Q_{ijt}, t) \rightarrow \text{extr} \quad (3)$$

Y_t – вектор случайных параметров;

Y_t – вектор управляющих параметров;

X_{ijt} – матрица параметров компонентов региональной экономической системы;

t – период управления, $t=1, \dots, T$, T – число периодов управления.

Конкретный параметрический вид данной целевой функции определяется в зависимости от условий реализации модели и состояния экономики региона в статике и динамике. Это могут быть как линейные, так и нелинейные функции, оценка параметров которых может проводиться с использованием эконометрических моделей и методов на пригодных массивах статистических данных.

При этом ограничения модели аналогичны определенным в модели (1–2). $\Pi\Phi$, как и в предшествующем случае, – значение целевой функции экономической системы региона в предполагаемый момент достижения ее цели, определяемый как функция от ряда параметров, основными из которых являются параметры компонентов экономики региона в начальный момент управления. Их оптимизация и является целью данной модели, поскольку предполагается, что оптимальной структура компонентов региональной экономики на всех уровнях будет в случае достижения поставленных перед экономикой целей. Решением данной оптимизационной модели будут значения параметров X_{ij}^{max} , определяющих целевое состояние экономической системы региона с точки зрения достижения поставленных целей.

Модель оптимизации структуры региональной экономики при ее поуровневой декомпозиции имеет следующий вид. Рассматриваются $S_1, S_2, \dots, S_k$ – компоненты экономической системы региона, всего в общем случае можно считать их количество равным k , так как для определенных целей их число может увеличиваться или уменьшаться в соответствии с необходимостью более или менее детального анализа. Для каждого компонента рассматривается n_i параметров: $X_{i1}, X_{i2}, \dots, X_{in_i}$, где $i=1, \dots, k$.

Там, где это возможно (в основном для стоимостных параметров компонентов региональной экономической системы), производится агрегирование параметров, путем вычисления обобщенного показателя каждого i -го компонента:

$$S_i = f(\eta_j \cdot X_j), \quad j = 1, \dots, n_i, \quad (4)$$

где η_j – весовые коэффициенты важности параметра, определяемые экспертным путем.

В случае невозможности агрегирования оценка i -го компонента определяется не одним числом, а вектором или матрицей параметров S_{ij} .

На основе агрегированных оценок (в случае возможности их получения) вычисляется целевая функция в виде интегрального показателя:

$$\Pi\Phi = f(\pi_i \cdot S_i), \quad i = 1, \dots, k, \quad (5)$$

$$\sum_{i=1}^k \pi_i = 1. \quad (6)$$

π_i – вес i -го компонента региональной экономической системы в рамках введенных предположений поликомпонентной теории.

Данный вариант агрегирования отличается поуровневостью формирования и возможностью учета важности не только отдельных параметров компонента системы с точки зрения их вклада в возможность достижения экономических целей региона, но и компонентов в общей структуре.

Таким образом, интегральный показатель целевой функции экономики региона зависит от параметров отдельных ее компонентов. Если есть предпосылки для предположения о линейности зависимости и ее аддитивной форме, можно записать:

$$\Pi\Phi = \sum_{i=1}^k \pi_i \cdot S_i + c, \quad (7)$$

где $c = \text{const}$.

При предположении, что нулевые значения параметров компонентов экономической системы региона влекут нулевую величину целевой функции с точки зрения достижения целей региона в целом, $c=0$. Если же по каким-либо причинам такое ограничение отсутствует, т. е. возможна ненулевая величина целевой функции, выраженной в интегральной оценке, при нулевых значениях параметров компонентов, иными словами, присутствует некоторый положительный уровень синергизма, обусловленный внутрирегиональными детерминантами формирования экономической системы, то должно быть $c>0$. Одновременно положительное значение параметра c свидетельствует о том, что величина целевой функции экономики региона всегда будет больше на параметр c , чем взвешенная алгебраическая сумма значений параметров его компонентов.

При условии наличия отрицательного синергизма, когда структура экономической системы региона по каким-либо причинам настолько неудовлетворительна, что генерирует множество лимитирующих компонентов, не позволяющих эффективно развиваться всей системе, и в целом величина целевой функции, особенно с точки зрения достижения целей региона, становится ниже агрегированной величины оценок его составляющих.

щих, значение параметра c должно быть отрицательно ($c < 0$). Таким образом, оцениваемое с помощью данной модели значение параметра c позволяет судить как о наличии синергетического эффекта в экономической системе региона, так и о его направлении.

Задача заключается в определении оптимальной структуры экономики региона, при котором при эффективном управлении будут достигнуты поставленные цели. Оптимизируется функция:

$$ЦФ = f(\pi_i \cdot S_i) \rightarrow \max_{\pi_i}, i = 1, \dots, k. \quad (8)$$

Таким образом, требуется оптимизировать параметры π_i для оптимизации структуры экономической системы региона с точки зрения достижимости целей, с учетом поликомпонентного управления региональной экономики, с учетом его непрерывности, целевой ориентации и результативности, что достигается за счет адаптации различных средств, методов и инструментов многомерного процесса управления региональной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

Гранберг А.Г. (2004). Гл. 1: Макрорегионы в стратегии социально-экономического развития России // *Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации* / Под ред. акад. А.Г. Гранберга. М.: Наука, с. 7–28.

Иванова Е.В. (2012). Система управления институциональной устойчивостью социально-экономического развития региона // *Современные технологии управления*, № 4(16). Доступно на: <http://www.sovman.ru>.

Киселева Н.Н. (2007). Устойчивое развитие социально-экономической системы региона методология исследования, модели, управление. Ростов н/Д Изд-во ЮФУ.

Классика экономической мысли (У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, Дж.М. Кейнс, М. Фридмен) (2000). М.: Эксмо-Пресс.

Концептуальные основы и исторический опыт развития социального рыночного хозяйства (2008). А. Нестеренко и др. М.: Институт экономики РАН.

Моделирование народнохозяйственных процессов (1990): Учеб. пособие / Под ред. И.В. Котова. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Изд-во Ленинградского университета.

Ускова Т.В. (2010). Теория и методология управления устойчивым социально-экономическим развитием региона: Дис. ... д-ра эконом. наук: 08.00.05. Вологда.

Устойчивое развитие: методология и методики измерения (2011): Учеб. пособие / С.Н. Бобылев и др. М.: Экономика.

REFERENCES

Classic of Economic Thought (W. Petty, A. Smith, D. Ricardo, Jh.M. Keynes, M. Friedman) (2000). Moscow. (In Russian.)

Conceptual basics and historical experience of the social market economy (2008). Moscow. (In Russian.)

Granberg A.G. (2004). Ch. 1: Macro-regions in socio-economic development of Russia. *Macro-Russian strategy: methodological approaches, priorities and ways to implement*. Moscow. Science. p. 7–28. (In Russian.)

Ivanova E.V. (2012). Management system of institutional sustainability of socio-economic development of the region. *Modern control technology*, no. 4(16). Available at: <http://www.sovman.ru>. (In Russian.)

Kiseleva H.H. (2007). Sustainable development of the socio-economic system of the region's research methodology, model management. Rostov-on-Don. (In Russian.)

Simulation of national economic processes (1990). Publisher University of Leningrad. (In Russian.)

Sustainable development: methodology and measurement techniques (2011). Moscow. (In Russian.)

Uskova T.V. (2010). Теория и методология управления устойчивым socioeconomic razvitiem regiona: the dissertation. doktora economic sciences: 08.00.05. Vologda. (In Russian.)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НА МЕЛИОРАТИВНЫХ СИСТЕМАХ

ЧЕШЕВ А.С.,

доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика природопользования и кадастра»,
Ростовский государственный строительный университет,
e-mail: kfkadastra@yandex.ru;

ТИХОНОВА К.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика природопользования и кадастра»,
Ростовский государственный строительный университет,
e-mail: kfkadastra@yandex.ru;

ПОЛЯКОВ В.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика природопользования и кадастра»,
Ростовский государственный строительный университет,
e-mail: kfkadastra@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы внедрения инновационных подходов в процесс использования природных ресурсов, в том числе и в области мелиорации. Обосновано, что при организации рационального природопользования на мелиоративных системах на первый план выдвигаются задачи обеспечения качества ресурсосберегающих технологий, поддержки качественного состояния биосферы на прилегающих территориях, что, в свою очередь, создает благоприятные условия для жизнедеятельности населения в целом.

Затраты в области мелиорации земель выражаются в машинах, оборудовании и специальных устройствах, предназначенных для организации рационального использования мелиорированных земель и оросительной «воды», создания рациональных агроландшафтов, а также искусственных биогеоценозов, очистки водоемов от загрязнения, очистки оросительной воды и утилизации растительных остатков и отходов производства, что обосновывает важность роли инновационных технологий при строительстве и эксплуатации мелиоративных систем, которые, как правило, обеспечивают природоохранный и производственный процессы.

Ключевые слова: инновации; агроландшафт; агроэкосистемы; природо-
емкости; инвестиции.

ECOLOGICAL MECHANISM OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT FOR MELIORATION SYSTEMS

CHESHEV A.S.,

Doctor of Science, Professor of Chair of the Environmental Economics and Cadastre Department,
Rostov State University Of Civil Engineering,
e-mail: kfkadastra@yandex.ru;

TIKHONOVA K.V.,

Ph. D., Associate Professor of Chair of the Environmental Economics and Cadaster Department,
Rostov State University of Civil Engineering
e-mail: kfkadastra@yandex.ru;

POLYAKOV V.V.,

Ph. D., Associate Professor of Chair of the Environmental Economics and Cadaster Department,
Rostov State University of Civil Engineering,
e-mail: kfkadastra@yandex.ru

The article discusses the issues of introduction of innovative approaches to the process of natural resources, including in the field of land reclamation. It is proved that the organization of environmental management systems for reclamation to the fore issues of quality resource-saving technologies, supporting quality of the biosphere in the surrounding areas, which in turn creates favorable conditions for the life of the population as a whole.

Costs in land reclamation are expressed in machinery, equipment and special devices designed to organize a rational use of reclaimed lands and irrigation «water», creating rational agromeliolandshaftov and artificial biogeocenosis and cleaning water pollution, irrigation water purification and recycling of crop residues and wastes production that justifies the importance of innovative technologies in the construction and operation of reclamation systems, which tend to provide environmental and industrial processes.

Keywords: innovation; agromeliolandshaft; agromelioekosistemy; environmental capacity; investment.

JEL classification: Q15, Q24, Q25.

С внедрением в производство научно-технических инноваций возрастает необходимость в использовании нетрадиционных природных материалов, в применении различных приемов и способов использования окружающей природной среды, в создании новых производств и систем, в замене натурального продукта на синтетический, в утилизации увеличивающихся отходов и вредных сбросов. Все эти действия вызывают дополнительные затраты на разработку и внедрение экологически чистых и безопасных технологий как в промышленном производстве, так и сельскохозяйственной сфере, в том числе и в области мелиорации и водного хозяйства, которые позволяют предотвратить загрязнение и деградацию окружающей природной среды.

До настоящего времени доля затрат на восполнение природных ресурсов и на охрану окружающей природной среды, в том числе и в системе агромелиоландшафтов, была незначительной, поэтому они не отражались в общехозяйственных затратах.

Вместе с тем, с ускорением развития всех отраслей народного хозяйства, в том числе и мелиорации земель, с внедрением высокотехнологичных систем природопользования, усилением антропогенного и техногенного воздействия на природную среду, определенная часть производимого продукта планируется на восстановление природных ресурсов и улучшение качества окружающей природной среды. Например, такие затраты в области мелиорации земель выражаются в машинах, оборудовании и специальных устройствах, предназначенных для организации рационального использования мелиорированных земель и оросительной «воды», создания рациональных агромелиоландшафтов, а также искусственных биogeоценозов, очистки водоемов от загрязнения, очистки оросительной воды и утилизации растительных остатков и отходов производства. При этом важная роль отводится инновационным технологиям при строительстве и эксплуатации мелиоративных систем, которые, как правило, обеспечивают природоохранный и производственный процессы.

При этом все больше средств приходится затрачивать на производство земельных улучшений, организации рационального водопользования и воспроизводство экологического равновесия на агромелиоландшафтах (Чешев, Алиева, Тихонова, 2012).

При организации рационального природопользования на мелиоративных системах на первый план выдвигаются задачи обеспечения качества ресурсосберегающих технологий, поддержка качественного состояния биосферы на прилегающих территориях, создающая благоприятные условия для жизнедеятельности населения.

В связи с ограниченными финансовыми ресурсами возникает необходимость определять приоритетные направления использования средств для обеспечения экологического благополучия, к примеру, на агромелиоландшафтах. В современных условиях следует переходить от чисто экономического обоснования принимаемых природоохранных решений к эколого-экономическим или экологическим методам определения ценности окружающей природной среды.

Принятие хозяйственных решений при организации рационального природопользования на мелиорируемых землях основывалось на экономическом механизме, который был ориентирован на то, что от объема и качества рекомендуемых природоохранных мероприятий зависит величина затрат на единицу производимого продукта. Это указывает на то, что чем лучше организована территория, обеспеченная природоресурсным потенциалом, чем выше пространственные характеристики ландшафтов и лучше качество окружающей природной среды, тем благоприятнее объективные предпосылки для развития производственной деятельности, т. е. в этих условиях эффективно существует в тесном взаимодействии система «природные ресурсы – территория – производство». В эту систему следует добавить процесс экологизации окружающей природной среды, т. е. экосистемы, а в области мелиорации – агроэкоэкосистемы.

В современных условиях вхождения в рыночную экономику все природные ресурсы – земля, вода, растительные и другие – обладают стоимостью, которая используется при их обороте, установлении рыночной цены, арендной платы, возмещении потерь, формировании налогооблагаемой базы и установлении платежей за их загрязнение и нерациональное использование, размеров материального стимулирования и других видов плат (Чешев, Власенко, Шевченко, 2012).

Величина стоимости природных ресурсов во многом зависит от уровня научно-технического прогресса, техники и технологического обеспечения методов создания рационального природопользования и способов экологизации окружающей природной среды.

Несмотря на введение платного пользования, природными ресурсами и платежей за использование окружающей природной среды, заметных успехов в повышении эффективности природопользования в отраслевом аспекте не наблюдается. Нерациональное использование показателей экономической оценки стоимости природных ресурсов обусловлено следующими причинами:

- содержание, цели и задачи государственной собственности сформулированы недостаточно четко с учетом внедрения рыночных отношений;
- институт частной собственности на природные ресурсы пока не создан, действуют примитивные подходы по ее реализации в области природоохранной деятельности;
- существующая система стимулирования организации рационального природопользования, основанная на платности природных ресурсов и окружающей природной среды, практически не действует, поскольку плата устанавливается только за природные ресурсы как товар, природный продукт и за загрязнение природной среды сверх установленных предельных нормативов, а не за их полные запасы и не за общую загрязненность;
- не обоснованны расчеты экономической оценки стоимости природных ресурсов и платы за использование природной среды;
- не обоснованы размеры платного природопользования, не в полной мере учитывающие особенности каждого природного ресурса, а также несовершенство методик определения показателей стоимости природных ресурсов;
- отсутствует статистика в области природопользования;
- показатели экономической оценки, используемые в качестве основы платежей за природные ресурсы, определяются чаще всего без учета уровней воздействия на окружающую природную среду степени освоения того или иного природного ресурса. Поэтому такие стоимостные показатели, определенные без учета экологических факторов, не следует использовать при оценке эффективности освоения природных ресурсов;
- затруднен методический учет экономических факторов, поскольку он связан с определением социально-экономического ущерба, наносимого природными ресурсами и окружающей природной среде в процессе хозяйственной деятельности в различных сферах природопользования.

Социально-экономический ущерб понимается как совокупность стоимостных и социальных потерь при освоении и использовании природных ресурсов и при загрязнении окружающей природной среды, дополнительных затрат на восстановление нарушенных ресурсов и природной среды и снижением их естественного качественного состояния и как следствие ухудшение состояния здоровья людей.

Экономический и социальный ущербы возникают в связи с превышением установленных нормативов загрязнения окружающей природной среды, при котором природная ситуация не обеспечивает самоочищение и самовосстановление качественного состояния нарушенной среды (Чешев, Карпова, 2011).

В этом случае возникает потребность в проведении комплекса специальных мероприятий, направленных не только на восстановление качества нарушенной природной среды, но и на определение дополнительных затрат на предотвращение возможности возникновения подобных ущербов. В этой связи при наличии достаточно полной информации о загрязнении окружающей природной среды и природных ресурсов, о понятиях при использовании природных ресурсов (земли, воды и т. д.), о воздействии отдельных источников загрязне-

ния на природную среду и об обратном влиянии таких отрицательных последствий на процесс производства, в том числе на получение продукции на мелиорированных землях, представляется возможным вести разработку мероприятий по устранению отрицательных последствий и предотвращению социально-экономического и экологического ущерба, причиняемых окружающей природной среде. При таком подходе представляется возможным установить виды самих ущербов (социальный, экономический, экологический) от нерационального использования как природных ресурсов, так и окружающей природной среды, определить затраты на устранение отрицательных последствий от загрязнения и на разработку мероприятий по предотвращению этих ущербов.

Для предотвращения возникающих ущербов или снижения их отрицательного воздействия осуществляется строительство очистных сооружений для улавливания вредных газов и очистки сточных вод, пунктов утилизации промышленных и бытовых отходов, а также проведение комплексных природоохранных мероприятий в процессе производства. В каждом конкретном случае требуется эколого-экономическое и социальное обоснование проектов строительства как очистных сооружений, так и мест утилизации отходов. Значения затрат при этом определяется главным образом степенью очистки.

Кроме того, очистные сооружения имеют региональный, отраслевой, и местный характер. При этом возможны различные варианты строительства очистных сооружений или пунктов утилизации отходов: местные очистные сооружения, как правило, строятся на отдельном предприятии-загрязнителе, где они обходятся дешевле и могут снижать общий уровень загрязнения природной среды. В случае наличия источников загрязнений одной отрасли сооружения строятся по типу отраслевого характера, т. е. очистка от загрязнения природной среды осуществляется от нескольких источников одной отрасли. В случае наличия нескольких предприятий-загрязнителей, расположенных в одном регионе, очистные сооружения и объекты утилизации отходов строятся на региональном уровне и на кооперативной основе.

Другим направлением предотвращения или снижения социо-эколого-экономических ущербов может служить совершенствование технологических процессов с учетом достижения оптимальных величин материало-, энерго- и природоемкости конкретного производства, в том числе и в области мелиорации и водного хозяйства.

Экономическое обоснование осуществляется на основе сравнения произведенных затрат на природоохранные мероприятия и объемов предотвращенного ущерба. Эффективность затрат достигается в случае превышения их величины суммарной стоимости предотвращенного ущерба.

На практике объемы природоохранных мероприятий осуществляются при минимальных затратах, необходимых для снижения или полного прекращения выбросов загрязняющих веществ до их предельных концентраций.

При этом затраты на проведение таких мероприятий необходимо включать в себестоимость производимой продукции предприятием. Экологические требования устанавливаются на ориентировочные объемы выбросов.

В этой связи плата за загрязнение природной среды не соответствует реально сформированным ущербам окружающей среде.

В экономическом аспекте эффективность производства достигается не только от снижения загрязнения окружающей природной среды и предотвращения различных видов ущербов (социального, экономического, экологического), но и от производства дополнительной продукции более высокого качества в экологическом отношении. Эффективность природоохранных мероприятий можно в упрощенном виде определить по следующей зависимости:

$$Д = У + \Delta P_{\text{пр}} - \Delta P_{\text{к}} - Z, \quad (1)$$

где $Д$ – общий доход от проведения природоохранных мероприятий;

$У$ – стоимость предотвращенного ущерба;

$P_{\text{пр}}$ – стоимость дополнительной продукции;

$P_{\text{к}}$ – доплата за качество экологически безопасной продукции;

Z – общая сумма приведенных затрат на проведение природоохранных мероприятий.

Общую экономическую эффективность можно определить следующим образом:

$$\Xi = (У + \Delta P_{\text{пр}} + \Delta P_{\text{к}} - Z) / Z, \quad (2)$$

В этом случае экономическая эффективность может быть преобразована в эколого-экономическую, что в полной мере согласуется с общей народнохозяйственной эффективностью и определяется отношением общего дохода от проведения мероприятий к суммарным приведенным затратам. Этот показатель по существу служит критерием любого производства, поскольку отражает интегральный эколого-экономический эффект.

Следовательно, проведение природоохранных мероприятий должно обеспечить такой эффект, которым покрывались бы все дополнительные суммарные приведенные затраты, связанные с устранением негативных последствий и поддержанием экологической безопасности в территориальном аспекте.

По данным исследований эффективности инвестиционных вложений определено, что в качестве критерия эколого-экономического обоснования принятия хозяйственных решений можно использовать общую сумму приведенных ежегодных затрат, выраженную с учетом сумм предотвращенного ущерба окружающей природной среде, который предлагается выразить следующей формулой:

$$C = E \times K + Y_e, \quad (3)$$

где C – ежегодные затраты на проведение природоохранных мероприятий;

E – коэффициент, учитывающий долю ежегодных инвестиций;

K – общий объем инвестиционных вложений на проведение природоохранных мероприятий;

Y_e – ежегодный ущерб в результате негативных экологических последствий в процессе нерациональной хозяйственной деятельности.

Расчеты, как правило, проводятся по вариантам, и наилучшим выбирается тот, где центральный суммарный показатель ежегодных затрат наименьший. Такой подход имеет реальное методологическое обоснование, поскольку решение данного вопроса во многом определяется степенью ущерба в региональном аспекте. Поэтому в данном случае требуется комплексный подход по охране окружающей среды в целях определения величины снижения ее загрязнения при минимальных затратах. Такой подход указывает на то, что эколого-экономическое обоснование природоохранных мероприятий должно осуществляться с учетом общего потенциала производственной деятельности и природных ресурсов.

В тоже время проблема определения величины ущерба является весьма сложной, вследствие его многофакторного характера, поскольку до сих пор не разработана научно обоснованная методология экологизации производственной сферы, а методика экологической экспертизы крупных проектов требует уточнения и конкретизации с учетом обеспечения экологически безопасного производства, а также усовершенствования материального стимулирования природоохранной деятельности предприятий, отраслей и регионов в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Чешев А.С., Алиева Н.В., Тихонова К.В. (2012). Мелиорированные земли: их использование и оценка: Монография. Ростов н/Д.

Чешев А.С., Власенко Т.В., Шевченко О.Ю. (2012). Эколого-экономический механизм обеспечения эффективности использования городских территорий. М.: Вузовская книга.

Чешев А.С., Карпова Н.В. (2011). Основы городского природопользования. М.: Вузовская книга.

REFERENCES

Cheshev A.S., Aliyeva N.V., Tikhonova K.V. (2012). Meliorated land: their use and evaluation: Monograph. Rostov-on-Don. (In Russian.)

Cheshev A.S., Vlasenko T.V., Shevchenko O.Yu. (2012) Environmental-economic mechanism to ensure efficient use of urban areas. Moscow. Higher Educational Institutions book. (In Russian.)

Cheshev A.S., Karpov N.V. (2011). Fundamentals of urban environmental management. Moscow.: Higher Educational Institutions book. (In Russian.)

ПРИМЕНЕНИЕ UML-МОДЕЛЕЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГЧП

ТАРАНЕНКО О.Н.,

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры «Государственное и муниципальное управление»,
Северо-Кавказский федеральный университет (филиал г. Пятигорск),
e-mail: ok-tar@mail.ru

В научной и прикладной литературе существует незначительное количество математических моделей, объектом исследования которых являются процессы ГЧП. В то же время, математический инструментарий всегда востребован в прогнозировании результатов проектов, расчете рисков участников проекта, что имеет довольно важное научное и практическое значение. Актуальным становится вопрос о проработке каких-либо имитационных моделей в системе проектов ГЧП, которые бы позволили отследить и проанализировать эффективное взаимодействие участников проектов ГЧП и их экономико-правовые отношения.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; инфраструктурные проекты; инновационное финансирование; бизнес-структуры; принятие решений; UML-моделирование.

THE USE OF UML MODELS IN PPP PROJECTS

TARANENKO O.N.,

PhD, Associate Professor of Chair of Public Administration and Municipal Management,
North-Caucasus Federal University (Branch in Pyatigorsk),
e-mail: fyv21@mail.ru

In scientific and applied literature there are a small number of mathematical models, the object of research are the processes of PPP. At the same time, mathematical tools are always in demand forecasting results of the projects, the calculation of risk of the project participants, which is quite important scientific and practical importance. The urgent question of the elaboration of any simulation model of PPP projects, which would allow to track and analyze the effective interaction of the participants of PPP projects and their economic and legal relations.

Keywords: public-private partnership infrastructure projects; innovative financing; business-structures; decision making; UML modeling.

JEL classification: R58, M21.

Одной из главных составляющих инвестиционной привлекательности региона являются успешно реализованные проекты, что требует участия сторон государственно-частного партнерства в реализации инвестиционных проектов.

Под ГЧП будем понимать привлечение частного сектора для более эффективного и качественного выполнения задач, относящихся к публичному сектору, на условиях компенсации затрат, разделения рисков, обязательств и компетенций.

Проекты государственно-частного партнерства (ГЧП) становятся популярными и эффективными по всему миру. Именно этот механизм вызывает наибольший интерес у инвесторов, ведь одним из основных вопросов при реализации инвестиционных проектов, которыми задается инвестор, является стоимость подключения к инфраструктуре. Поэтому для стимулирования активности потенциальных инвесторов необходимо обеспечить проекты инфраструктурой, в том числе и за счет консолидированного бюджета.

Прошедший мировой финансово-экономический кризис затормозил реализацию различных ГЧП-проектов в России, т. к. ни государство, ни частный бизнес не готовы были рисковать своими финансовыми средствами. Однако потребность в развитии инфраструктурных проектов была, есть и будет всегда. И как раз это время кризиса совпало с моментом, когда в России реализация пилотных крупномасштабных инфраструктурных проектов, проводимых на условиях той или иной формы ГЧП, набирала активный оборот. Некоторые проекты удалось успешно реализовать несмотря на кризис, и в основном лидером по эффективному закрытию проектов был Санкт-Петербургский регион.

Конечно же, в период кризиса наблюдалось существенное сокращение использования инструментов бюджетного финансирования инфраструктуры, здесь нужно назвать долгосрочные целевые программы и Инвестиционный фонд РФ. Все эти ограничения в условиях кризиса дают стимул для поиска альтернативных источников финансирования развития инфраструктуры и общественно значимых проектов, что способствует развитию рынка проектов ГЧП.

Во время кризиса частному бизнесу как никогда необходима поддержка и интересны надежные вложения в качественные, тщательно проработанные проекты с приемлемым уровнем рисков.

Актуальным становится вопрос о проработке каких-либо имитационных моделей в системе проектов ГЧП, которые бы позволили отследить и проанализировать эффективное взаимодействие участников проектов ГЧП и их экономико-правовые отношения.

В научной и прикладной литературе существует незначительное количество математических моделей, объектом исследования которых являются процессы ГЧП. В то же время, математический инструментарий всегда востребован в прогнозировании результатов проектов, расчете рисков участников проекта, что имеет довольно важное научное и практическое значение.

Модели позволяют наглядно продемонстрировать желаемую структуру и поведение системы, необходимы для визуализации и управления ее архитектурой, помогают добиться лучшего понимания создаваемой системы.

Для моделирования процесса реализации ГЧП на базовом этапе был выбран язык визуального проектирования UML.

Язык UML пригоден для моделирования любых систем. Он позволяет рассмотреть систему со всех точек зрения, имеющих отношение к ее разработке и последующему развертыванию. Язык моделирования UML позволяет непосредственно исполнять модели, имитировать поведение систем и контролировать действующие системы.

В различных экономических и финансовых проектах унифицированный язык моделирования является практически стандартом языка описания, визуализации и документирования бизнес-процессов с ориентацией на дальнейшую реализацию в виде программного обеспечения, что существенно поможет в поддержке принятия решений заинтересованному лицу.

Язык UML является формализованным инструментом описания любых явлений действительности, и не только описания. UML-модель, если ее в дальнейшем оттранслировать в машинный код, становится с помощью ПК инструментом визуализации деятельности, функционирования явлений действительности.

Такая UML-модель способна реализовать фактические количественные характеристики конкретной предметной области, становится ее органом управления, основным управляющим органом проекта. С его помощью можно управлять системой в реальном масштабе времени. Считается, что язык UML особенно необходим ученым-экономистам, т. к. является языком общения между ними, если они хотят выразить точно и однозначно свои идеи и того, чтобы их также точно и однозначно поняли их коллеги.

Применение языка UML при моделировании в настоящее время является перспективным.

Для визуализации системы, определения ее структуры и поведения была разработана UML-модель проекта ГЧП с точки зрения ее участников и отношений между ними.

На рис. 1 представлен фрагмент диаграммы классов участников обобщенного процесса.

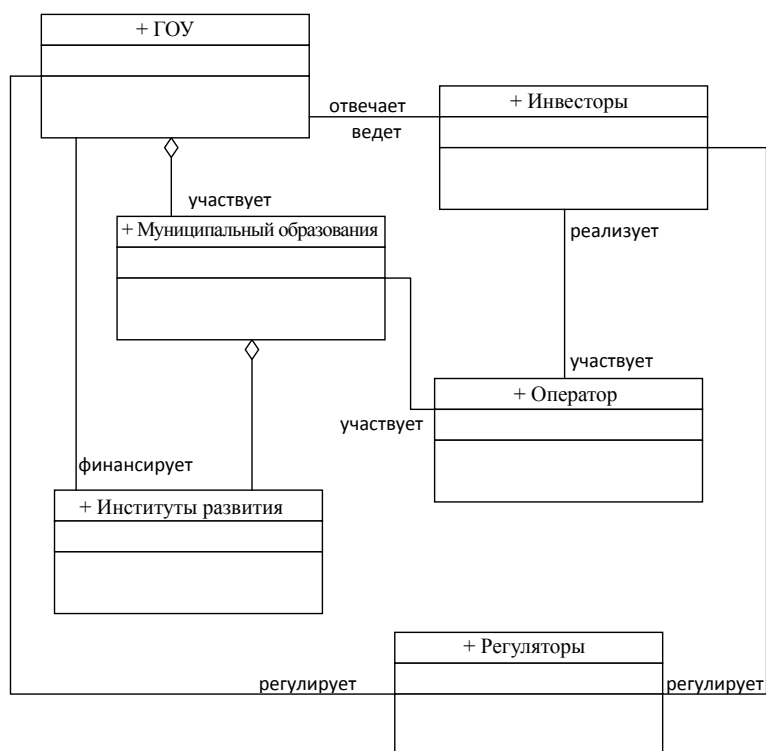

Рис. 1. Фрагмент диаграммы классов участников обобщенного процесса

Одним из видов описания модели является вид с точки зрения прецедентов.

Вид с точки зрения прецедентов охватывает прецеденты, которые описывают поведение системы, наблюдаемое конечными пользователями, аналитиками и тестировщиками.

Диаграмма прецедентов позволяет выделить будущих пользователей разрабатываемой системы и описать в общем виде необходимую им реализацию проекта. На рис. 2 представлен фрагмент диаграммы прецедентов участников проекта ГЧП.

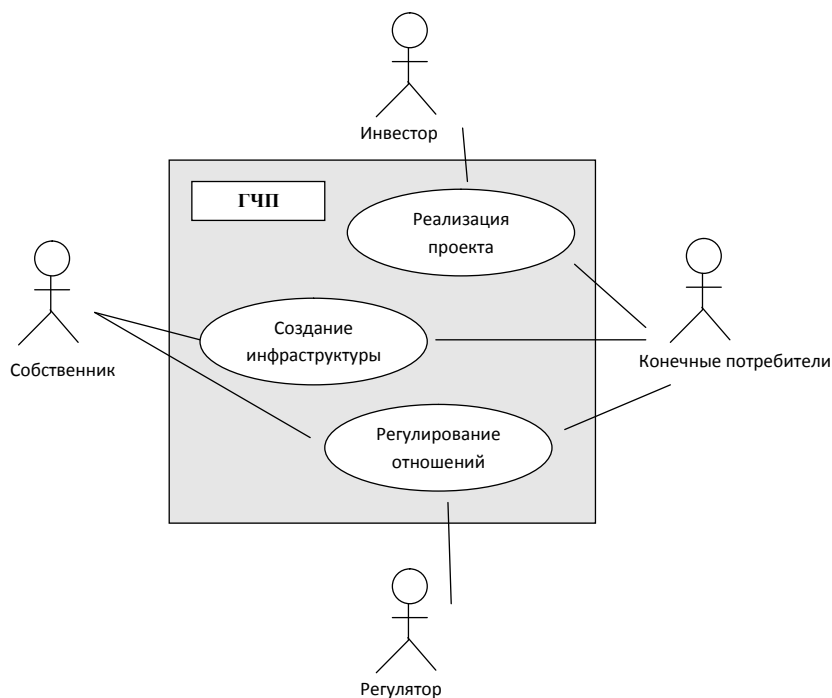

Рис. 2. Фрагмент диаграммы прецедентов модели участников ГЧП

Согласно данной диаграмме, имеется три группы исполнителей и одна группа пользователей, работающих с системой ГЧП. Наиболее распространенные формы участия государства в инфраструктуре – собственник, инвестор (бюджетное финансирование капитальных вложений) и регулятор (тарифы, нормы). Государственные органы отвечают за инфраструктуру. Развитие инфраструктуры оказывает важное и эффективное влияние не только на качество жизни конечных потребителей, т. е. всех граждан регионов, но и на экономику в целом, ведь бизнес развивается там, где есть инфраструктура, это важное конкурентное преимущество для регионов и муниципалитетов.

Для дальнейшего детального описания деловых процессов рассматриваемой предметной области с целью их формализации и структуризации используется диаграмма деятельности, которая позволяет отразить логическую последовательность выполняемых операций для создаваемого проекта. Для каждого бизнес-процесса строится отдельная диаграмма деятельности.

Таким образом, применение графической наглядности с использованием языка UML для визуализации и документирования процесса реализации проектов ГЧП позволяет, во-первых, наглядно представить и проанализировать взаимодействие объектов в системе, во-вторых, ведет к дальнейшей разработке моделей прикладной системы в сфере ГЧП.

На настоящий момент лидером в реализации проектов ГЧП по-прежнему остается Санкт-Петербургский регион. Однако можно констатировать, что донской край также является одним из передовых регионов по разработке механизма участия сторон государственно-частного партнерства при реализации инвестиционных проектов. Этот механизм наиболее удобен обеим сторонам соглашения. Два года назад в Ростовской области был утвержден новый нормативный правовой акт – постановление областного правительства от 13 декабря 2012 г. № 1073 «О порядке участия сторон государственно-частного партнерства в реализации инвестиционного проекта на территории Ростовской области». Данное постановление регламентирует участие сторон ГЧП в реализации инвестиционных проектов. А изменения, которые были внесены в закон, упростили процедуру получения инвесторами господдержки. В настоящее время Ростовская область берет на себя обязательства по обеспечению инвестпроектов коммуникациями – это и тепло-, и водоснабжение, и водоотведение. Кроме того, инвесторы, приходящие на Дон, могут воспользоваться субсидиями на возмещение части затрат при присоединении объектов капитального строительства к сетям электроснабжения и газоснабжения.

Таким образом, имитационное моделирование помогает продвигаться в реализации проектов ГЧП. Ведь основной целью применения ГЧП для органов власти является, прежде всего, создание эффективной системы производства общественных благ, а не просто формальное финансирование инвестиционных потребностей. Частный сектор также остается при своих интересах, т. к. получает доходный, обычно долгосрочный бизнес. Поэтому, крайне важно на начальном этапе заключения проекта правильно определить все ключевые параметры и участников.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверилл М., Кельтон Л. (2004). Имитационное моделирование. СПб.
Варнавский В. (2002). Партнерство государства и частного сектора: теория и практика // *Мировая экономика и международные отношения*, № 7.
Степанова Е.С. (2008). О способах классификации государственно-частных партнерств / Е.С. Степанова // *Вестник Финансовой академии*.
Хубаев Г.Н., Щербakov С.М. (2011). Инструментарий интеграции визуального и имитационного моделирования // *Вестник Донского государственного технического университета*, № 7.
Широбокова С.Н. (2014). Методика построения объектно-ориентированных моделей экономических приложений на платформе «1С: Предприятие» с использованием языка UML.
Bousquet F., Fayard Al. (2001). Road Infrastructure Concession Practice in Europe. The Word Bank: Public Disclosure Authorized.

REFERENCES

- Averill M., Kelton L. (2004). Simulation. St. Petersburg. (In Russian.)
Bousquet F., Fayard Al., (2001). Road Infrastructure Concession Practice in Europe. The Word Bank: Public Disclosure Authorized.
Khubaev G.N., Shcherbakov S.M. (2011). Tools of visual integration and simulation. *Herald Don State Technical University*, no. 7. (In Russian.)
Shirobokova S.N. (2014). The method of constructing an object-oriented model of economic applications on a platform of "1C: Enterprise" using the language of UML. (In Russian.)
Stepanova E.S. (2008). On ways of classification of public-private partnerships. *Herald Finance Academy*. (In Russian.)
Varnavskiy V. (2002). Partnership between the government and the private sector: theory and practice. *World Economy and International Relations*, no. 7. (In Russian.)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКА: НАПРАВЛЕНИЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ

СТАРИКОВСКИЙ В.С.,

аспирант кафедры экономики и финансового менеджмента,
Кубанский государственный технологический университет,
e-mail: houseofvova@mail.ru

В работе рассматриваются актуальные проблемы отечественной электроэнергетики, при этом подчеркивается особая роль региональной экономической политики в формировании устойчивого развития отрасли. Обоснована необходимость применения интегральных, системных подходов к оценке эффективности инвестиционной политики. Рассмотрена возможность применения модели межотраслевого баланса для комплексной оценки влияния проекта на экономику региона.

Ключевые слова: электроэнергетика; региональная экономическая политика; межотраслевой баланс.

REGIONAL AUTHORITIES AND THE NATIVE ELECTRICITY: THE DIRECTIONS OF THE EFFICIENCY ESTIMATION

STARIKOVSKIY V.S.,

Graduate student of chair of economics and financial management,
Kuban State University of Technology,
e-mail: houseofvova@mail.ru

The paper discusses the current problem of native Electricity, emphasizes the special role of regional economic policy in adaptation the sustainable industry development. The necessity of integrated, systematic approaches using to estimate the investment policy efficiency is justified. The possibility of using input-output model for comprehensive estimation of the influence on the regions' economy is discussed.

Keywords: electric power; regional economic policy; interbranch balance.

JEL classification: O13, O18.

В настоящий момент перед российской энергетической отраслью стоит ряд актуальных проблем, требующих максимально оперативного разрешения: высокий уровень износа генерирующих мощностей, ускоренные темпы роста тарифов, их неравенство для отдельных групп потребителей, систематические неплатежи населения и ряд других сложностей. Все это в сочетании с чрезмерной энергоемкостью экономики негативно отражается на состоянии отрасли и, как следствие, национальном хозяйстве в целом. При этом решение отдельно взятой проблемы не всегда возможно, так как неизбежен конфликт интересов между отраслью электроэнергетики и другими отраслями народного хозяйства: изыскание дополнительных источников средств для модернизации электроэнергетической отрасли возможно путем увеличения отпускных тарифов, в то время как их быстрый рост негативно отражается на работе других отраслей, а значит, и темпах экономического роста всего народного хозяйства.

При рассмотрении проблемы установки оптимальных тарифов необходимо учитывать специфику ценообразования на электроэнергетическом рынке. Произведенная продукция приобретает и потребляется без временного лага, поэтому рыночные законы спроса и предложения работают иначе, чем на классических товарных рынках. Следует отметить, что государственное регулирование, оказывая влияние на энергетическую отрасль в целом, затрагивает и вопросы ценообразования на электроэнергетическом рынке. В связи с вышеизложенным, в электроэнергетической отрасли преобладает принцип ценообразования, определяемый себестоимостью производимой продукции, что повышает важность политики региональных властей, которые должны отслеживать потребности в электроэнергии для населения и предприятий для соблюдения баланса между спросом и предложением.

Существенным фактором, снижающим инвестиционную привлекательность электроэнергетической отрасли, является также децентрализация единой энергосистемы и предпринимаемые шаги в развитии конкуренции между различными типами станций и сбытовыми компаниями. Важно учитывать, что в связи со спецификой энергетической отрасли конкуренция между производителями электроэнергии может не приводить к снижению цен на производимую энергию. Это связано с применением маржинального ценообразования – подхода, когда равновесная цена определяется как предельные переменные издержки стоимости производства самой дорогой единицы энергии, необходимой для удовлетворения спроса по соответствующей цене. Следствием данного подхода является тот факт, что предприятие-производитель электроэнергии не стремится к снижению цены реализации производимой энергии, так как данному хозяйствующему субъекту в любом случае гарантирована реализация энергии по цене не менее рентабельной электростанции. Аналогичные проблемы возникают при конкуренции между сбытовыми компаниями: электроэнергия приобретает ими по одной цене, а значит основным критерием конкурентоспособности будет являться сбытовая надбавка. Учитывая незначительную ее величину, эффект от конкуренции между сбытовыми компаниями может быть получен только при масштабном приобретении и потреблении энергии крупнейшими промышленными предприятиями. Однако предприятия нередко приобретают электроэнергию напрямую у поставщиков или же располагают собственной энергетической генерацией, что сводит конкуренцию между сбытовыми компаниями к минимуму.

Таким образом, разделение компаний на генерирующие и сбытовые привело к тому, что позитивный эффект масштаба от консолидации отрасли был ликвидирован, при этом расходы по выработке и доведению электроэнергии до потребителя значительно выросли, что снизило прибыли предприятий и заставило увеличить отпускную стоимость электроэнергии и сбытовую надбавку. Важным негативным аспектом разделения деятельности субъектов электроэнергетической отрасли на производственную и сбытовую стало также размытие ответственности за качество предоставляемых услуг между данными организациями. Это значительно усложняет как взаимодействие с потребителями электроэнергии, так и деловые отношения между энергетическими компаниями. Можно сделать вывод, что к настоящему моменту проблема создания эффективного рынка электроэнергии в России не решена, а преодоление перечисленных проблем требует осуществить постановку адекватных целей и направлений инвестиционной политики.

Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что проблема создания эффективных электроэнергетических производств остается весьма актуальной, и региональным органам власти необходимо учитывать максимально широкий спектр факторов при формировании собственной инвестиционной политики. Значимость данного вопроса особенно высока в энергодефицитных регионах, осуществляющих закупку электроэнергии на оптовом рынке. Помимо создания новых производств, нельзя не отметить значимость поддержки существующих предприятий, а также участия региона в перспективных проектах на условиях софинансирования.

В.З. Мазлов, А.Б. Кцоев, рассматривая механизм государственной поддержки предприятий, выявили ряд недостатков системы распределения государственных субсидий. Отмечая, что механизм распределения имеет не экономические, а социальные или политические цели, исследователи выделили следующие его недостатки:

- субсидии предоставляются в порядке очередности, исходя из времени поступления в министерство необходимых документов;
- принцип неполного контракта приводит к асимметрии информации, что является благоприятной средой для возникновения сговоров;
- низкая корреляция между полученными предприятиями субсидиями и их финансовым результатом.

Для преодоления данных негативных факторов авторы предлагают руководствоваться рейтинговой системой, в которой стимул получателя субсидий заключался бы в росте рейтинга, а роль распределяющего органа заключалась бы в обеспечении ресурсами обладателя наилучшего рейтинга (Мазлов, Кцоев, 2011. С. 18).

Отмеченные недостатки актуальны и для большинства производственных комплексов, поскольку функционирование хозяйствующих субъектов осуществляется в рамках единых правовых, организационных, экономических условий. В связи с этим проблема рейтинговой оценки предприятий в электроэнергетике с целью

повышения эффективности механизма формирования инвестиционной политики в регионе приобретает высокую значимость.

Необходимость создания института независимой оценки инвестиционных проектов отмечает также А.И. Мороз, поддерживающий разграничение ответственности и полномочий государственных органов в части аккумуляции и распределения государственных средств на дотирование и льготное кредитование перспективных проектов и программ (Мороз, 2007. С. 125). Г.В. Ковалевский, рассматривая различные подходы к регулированию развития региональных экономических систем, разрабатывает интегральный системный подход с целью исключить слабые стороны и усилить влияние сильных сторон исследуемых подходов (Ковалевский, 2009).

Л.А. Коршунова, Н.Г. Кузьмина выделяют несколько групп критериев инвестиционных проектов, которые целесообразно сопоставить методом экспертных оценок:

- целевые;
- внешние и экологические;
- критерии реципиента, осуществляющего проект;
- критерии научно-технической перспективности;
- производственные;
- рыночные;
- критерии региональных особенностей.

Отдельно выделяются коммерческие критерии, которые целесообразно рассчитывать исходя из чистой текущей стоимости и производных от нее показателей (Коршунова, Кузьмина, 2006. С. 140).

По нашему мнению, перечисленные группы критериев неравнозначны и существенно варьируются в зависимости от приоритетов конкретных субъектов инвестиционной политики. Следует учитывать, что часть перечисленных факторов уже закладывается в расчетные критерии коммерческой эффективности проектов. Так, к примеру, ставка дисконтирования, применяемая при расчете чистого дисконтированного дохода, учитывает риски внешней и внутренней среды предприятия. Таким образом, информация о внешних и собственных рисках реципиента уже отражается в расчетном значении чистой текущей стоимости. Производственные критерии тесно связаны с коммерческими показателями проекта, а расчет средневзвешенной стоимости капитала и экономической добавленной стоимости позволяет оценить эффективность использования ресурсов. Особенности конкретного региона учитывает расчет социальной эффективности, поскольку социальная ставка межвременных предпочтений основывается на большом количестве социальных факторов региона.

Таким образом, из перечисленных исследователями критериальных групп неохваченными коммерческими расчетами остаются рыночные и научно-технические критерии. По нашему мнению, оценка органами государственной власти научно-технической перспективности конкретных инвестиционных проектов должна осуществляться отдельно от механизма отбора проектов для финансирования и не влиять на итоговое решение о поддержке того или иного проекта.

Это связано с двумя возможными альтернативами:

- применение перспективных научных и технических инноваций позволяет улучшить финансовые показатели. В данном случае проект с перспективными наработками получает конкурентное преимущество и отбирается как более прибыльный;
- применение научных и технических инноваций не дает проекту преимуществ перед альтернативными проектами. Подобный проект может реализовываться на некоммерческих принципах в искусственно созданных условиях с учетом ценности разработанных научных результатов.

Критерии рынка в то же время, должны оцениваться дополнительно, в связи с чем особое значение приобретает оценка емкости рынка, эластичности, конкурентной среды, проведение маркетинговых исследований. Учитывая специфику рынка электроэнергетики, анализ должен производиться в соответствии с особенностями его функционирования.

Следует учитывать, что эффект от реализации проекта проявляется не только в генерировании денежных потоков для собственников бизнеса, уплате налоговых платежей в бюджет и социальном эффекте, но и во взаимодействии проекта со смежными видами экономической деятельности. Одним из инструментов, позволяющих в рамках организационно-экономического механизма формирования инвестиционной политики оценить воздействие инвестиций в основной капитал одной отрасли на смежные, является межотраслевой баланс.

В.В. Леонтьев, внесший неоценимый вклад в теорию межотраслевого анализа, отмечал, что при его составлении каждая статистическая сумма должна быть составлена таким образом, чтобы соотношение величин ее составных частей вполне соответствовало действительным отношениям отдельных данных, входящих в объект статистического рассмотрения (Леонтьев, 1925. С. 256). Выделяя технический и хозяйственный способы сравнения оборотов между отраслями производства, В.В. Леонтьев уточнил, что для первого способа ха-

рактен ограниченный круг родственных отраслей производства, при этом сравнение одинаковым образом вычисленных сумм оборота методологически оправдано.

С хозяйственной точки зрения, в обследование должны включаться все отрасли производства, в том числе и те, которые технически не имеют ничего общего, при этом сумма оборота будет равна сумме ценностей, сбываемых на свободный рынок (Леонтьев, 1925. С. 257).

В соответствии с работами Р.Ф. Кана (Кан, 1931), Дж.М. Кейнса (Кейнс, 1933), впервые сформулировавших теорию мультипликативных эффектов в экономике, увеличение любого из компонентов автономных расходов приводит к росту национального дохода общества, причем на величину большую, чем первоначальные затраты. Таким образом, реализация инвестиционного проекта в электроэнергетической отрасли региона оказывает влияние на ряд смежных отраслей, способствуя их развитию.

Применение мультипликаторов при анализе эффективности отдельных видов экономической деятельности связано с рядом затруднений: в частности, с течением времени в структуре экономики происходят изменения, и мультипликатор, рассчитанный в условиях конкретного года, неприменим для динамических оценок вклада сектора в экономический рост. (Молчан, Полиди, Кабанова, 2013. С. 1459).

В этой связи, по нашему мнению, планируемый расчет Федеральной службой государственной статистики базовых таблиц «затраты–выпуск» за 2011 г. с публикацией результатов в четвертом квартале 2015 г. в соответствии с распоряжением Правительства (Распоряжение Правительства РФ от 14 февраля 2009) позволит получить достаточно подробную информацию о структурных пропорциях в экономике по состоянию на отчетную дату, но применение данных соотношений в качестве расчетных пропорций на будущие периоды будет затруднено изменениями в межотраслевых связях за прошедшее время (Галазова, 2010). Так как с 1995 г. подобных расчетов не производилось, возможности для макроанализа экономики существенно сужаются (Галазова, 1999).

Несмотря на обозначенные трудности применения межотраслевых балансов, наличие конкретных потребителей у исследуемых инвестиционных проектов позволит рассмотреть локальный эффект от мероприятий в зависимости от конкретных отраслей.

ЛИТЕРАТУРА

Галазова С.С. (2010). Экономика знания: партнерство между вузами и бизнесом как условие модернизации университетов / С.С. Галазова // *Terra Economicus*, т. 8, № 3–2, с. 240–244.

Галазова С.С. (1999). Интраэкономика: проблемы анализа внутрикорпоративных отношений // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион*. Серия: Общественные науки, № 1, с. 25.

Кан Р.Ф. (1931). Связь инвестиций, домохозяйств и безработицы.

Кейнс Дж.М. (1933). Средства процветания.

Ковалевский Г.В. (2009). Проблемы и перспективы формирования региональных экономических систем: монография / Г.В. Ковалевский. Харьков. нац. акад. гор. хоз-ва. Х.: ХНАГХ.

Коршунова Л.А., Кузьмина Н.Г. (2006). Экономика энергетических предприятий: учебное пособие / Л.А. Коршунова, Н.Г. Кузьмина. Томск: Изд-во ТПУ.

Леонтьев В.В. (1925). Баланс народного хозяйства СССР. Методологический разбор работы ЦСУ // *Плановое хозяйство*, № 12, с. 254–258.

Мазлов В.З., Кцоев А.Б. (2011). Механизм государственной поддержки: стимулы и ограничения в системе распределения субсидий // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*, № 9, с. 16–22.

Молчан А.С., Полиди А.А., Кабанова Н.И. (2013). Мультипликативный эффект капитализации финансово-экономического потенциала региональных социально-экономических систем: расчет и практическое применение // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*, № 91, с. 1445–1474.

Мороз А.И. (2007). Социально-экономическое развитие региона: проблемы и пути их решения: монография / А.И. Мороз / Под ред. д-ра эконом. наук, проф., акад. НАНБ Г.М. Лыча. Гродно: ГрГУ.

Распоряжение Правительства РФ от 14 февраля 2009 г. № 201-р О разработке базовых таблиц «затраты – выпуск» за 2011 г.

REFERENCES

Galazova S.S. (2010). Knowledge Economy: partnership between universities and the business as a condition for the modernization of universities. *Terra Economicus*, vol. 8, no. 3–2, pp. 240–244. (In Russian.)

Galazova S.S. (1999). Intraekonomika: problems of analysis of intra-corporate relations. *Proceedings of the higher education institutions. North Caucasus region*. Series: Social Sciences, no. 1, p. 25. (In Russian.)

Kahn R.F. (1931). Bond investment, households, and unemployment. (In Russian.)

- Keynes J.M. (1933). Means prosperity. (In Russian.)
- Kovalevsky G.V. (2009). Problems and prospects for the formation of regional economic systems: monograph. Kharkiv. (In Russian.)
- Korshunova L.A., Kuzmina N.G. (2006). Economy energy enterprises: a tutorial. Tomsk. (In Russian.)
- Leontiev V.V. (1925). The balance of the national economy. Methodological analysis of the CSO. *Planned economy*, no. 12, pp. 254–258. (In Russian.)
- Mazloev V.Z., Ktsoev A.B. (2011). The mechanism of state support, incentives and constraints in the distribution of subsidies. *Economics of agricultural and processing enterprises*, no. 9, pp. 16–22. (In Russian.)
- Molchan A.S., Polidi A.A., Kabanova N.I. (2013). Multiplicative effect of capitalization of financial and economic capacity of the regional socio-economic systems: the calculation and practical application. *Polythematic Network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University*, no. 91, pp. 1445–1474. (In Russian.)
- Moroz A.I. (2007). Socio-economic development of the region: problems and solutions: a monograph. Grodno. (In Russian.)
- Russian Federation Government Decree of February 14, 2009 N 201-p On the development of the underlying tables "input – output" for 2011. (In Russian.)

ТЕНДЕНЦИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

ИЩЕНКО-ПАДУКОВА О.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
e-mail: ishchenko-oa@mail.ru;

МОВЧАН И.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
e-mail: movchani@mail.ru

В статье рассматриваются тенденции инновационного роста и инновационной экономической политики в условиях формирования высокопроизводительной экономики. Особое внимание сосредоточено на императивах и факторах инновационного развития национальной российской экономической системы.

Ключевые слова: национальная инновационная система; инновационная политика; инновационная инициатива; инновационная производительность; глобальная конкуренция.

INNOVATIVE TRENDS OF NATIONAL ECONOMY IN THE GLOBAL COMPETITION

ISHCHENKO-PADUKOVA O.A.,

PhD, Associate Professor,
Southern Federal University,
e-mail: ishchenko-oa@mail.ru;

MOVCHAN I.V.,

PhD, Associate Professor,
Southern Federal University,
e-mail: movchani@mail.ru

The article describes the trends of innovative growth and innovation policy in the emerging high-performance economy. Particular attention is focused on the imperatives and factors innovative development of Russian national economic sys-tem.

Keywords: national innovation system; innovation policy; innovation initiative; innovation capacity; global competition.

JEL classification: F01, O31, O32.

Экономическое взаимодействие национальной инновационной системы с инновационными системами других стран усиливает глобальный инновационный потенциал мировой экономики. Однако более глубокий анализ показывает, что подобное взаимодействие носит неравномерный характер. Учет отраслевых, региональных и предпринимательских особенностей разных стран в инновационной сфере демонстрирует разный

уровень их инновационной активности в различных областях экономической деятельности. Это обуславливает специфический национальный характер инновационной конкурентоспособности в глобальном мире.

В этой связи высокопроизводительной эффективной национальной инновационной системой следует считать такую систему, в которой обеспечиваются не только высокие темпы интенсивного экономического роста, но и рост социальных стандартов уровня жизни населения.

В ряде стран конкурентными преимуществами инновационного роста обладают крупные предприятия и организации добывающей промышленности, в других странах – основные секторы инновационного роста: сельское хозяйство, медицинские, образовательные, финансовые услуги. Вместе с тем, многие страны до сих пор не смогли воспользоваться возможностями инновационного роста.

Два фактора являются основополагающими для успешного вхождения страны в систему глобальной инновационной конкурентоспособности: рост внутреннего инновационного потенциала страны и конъюнктура глобальных инновационных рынков. При этом успешность инновационной стратегии в большей степени зависит от инноваций, поскольку инновации имеют определяющее значение на рынках с высокой добавленной стоимостью товаров и услуг, а также тесно связаны с возможностями бизнес-использования научных, инженерных достижений и научно-исследовательского сотрудничества в сферах экономики.

Многие компании, позиционирующие на мировых рынках как инновационные лидеры, реагируют на этот вызов, осуществляя производство товаров с высокой добавленной стоимостью, однако многие малые и средние инновационно активные предприятия испытывают определенные сложности, связанные с выходом на международные цепочки поставок. Это отражает низкий уровень инновационной экспортной деятельности малых и средних бизнес-структур по сравнению с крупными предприятиями. Как справедливо отмечает Ю.Р. Туманян, «важнейшей частью внешнеэкономической деятельности выступает торговля, которая определяется как предпринимательская деятельность в области международного обмена товарами, работами, услугами, информацией и результатами интеллектуальной деятельности. Однако данная деятельность носит относительно ограниченный характер, поскольку государство оставляет за собой право регулировать важнейшие аспекты этой деятельности» (Туманян, 2013).

Кроме того, инвестиции в инновации составляют незначительную долю от общего объема инвестиций, что препятствует возможности малого и среднего бизнеса генерировать инновации. В крупных же компаниях значительная доля от общего объема инвестиций направляется на достижение инновационного развития, что дает возможность сотрудничества с глобальным научно-исследовательским сектором и создания новых инновационных продуктов. Необходимо учитывать, что крупные компании обычно демонстрируют более высокий уровень инноваций, чем предприятия малого и среднего бизнеса в большинстве отраслей национальной экономики.

Поскольку крупные национальные компании занимают значительную долю в стоимостном выражении экспорта инновационной продукции, а также имеют высокий уровень инвестиций в инновации, они выступают «локомотивами инновационного роста» национальной экономики. В публикации И.В. Фроловой разработана методика построения рейтинга инвестиционного потенциала региона с использованием количественной информации, позволяющая определить инвестиционный статус территории в сфере инновационного развития (Фролова, 2009).

Однако низкая инновационная производительность предприятий малого и среднего бизнеса свидетельствует о потенциальной неэффективности всей национальной инновационной системы или демонстрирует слабые стратегические намерения вхождения страны в глобальный инновационный мир, закрепляя за ней стратегию «догоняющего роста».

В целом для формирования национальной стратегии инновационного роста необходимо улучшение бизнес культуры и управленческого потенциала на всех уровнях предпринимательского сектора (включая малый и средний бизнес), которые будут способствовать эффективности инновационных решений для обеспечения глобальных цепочек поставок инновационной продукции. Другая проблема связана с оптимизацией международного сотрудничества и формированием продуктивных связей, которые позволят занять конкурентное положение в глобальном инновационном пространстве.

Поэтому эффективность функционирования высокопроизводительной инновационной системы должна обеспечиваться непрерывностью инновационно-финансовых инвестиционных потоков и обмена инновационными ресурсами, идеями и продуктами, как на национальном, так и на региональном уровне. Ранее мы отмечали, что «системной задачей региональной политики привлечения инвестиций является идентификация конкурентных преимуществ территории и определение приоритетности направлений инвестиционных ресурсов государственных и частных инвесторов» (Мовчан, Ищенко-Падукова, 2013).

Опыт экономически развитых стран свидетельствует, что инновационная активность и инновационный потенциал национальной экономики удваивает вероятность роста производительности труда в тех отраслях

производства, где осуществляется инновационное развитие. По сравнению с национальными экономиками, которые не уделяют внимание развитию инноваций, инновационно развитые страны демонстрируют более высокие темпы экономического роста в долгосрочном тренде.

Особенно это касается тех национальных экономик, в которых осуществляется взаимосвязь науки, образования и бизнес-сообщества в целях создания и внедрения инноваций как приоритета экономического развития. Специальные исследования показали, что совместные инновации бизнес-структур с научно-исследовательскими организациями усиливают вероятность роста инновационной производительности бизнеса.

При этом совместные инновации являются не только инструментом для роста производительности труда, но и создают возможности инновационной новизны в глобальном аспекте. Совместные инновации в значительной степени обеспечивают производство абсолютно нового продукта, продвижение которого на глобальном инновационном рынке обеспечивает рост конкурентоспособности национальной экономики в мировом масштабе.

Рост национального инновационного потенциала обеспечивается:

- ростом числа инновационно-активных организаций;
- усилением связей инновационно-активных организаций с научно-исследовательскими и образовательными структурами;
- преобладанием в структуре инновационно-активных организаций предприятий малого и среднего бизнеса;
- повышением доли инновационных инвестиций (особенно в секторах малого и среднего бизнеса);
- усилением международного и трансграничного сотрудничества в инновационной сфере.

Национальное инновационное развитие формирует новые экономические условия для роста уровня и качества жизни, поскольку обеспечивает рост занятости и реальных доходов населения, снижение безработицы и инфляции, повышение уровня образования и стандартов социальной защиты.

Вместе с тем, в странах чрезмерной зависимости экономики от ресурсов на основе отраслевого экспорта, устойчивость национального экономического развития значительно ниже, чем в странах, создающих условия для ускоренного инновационного роста. Отсутствие промышленного и рыночного разнообразия также повышает риск для долгосрочного роста и производительности национальной экономики.

Рост производительности и конкурентоспособности национальной экономики в значительной степени опирается на инновации, которые требуют эффективного управления физическими, капитальными и нематериальными активами. Рыночная диверсификация инновационного роста формирует устойчивость национальной экономической системы к глобальным потрясениям, создавая новые инновационные рынки внутри страны и осуществляя международный обмен инновациями.

Устойчивое национальное инновационное развитие требует обеспечения долгосрочных инвестиций и институциональных рамочных условий деятельности инновационных организаций, поскольку, как справедливо отмечает В.В. Вольчик, «чем разнообразнее институты в хозяйственном порядке, тем легче происходит адаптация к различным шокам, таким как экономические кризисы» (Вольчик, 2013).

Глобальные сравнения инновационного развития национальных экономик показывают, что национальная инновационная система может быть столь же эффективной, как и другие высокопроизводительные инновационные системы, если институциональные условия для инновационного предпринимательства соответствуют мировым инновационным стандартам, а занятые в инновационных секторах экономики имеют высокую профессиональную квалификацию.

Международное научное сотрудничество в области инновационного развития также способствует росту национальных систем производства, науки и образования, повышая их инновационную конкурентоспособность.

Международное инновационное сотрудничество через систему высшего профессионального образования вносит значительный вклад в национальную экономику. Повышение доли иностранных студентов, оптимизация систем студенческого обмена не только обеспечивает значительный экспортный доход, но и формирует платформу для построения взаимоотношений людей, социально-культурного обмена и укрепления деловых связей с другими странами.

Торговые и культурные отношения, которые вытекают из таких обязательств, важны для создания новых возможностей для инновационного бизнеса, а также для того, чтобы создать благоприятные условия для повышения мобильности студентов, для реализации взаимовыгодных возможностей для обмена новыми знаниями и идеями с помощью научного и научно-исследовательского межстранового сотрудничества.

Однако в настоящее время большинство стран мира по-прежнему зависит от инновационно развитых держав – США, стран Европы, Японии – в качестве источников идей, инвестиций, инноваций и технологий.

В этих условиях высокопроизводительная национальная инновационная система должна быть в состоянии сотрудничества с мировыми лидерами, чтобы охватить новые возможности на мировых рынках.

Международный рынок образования становится все более сложной структурой, требующей формирования новых инновационных инструментов его развития в условиях сильной конкуренции со стороны других стран, позиционирующих на мировой образовательной арене в качестве лидеров в сфере образования.

Инновационное развитие критических отраслей с низкой долей производительности предполагает усиление инновационного сотрудничества с компаниями-лидерами, формирование эффективных моделей бизнес-культуры и навыков управления инновационным бизнесом. Кроме того, инновационные подходы в сфере менеджмента, маркетинга и инновационной стратегии представляются наиболее существенным императивом инновационного позиционирования в условиях глобальной конкурентоспособности.

Одной из основных возможностей быстрого инновационного развития выступает разработка инновационных экологических товаров и услуг, расширяющих экспортные перспективы для инновационных предприятий национального бизнеса.

Инновационные экологические товары способны удовлетворить быстро растущий спрос на инновационные решения экологических проблем.

Для того, чтобы в полной мере реализовать возможности инновационного роста экологически устойчивой экономики, необходимо оптимизировать инструменты экологической эффективности национального хозяйства.

Это потребует структурной модернизации промышленного производства в направлении сокращения его негативного воздействия на окружающую среду. В этих условиях институционализация сферы эко-инноваций является необходимым и важным аспектом национального развития. Доля эко-инноваций в национальной экономике должна увеличиваться на стратегической основе.

Национальная экономика эко-инновационного типа должна идентифицироваться как стратегический эко-новатор, имеющий приоритетом высокие инвестиционные и эксплуатационные критерии, демонстрирующие признаки высокопроизводительного бизнеса.

При этом продуктивность государственных инвестиций в технологии защиты окружающей среды должна соответствовать высоким международным стандартам экологической безопасности, а также создавать предпосылки технологического преимущества в экологических инновационных технологиях. Однако не только государственные инвестиции в инновации будут способствовать экологическому росту: требуются также инвестиции со стороны бизнес-сообщества.

В рамках реализуемой национальной инновационной политики, основанной на принципах эффективных инновационных инициатив, необходимо согласование региональных инновационных стратегий по всей территории Российской Федерации. В предыдущих публикациях мы отмечали, что «стимулирование предпринимательской активности как основы устойчивого развития региональной экономики должно учитывать такие факторы, как предпринимательский потенциал региона, развитость инфраструктуры поддержки предпринимательства, общее состояние экономической системы» (Мовчан, Ищенко-Падукова, 2013).

Включение российской макроэкономики в мировую инновационную систему объективно предполагает выдвигание в качестве основных следующих императивов:

- создание территориальных советов по инновациям, организационная задача функционирования которых заключается в построении системы региональных инновационных инициатив;
- разработка программных документов, декларирующих рост эффективности инновационных инициатив за счет обеспечения согласованности и доступности инновационного развития.

Инновационная политика должна соответствовать следующим критериям:

- определение необходимости и достаточности государственного вмешательства в сферы инновационной деятельности;
- обеспечение согласованности программ инновационного развития на территориальном, отраслевом и посферном уровнях;
- возможность координации и взаимодополняемости региональных программ инновационного развития, обеспечение их максимальной целесообразности, эффективности, результативности, интеграции и оценки;
- обеспечение стратегического выравнивания отдельных инновационных программ в рамках единого механизма реализации инновационной политики;
- соответствие инновационных инициатив структуре индивидуальных и общественных потребностей.

Преимущества такого организационно-управленческого подхода к анализу проблем формирования и реализации инновационной политики в макроэкономическом масштабе заключается, по нашему мнению, в следующем.

1. Реализация региональных инновационных инициатив обеспечивает развитие и поддерживает высокую эффективность национальной инновационной системы.
2. Инновационные инициативы отражают трансформацию потребностей и реагируют на выявление приоритетов со стороны спроса.
3. Основанием для вмешательства государства в целях поддержки определенных инновационных инициатив является четкое определение потоков финансирования инновационного производства на основе рациональности использования инвестиционных вложений и рационализации инновационных бизнес-инициатив.
4. Наличие критериев оценки инновационных и финансовых рисков и их оптимизация за счет измерения ключевых показателей эффективности ожидаемого результата.
5. Разработка инновационной инициативы должна включать механизм соответствия с итоговыми пользователями потребительского сегмента, а также прикладные процессы, связанные с определением рынков сбыта инновационной продукции.

ЛИТЕРАТУРА

- Вольчик В.В. (2013). Таинственный пазл теории институциональных изменений // *Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая*. 2013, № 1(43). с. 5–11.
- Мовчан И.В., Ищенко-Падукова О.А. (2013). Региональная инвестиционная политика как институт модернизации предпринимательства на Юге России // *TERRA ECONOMICUS*, т. 11, № 4.3, с. 175–179.
- Мовчан И.В., Ищенко-Падукова О.А. (2013). Институты предпринимательства: специфика и инструменты модернизации в регионах Юга России // *TERRA ECONOMICUS*, т. 11, № 3.2, с. 95–100.
- Туманян Ю.Р. (2013). Маркетинговая программа проникновения предприятия на внешний рынок: методы и формы // *TERRA ECONOMICUS*, т. 11, № 4.2, с. 45–49.
- Фролова И.В. (2009). Теоретические основы и практические приемы рейтинговой оценки инвестиционного потенциала регионов Южного федерального округа // *Финансы и кредит*, 2009, № 24, с. 38–50.

REFERENCES

- Frolova I.V. (2009). Theoretical basics and practical techniques of investment potential rating of the regions of the Southern Federal District. *Finance and credit*, no. 24, p. 38–50. (In Russian.)
- Movchan I.V., Ishchenko-Padukova O.A. (2013). Regional investment policy as an institution modernization of business in Southern Russia. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 4.3, p. 175–179. (In Russian.)
- Movchan I.V., Ishchenko-Padukova O.A. (2013). The institutions of entrepreneurship: peculiarities and modernization tools in the South Russian regions. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 3-2, p. 95–100. (In Russian.)
- Tumanyan Yu.R. (2013). Methods and forms of penetration marketing program on a foreign market. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 4.2, p. 45–49. (In Russian.)
- Volchik V.V. (2013). Mysterious puzzle of the institutional change theory. *Proceedings of Donetsk National Technical University. Series: Economic*, no. 1(43), p. 5–11. (In Russian.)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И ЭКОНОМИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КУБКИНА Ю.С.,

преподаватель кафедры «Мировая экономика и международные отношения»,
Южный федеральный университет,
e-mail: juliasapel@mail.ru

Автор рассматривает основные тенденции развития электронной коммерции в современной мировой экономике и экономике Российской Федерации. Дается характеристика электронной коммерции на современном этапе развития. Рассмотрены преимущества и недостатки осуществления электронной коммерции. Проводится анализ существующих проблем и барьеров на пути развития электронной коммерции, как на национальном уровне, так и в мировом масштабе.

Ключевые слова: электронная коммерция; электронный бизнес; электронная торговля; информация; мировая экономика; «облачные вычисления».

THE MAIN TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF ELECTRONIC COMMERCE IN WORLD ECONOMY AND ECONOMY OF THE RUSSIAN FEDERATION

KUBKINA Y.S.,

Lecturer, Chair of World Economy and International Relations,
Southern Federal University,
e-mail: juliasapel@mail.ru

The author considers the main tendencies of electronic commerce's development in world economy and economy of the Russian Federation. The characteristic of electronic commerce at the present stage of development is given. Advantages and lacks of electronic commerce are considered. The analysis of existing problems and barriers on a way electronic commerce's development at national level and on a global scale is carried out.

Keywords: electronic commerce; electronic business; internet trade; information; world economy; cloud computing.

JEL classification: L81, F100.

Жизнь современного общества невозможно представить без использования информационных технологий в любой сфере деятельности, как в бизнесе, так и в социальном общении. С развитием технологий, их возрастающей ролью в национальной и мировой экономики, меняются способы взаимодействия экономических субъектов, появляются новые формы торговли, новые товары, экономика становится информационной.

Развитие электронной коммерции началось в 1960-х гг. в США и с середины 1990-х гг. – в России. Этот процесс ознаменовался внедрением авиакомпаниями электронной системы бронирования билетов. Это стало прорывом в развитии электронной коммерции. Далее ее развитию способствуют создание систем управления запасами, появление компьютерных сетей и систем передачи данных, платежных карт и других систем элек-

тронных платежей, а также коммерциализация сети Интернет. По данным мировой статистики на 2012 г. общее число Интернет-пользователей в мире насчитывает 2,4 млрд чел. В России эта цифра составляет 67,9 млн. чел., что соответствует 43% распространения Интернета среди российского населения. В целом по России интернет-аудитория за последние 8 лет увеличилась в 5 раз (*Сайт мировой Интернет-статистики*).

Особенностью понятия «электронная коммерция» является его применение ко всей экономической деятельности, связанной с использованием информационных технологий. Попытки систематизировать и унифицировать категории и понятия электронной коммерции предпринимались многими авторами. Существует множество трактовок, в той или иной степени раскрывающих суть электронной коммерции. Необходимо отметить, что большинство зарубежных авторов в своих трудах опираются более на практическую сторону вопроса и уделяют меньше внимания теоретической части.

На основе анализа существующих определений, а также согласно эмпирическому и этимологическому подходам мы можем утверждать, что термин «электронная коммерция» может употребляться в двух смыслах, широком и узком.

В широком смысле электронная коммерция – это любая экономическая деятельность, включающая использование электронных информационных технологий.

В узком смысле – это коммерческая деятельность по купле/продаже товаров или услуг в сети Интернет с целью получения прибыли.

С точки зрения употребления термина «электронная коммерция» в широком смысле, можно рассматривать ее идентичность термину «электронный бизнес», поскольку «Большой экономический словарь» трактует бизнес, как «любую экономическую деятельность, направленную на получение прибыли» (*Азрилиян, 2008*).

Употребление понятия «электронная торговля» соответствует термину «электронная коммерция» в узком смысле, подразумевая только покупку/продажу товаров или услуг в сети Интернет, заменяя и дополняя традиционные способы взаимодействия покупателей и продавцов, перенося их в электронное пространство.

Исходя из того, что на данный момент в большинстве случаев понятие «электронная коммерция» применяется ко всей экономической деятельности, связанной с использованием информационных технологий, следует уточнять, в каком смысле, узком или широком, оно употребляется в том или ином контексте.

Одной из наиболее динамично развивающихся направлений электронной коммерции является развитие «облачных вычислений».

Облачные вычисления, или cloud computing – это программно-аппаратное обеспечение, доступное пользователю через сеть Интернет и позволяющее иметь повсеместный и удобный доступ к информационным ресурсам (например, сетям передачи данных, устройствам хранения данных, серверам, приложениям и сервисам).

Популярность идеи облачных вычислений возросла в 2007 г., благодаря быстрому развитию информационных технологий и растущей потребности бизнеса в реорганизации своих информационных сетей (*Cloud Computing Group..., 2011*).

Облачная модель вычислений предполагает предоставление ИТ-ресурсов в виде стандартизированных сервисов с возможностью учета и динамического изменения объема потребляемых ресурсов. Это модель, в рамках которой предоставляемое пользователю оборудование находится под контролем поставщика, однако пользователь может управлять операционной системой и установленными в ней приложениями. Эта система обеспечивает клиенту возможность при необходимости задействовать большее количество ресурсов (*Gillam, Lee, 2010*).

Облачные среды обладают следующими возможностями: оперативное выделение большого количества ресурсов; оперативное уменьшение задействованных ресурсов с целью экономии; самостоятельное управление объемом потребляемых облачных ресурсов; быстрое наращивание общей (суммарной) производительности облачной системы; мониторинг, контроль и отчетность о потребленных ресурсах.

Поскольку облачные вычисления – это новейшая технология систем электронной коммерции, выделяют некоторые проблемы в ее работе, напрямую связанные с их особенностями: удаленность, распределенность, абстрагированность, параллелизм и т. д.

Необходимость в постоянном подключении к сети Интернет также является достаточно значимой проблемой, особенно для российских пользователей. При отсутствии доступа к сети Интернет автоматически становится невозможно работать.

Несмотря на определенные недостатки, «облачные вычисления» предоставляют благоприятные возможности для расширения бизнеса и позволяют достигнуть значительной экономии расходов, снизив капитальные текущие расходы. Эта экономия может реинвестироваться, поощряя инновации, повышая конкурентоспособность и непосредственно улучшая рентабельность, т. е. дает ощутимый положительный эффект для экономики стран.

Согласно статистике, рынок «облачных» услуг в России за 2013 г. вырос на 32%, до \$633 млн (20,5 млрд руб.). По прогнозам, к 2016 г. объем рынка увеличится в 2,2 раза, до \$1,7 млрд (55,6 млрд руб.) (*Сайт мировой Интернет-статистики*).

Доступ к электронному информационному обмену позволяет существенно повысить эффективность деятельности экономических субъектов за счет снижения транзакционных издержек, уменьшения времени для организации сделки, а также обеспечивает быстроту и точность получения информации, высокую скорость финансовых расчетов, позволяет уменьшить расходы на доставку (главным образом для товаров, которые могут быть получены электронным способом), улучшить анализ рынка и стратегическое планирование, дает большие возможности для маркетинговых исследований, а также одинаковый доступ к рынку, как для крупных корпораций, так и для небольших фирм. Рамки электронной коммерции определяются не географическими или национальными границами, а распространением компьютерных сетей. Поскольку самые важные сети являются глобальными, электронная коммерция позволяет даже самым мелким предприятиям достигать глобального присутствия и заниматься бизнесом в мировом масштабе.

Помимо несомненных преимуществ, осуществление электронной коммерции несет ряд недостатков, как для отдельного потребителя, так и для общества в целом. К ним относятся: несовершенство законодательной базы в области электронной коммерции; привлекательная среда для мошенничества; необходимость обеспечения достаточного уровня безопасности; снижение конкурентоспособности коммерческих предприятий, не имеющих представительства в электронном пространстве; возможность уклонения от уплаты налогов в бюджет государства.

Что касается правового регулирования электронной коммерции, то оно далеко от совершенства. Однако если покупатель виртуальных товаров находится в России (и неважно, иностранец он или российский гражданин), то он всегда может обратиться к закону «О защите прав потребителей» (Закон РФ «О защите прав потребителей», 1992), причем независимо от гражданства продавца. Если продавец – российское юридическое лицо, то в этом случае сделка будет полностью регламентирована нормами законодательства Российской Федерации. Если продавец – иностранная компания, то вопрос решается несколько сложнее. Конечно, существует проблема идентификации субъекта в Интернете: сервер может физически находиться в одной стране, размещать информацию компании из другой страны, в то время как контрагент по этой сделке находится в третьей, а доставка продукции осуществляется из четвертой и так далее. Однако если торгующая организация является добросовестным участником экономических отношений, она, естественно, разместит о себе максимально полную и правдивую информацию, включая регистрационные данные и местонахождение. В любом случае, покупатель всегда сам может решить, достаточно ли опубликованной информации о продавце и стоит ли иметь с ним дело.

Законы, относящиеся к осуществлению сделок, во всех странах различны, и когда сделку заключают представители разных государств, всегда возникает вопрос, каким правом решать конфликты между сторонами. Этот вопрос возникает с тех пор, как возникло понятие международной торговли. А регулирование международных торговых отношений складывалось веками, и нормы международного права вполне определенно способствуют решению таких конфликтов. Уже давно существуют международные договоры, регламентирующие торговые отношения. В этих договорах нет еще документов, описывающих электронную торговлю, но она принципиально не отличается от, например, заказов по телефону или по каталогу.

Кроме закона «О защите прав потребителей», также можно руководствоваться Гражданским кодексом Российской Федерации (Гражданский кодекс Российской Федерации..., 1994), федеральным законом «Об электронной подписи» (Федеральный закон «Об электронной подписи», 2011), федеральным законом «О связи» (Федеральный закон «О связи», 2003), федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях...», 2006).

Существовавшие два закона, Федеральный Закон «Об авторском праве и смежных правах» (Федеральный Закон «Об авторском праве и смежных правах», 2008) и Федеральный Закон «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» (Федеральный Закон «О правовой охране программ...», утратил силу 2008) ныне утратили силу. Теперь экономические отношения, возникающие в данной сфере, регулируются четвертой частью Гражданского Кодекса, Раздел 7 «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации».

Осуществление электронной коммерции было бы затруднено без существования банковских платежных карт. Соответственно, также было принято несколько законов, регулирующих данную сферу деятельности: Положение Банка России «Об эмиссии банковских карт и об операциях, совершаемых с использованием платежных карт» (Положение Банка России «Об эмиссии банковских карт...», 2004), Положение ЦБ РФ «О порядке эмиссии кредитными организациями банковских карт и осуществления расчетов по операциям, совершаемым с их использованием» (Положение ЦБ РФ «О порядке эмиссии кредитными организациями банковских карт...», 1998).

Продажа товаров населению по безналичным расчетам посредством кредитных карточек подпадает под действие Закона Российской Федерации «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» (Закон Российской Федерации «О применении контрольно-кассовых машин...», 1993).

Также в соответствии с Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей» Правительство Российской Федерации утвердило Правила продажи товаров дистанционным способом (*Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил продажи товаров...», 2007*).

Что касается зарубежного законодательства в области регулирования электронной коммерции, то сразу можно назвать типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле, принятый ООН в 1996 г. Сфера действия данного закона распространяется на любую информацию, представленную в цифровом либо аналоговом виде и используемую в торговой деятельности.

В США электронная коммерция регулируется Федеральным законодательством, а также законодательствами штатов. А в Европейском Союзе было выпущено несколько директив: Директива 95/46/ЕС, Директива 97/7/ЕС, Директива 97/66/ЕС, Директива 2000/31/ЕС, Директива 2002/58/ЕС.

Итак, российское законодательство имеет определенные средства для регулирования проводимой в Интернете коммерческой деятельности. Следовательно, заключенные через Сеть сделки никак нельзя рассматривать как изначально недействительные, и стороны имеют полное право отстаивать в суде свои интересы по «виртуальным» договорам. И не видно никаких правовых препятствий к тому, чтобы российские судебные органы начали применять в своей практике используемые в Интернете электронные документы.

ЛИТЕРАТУРА

Азрилиан А.Н. (2008). Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилиана. М.: Институт новой экономики, с. 856.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 06.12.2011) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2012).

Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1.

Закона Российской Федерации «О применении контрольно – кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» от 18.06.93 № 5215-1.

Положение Банка России «Об эмиссии банковских карт и об операциях, совершаемых с использованием платежных карт» от 24 декабря 2004 г. № 266-П.

Положение ЦБ РФ «О порядке эмиссии кредитными организациями банковских карт и осуществления расчетов по операциям, совершаемым с их использованием» от 09.04.98 N 23-П.

Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» от 27.09.07 № 612.

Сайт мировой Интернет-статистики. Доступно на: www.internetworldstats.com.

Федеральный Закон «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» – утратил силу с 01.01.08.

Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 08.12.2011).

Федеральный Закон «Об авторском праве и смежных правах» – утратил силу с 01.01.08.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 06.04.2011).

Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2011).

Cloud Computing Group (2011). Who invented the term Cloud Computing? (англ.) Google Groups (20 October).

Gillam L. (2010). Cloud Computing: Principles, Systems and Applications / Nick Antonopoulos, Lee Gillam. L.: Springer.

REFERENCES

Azriliyan A.N. (2008). The big economic dictionary. Under the editorship of A.N. Azriliyan. *Institute of New Economy*. Moscow, p. 856. (In Russian.)

Cloud Computing Group (2011). Who invented the term Cloud Computing? (англ.). Google Groups (20 October).

Gillam, Lee. (2010). Cloud Computing: Principles, Systems and Applications. Nick Antonopoulos, Lee Gillam. L.: Springer.

The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 no. 51-FZ (an edition of 06.12.2011) (with amendment and additional, coming into force from 01.07.2012). (In Russian.)

The Act of the Russian Federation «About protection of the rights of consumers» of 07.02.1992 no. 2300-1. (In Russian.)

The Law of the Russian Federation «About application control – cash cars at implementation of monetary calculations with the population» of 18.06.93 no. 5215-1. (In Russian.)

Position of Bank of Russia «About issue of cash cards and about the operations made with use of payment cards» of december 24, 2004 no. 266-P. (In Russian.)

Position of the Central Bank of the Russian Federation «About an order of issue by the credit organizations of cash cards and implementation of calculations for the operations made with their use» of 09.04.98 no. 23-P. (In Russian.)

The Resolution of the Government of the Russian Federation «About the approval of Rules of sale of goods in the remote way» of 27.09.07 no. 612. (In Russian.)

The Federal Law «About legal protection of programs for electronic computers and databases» – became invalid from 01.01.08. (In Russian.)

The Federal Law «About communication» of 07.07.2003 no. 126-FZ (an edition of 08.12.2011). (In Russian.)

The Federal Law «About copyright and the adjacent rights» – became invalid from 01.01.08. (In Russian.)

The Federal Law «About information, information technologies and about information security» of 27.07.2006 no. 149-FZ (an edition of 06.04.2011). (In Russian.)

The Federal Law «About a digital signature» of 06.04.2011 no. 63-FZ (an edition of 01.07.2011). (In Russian.)

Web-Site of world Internet statistics. Available at: www.internetworldstats.com. (In Russian.)

ECONOMIC THEORY

Galazova S.S. Spatial aspect of modern economic theory	6
Kuzmenko V.V., Trysyachny V.I., Rudenko V.V. Development of industrial policy in the system of economic security	11
Bulgakov S.I. Conception of economy modernization: typology and preconditions	16
Volkov Y.Y. Social stratification of Russian society: the influence on the formation of financial capital	21

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMIC PRACTICE

Matveeva L.G., Stefankov I.O. Strategic approach to development of the industrial enterprises in the conditions of economic sanctions	26
Butova S.V., Butov F.S. Institutional environment of the market of the government and municipal procurements within contract system	30
Polyakov P.V., Tikhonova K.V., Cheshev A.S. Features of ecological and meliorative activities on agromeliorative landscapes in contemporary conditions	36
Barsukova A.V. The nature and basic characteristics of dynamically developing business	40
Frolova I.V., Skrynnikova A.A. Peculiarities of maintenance of accounting and tax records of innovation for internal business requirements	48
Tsokov Z.V. Institutional support project financing	53
Chalova A.A. The need to improve marketing communication tools to improve the effectiveness of organizations consumer cooperation	58
Andreeva O.V. Factors of implementation of business strategy in the major corporations in disturbed environment	64
Taranenko O.N. Financial schemes of realization of PPP infrastructure projects	69
Polyakov P.V. Improve methods of estimation of the nature economic activities using the optimization model environmental management	74
Sozanov V.V. Institute of mediation in the relations insolvency (bankruptcy) of the Russian Federation	80
Kaplina A.V. Strategic diagnostics of regional system of financing of cluster initiatives	86
Sarantsev V.N. The modern model of the organization of the Treasury system of Budget execution in the Russian Federation	91
Kazakova I. N., Mirgorodskaya O. A. Economic features of the innovation process and its development priorities in agribusiness	96
Kuzminov A.N., Korostieva N.G. Examples of improving the accounting system of credit risk for businesses	100
Mirgorodskaya O.A., Savelyeva E.A. Effective management as a factor of sustainable economic development	106

REGIONAL ECONOMY PROBLEMS

Kushnarenko T.V. The regional mechanism of preservation of steady growth in the conditions of global problems and calls	110
Rodionova N. D. Development of an indicator system to measure the quality of economic space in the region	115
Travnev L.N. Problems increase investment status of conurbations	120

Sergienko V.Yu. Improvement of the region as a factor of reflection sustainable development	128
Frolova I.V. System variables of modeling of sustainable development of the region	133
Cheshev A.S., Tikhonova K.V., Polyakov V.V. Ecological mechanism of environmental management for melioration systems	138
Taranenko O.N. The use of UML models in PPP projects	143
Starikovskiy V.S. Regional authorities and the native Electricity: the directions of the efficiency estimation	147

TRENDS IN WORLD ECONOMIC DEVELOPMENT

Ishchenko-Padukova O.A., Movchan I.V. Innovative trends of national economy in the global competition	152
Kubkina Y.S. The main tendencies of development of electronic commerce in world economy and economy of the Russian Federation	157

Научно-аналитическое издание

TERRA ECONOMICUS

2014

Том 12

Номер 2

Часть 2

Сдано в набор 02.05.2014. Подписано в печать 05.05.2014.
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура AficinaSerif.
Печать офсетная. Усл. п. л. 27,4. Уч.-изд. л. 26,5.
Тираж 558 экз. Заказ № 71. С. 164.

Издательство «Наука-Спектр».
344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская, 90, к. 8.
Т. 8(863)269-09-71.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии.